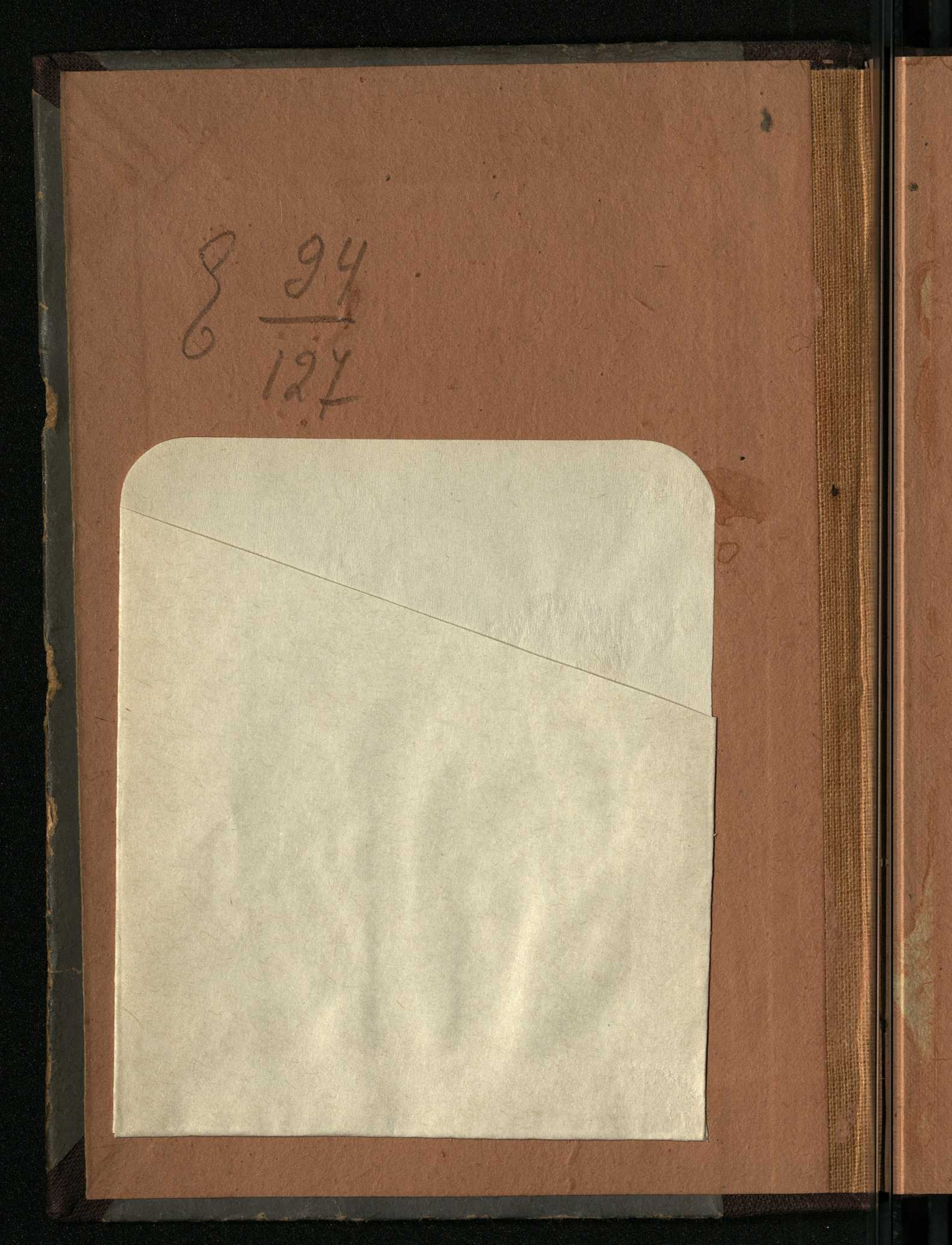
РЕСКИН

СЕЗАМ и ЛИЛИИ

8 94/127

8 94/127

Е 94/127

Рескинъ.

Сезамъ и Лиліи

Переводъ О. М. СОЛОВЬЕВОЙ.

94/127

СЕЗАМЪ И ЛИЛІИ

ТРИ ЛЕКЦІИ

ДЖОНА РЕСКИНА

I. О сокровищницахъ королей.—II. О садахъ королевъ.—III. О тайнѣ жизни.

3/III 34

Переводъ О. М. СОЛОВЬЕВОЙ.

XX-10921

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. № 5.
1901

Дозволено цензурою. Москва, 22 марта 1901 г.

Сезамъ и Лиліи*

Лекція I. СЕЗАМЪ.

О СОКРОВИЩНИЦАХЪ КОРОЛЕЙ.

„Каждый изъ васъ получитъ по десяти фунтовъ сезама и по пирогу изъ него“.

Лукіанъ „Рыболовъ“.

1. Первою своей обязанностью, милостивые государыни и государи, считаю извиниться передъ вами за названіе, подъ которымъ была первоначально объявлена эта лекція; названіе это можетъ быть понято двоякимъ образомъ, и вы можете подумать въ концѣ концовъ, что я не совсѣмъ добросовѣстно заручился вашимъ вниманіемъ. Дѣйствительно, я

* Переводъ этотъ былъ напечатанъ въ Новомъ Журналѣ Иностранной Литературы (1900, Январь и слѣд.).

не буду говорить вамъ ни о какихъ короляхъ, завѣдомо царствующихъ, и ни о какихъ сокровищницахъ, содержащихъ признанныя всѣми богатства, а о короляхъ совсѣмъ иного рода и сокровищахъ, признанныхъ не всѣми. Я даже думалъ попросить немножко вашего вниманія въ долгъ, какъ дѣлаю иногда съ пріятелемъ, котораго веду посмотрѣть особенно излюбленный уголокъ пейзажа; думалъ со всею хитростью, какая имѣется у меня въ запасѣ, скрыть отъ васъ именно то, что болѣе всего желалъ обнаружить, до тѣхъ поръ, пока мы не выйдемъ окольными тропинками на то именно мѣсто, откуда пейзажъ неожиданно откроется передъ нами во всей своей красѣ. Но мой добрый и прямодушный другъ, каноникъ Ансонъ уже раскрылъ частью эти хитрые замыслы, назвавъ лекцію въ своемъ объявленіи „Какъ и что читать“; я слыхалъ, кромѣ того, отъ людей опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, что ничто такъ не утомляетъ слушателя, какъ стараніе лектора скрыть отъ него свою конечную цѣль, — а потому теперь же сброшу прозрачную маску и скажу прямо, что буду говорить о книгахъ, о томъ, какъ мы ихъ читаемъ, какъ могли бы и должны читать. Вопросъ важный, скажете вы; да и обширный! Такой обширный, что я не буду

и пытаться охватить его цѣликомъ. Постараюсь только изложить вамъ нѣсколько простыхъ мыслей о чтеніи; мысли эти охватываютъ меня все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того какъ я наблюдаю за отношеніемъ общества къ быстрому увеличенію образовательныхъ средствъ и соразмѣрному распространенію по поверхности литературнаго наводненія.

2. Мнѣ приходится имѣть дѣловыя сношенія со школами для разныхъ классовъ населенія, и получать множество писемъ отъ родителей, по поводу воспитанія ихъ дѣтей. Эти многочисленныя письма всегда поражаютъ меня преобладаніемъ вопроса о карьерѣ въ умахъ родителей, преимущественно матерей. „Образованіе пригодное для такого-то и такого-то положенія въ свѣтѣ“, вотъ о чемъ они постоянно толкуютъ и хлопочутъ. Насколько я могъ замѣтить, образованіе, хорошее само по себѣ, никогда не входитъ въ виды моихъ корреспондентовъ; мысль объ отвлеченномъ совершенствѣ воспитанія имъ, въ большинствѣ случаевъ, совершенно чужда. Цѣль ихъ—образованіе, которое дастъ сыну возможность носить хорошіе сюртуки, звонить съ апломбомъ въ двери съ роскошными звонками и въ концѣ концовъ устроить такой же роскошный звонокъ у собственной двери, — словомъ, образо-

ваніе, которое поможетъ ему „далеко пойти". Имъ, кажется, и въ голову не приходитъ, что есть образованіе, которое само по себѣ — уже шагъ впередъ по пути жизни, тогда какъ всякое другое можетъ быть только шагъ впередъ по пути смерти; что если приняться за дѣло надлежащимъ образомъ, то это существенное образованіе легче добыть и легче дать, чѣмъ они, можетъ быть, воображаютъ; а въ противномъ случаѣ не добьешься его никакой цѣною и никакой протекціей.

3. Между идеями, наиболѣе распространенными и наиболѣе существенными въ нашей дѣловитѣйшей изъ всѣхъ странъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ, какъ мнѣ кажется, идея карьеры. По крайней мѣрѣ, ни одинъ вопросъ не обсуждается съ такой откровенностью и не считается столь подходящимъ стимуломъ юношеской энергіи. Главная моя задача въ настоящую минуту — опредѣлить практическое значеніе этого вопроса и его законныя границы.

Сдѣлать карьеру, выйти въ люди, выдвинуться,— значитъ, собственно говоря, занять видное мѣсто въ обществѣ, получить положеніе, которое другіе признаютъ почетнымъ и почтеннымъ. Дѣло тутъ не въ простомъ наживаніи денегъ самомъ по себѣ, а въ такомъ обогащеніи, о которомъ было бы всѣмъ извѣстно;

не въ достиженіи какой - нибудь великой цѣли,—а въ томъ, чтобы всѣ видѣли, что вы ея достигли. Словомъ, дѣло тутъ въ удовлетвореніи нашей жажды рукоплесканій. Эта жажда, хоть она и „послѣдняя слабость великихъ людей“, но въ то же время и первая слабость людей мелкихъ, а въ общемъ — сильнѣйшій импульсъ средняго человѣчества. Корень величайшихъ напряженій человѣчества всегда можно найти въ любви къ похваламъ, точно такъ же какъ корень величайшихъ его катастрофъ—въ любви къ наслажденіямъ.

4. Не буду ни защищать, ни порицать этого мотива. Мнѣ бы хотѣлось только убѣдить васъ, что онъ дѣйствительно лежитъ въ основѣ всей нашей дѣятельности, особенно дѣятельности современной. Удовлетвореніе тщеславія—вотъ что побуждаетъ насъ работать и услаждаетъ нашъ досугъ; оно такъ близко соприкасается съ самыми источниками жизни, что если кто задѣнетъ наше самолюбіе, мы называемъ, и справедливо называемъ, такую обиду „смертельной“, точно такъ же, какъ назвали бы какой-нибудь ракъ или страшное увѣчье.

Хотя немногіе изъ насъ настолько смыслятъ въ медицинѣ, чтобы опредѣлить различныя вліянія этой страсти на здоровье и энергію, но большинство честныхъ людей, я думаю,

сознаютъ ее и признаютъ главнымъ мотивомъ своей дѣятельности. Матросу не потому одному хочется обыкновенно попасть въ капитаны, чтобы онъ сознавалъ въ себѣ способность управлять кораблемъ лучше всего остального экипажа. Ему хочется быть капитаномъ, чтобы его называли капитаномъ. Священникъ не потому одному хочетъ обыкновенно выйти въ епископы, чтобы онъ сознавалъ въ своей рукѣ твердость, которая поможетъ этой рукѣ провести паству сквозь всѣ затрудненія лучше всякой другой руки. Онъ хочетъ сдѣлаться епископомъ, главное, для того, чтобы его называли милордомъ. И король не потому стремится обыкновенно расширить предѣлы государства, или подданный овладѣть имъ,—чтобы тотъ или другой считалъ себя способнымъ лучше всѣхъ служить государству съ престола, а просто потому, что имъ хочется, чтобы возможно большее количество людей называли ихъ „Ваше Величество“.

5. Вотъ главный смыслъ успѣха въ жизни. То же самое, и въ еще большей степени, приложимо и къ второстепенному выраженію этого успѣха, къ тому, чтобы „попасть въ хорошее общество“. Мы хотимъ попасть въ хорошее общество не для того, чтобы быть въ немъ, а для того, чтобы насъ въ немъ видѣли;

а мѣра его достоинства въ нашихъ глазахъ есть мѣра его замѣтности.

Вы простите меня, если я остановлюсь на минуту, чтобы задать вамъ вопросъ, который вы, можетъ быть, сочтете дерзкимъ. Я никогда не могу продолжать рѣчи, если не знаю и не чувствую, со мною или противъ меня мои слушатели (вначалѣ это мнѣ бываетъ обыкновенно безразлично); но я непремѣнно долженъ знать, гдѣ они, и очень хотѣлъ бы въ эту минуту угадать, какъ вы думаете: не слишкомъ ли низкими мотивами я объяснилъ человѣческую дѣятельность? Я рѣшился нынче поставить ихъ настолько низко, чтобы никто уже не возражалъ противъ ихъ правдоподобія; въ статьяхъ по политической экономіи мнѣ случалось иногда выражать предположеніе, что среди основъ человѣческой дѣятельности можно расчитывать отчасти и на нѣкоторую честность и на нѣкоторое благородство, на нѣкоторую долю того, что вообще называется „добродѣтелью", и всѣ тотчасъ кричали мнѣ: „Ужъ это вы напрасно; это не въ природѣ человѣческой; алчность и зависть— вотъ единственныя чувства, на которыя вы въ правѣ расчитывать; ничто другое не вліяетъ ни на кого, или вліяетъ только въ видѣ исключенія, въ случаяхъ несущественныхъ". Вотъ почему я

и начинаю сегодня съ такой низкой ступени на лѣстницѣ мотивовъ, но мнѣ нужно знать, считаете ли вы меня въ этомъ правымъ. Прошу поэтому тѣхъ, кто считаетъ, что любовь къ похваламъ—самый сильный изъ всѣхъ мотивовъ, по которымъ люди стремятся къ болѣе высокому положенію, а честное желаніе исполнить какую бы то ни было обязанность—мотивъ совершенно второстепенный, — поднять руку. (Поднимается съ дюжину рукъ; публика отчасти не увѣрена, серьезно ли говоритъ лекторъ, отчасти стѣсняется выражать свое мнѣніе). Я говорю вполнѣ серьезно, и дѣйствительно хочу знать, какъ вы думаете; могу, впрочемъ, удостовѣриться въ этомъ, поставивъ вопросъ обратно. Пусть поднимутъ руки тѣ, кто считаетъ чувство долга главнымъ мотивомъ, а любовь къ похваламъ мотивомъ второстепеннымъ.

(Поднялась, говорятъ, одна рука позади лектора).

Прекрасно; вижу, что вы со мной согласны, и что я началъ не слишкомъ низко отъ земли. Не стану далѣе приставать къ вамъ съ вопросами, но осмѣлюсь предрѣшить заранѣе, что вы допустите чувство долга въ качествѣ хотя бы второстепеннаго или третьестепеннаго мотива. Вы считаете, что желаніе сдѣ-

лать что-нибудь полезное или пріобрѣсти какое-нибудь истинное благо существуетъ у большинства, какъ параллельный, хотя и второстепенный мотивъ въ стремленіи къ болѣе высокому положенію; допускаете, что люди умѣренно честные добиваются должностей и мѣстъ отчасти изъ сознанія своей способности приносить пользу и предпочли бы общество людей разумныхъ и образованныхъ обществу дураковъ и невѣждъ, даже если бы никто и не видѣлъ ихъ въ этомъ обществѣ разумныхъ. Нечего повторять обычныхъ труизмовъ насчетъ цѣнности дружбы и вліянія товарищества; вы и безъ этого, навѣрное, согласитесь, что чѣмъ искреннѣе мы желаемъ найти вѣрныхъ друзей и умныхъ товарищей, чѣмъ съ большимъ вниманіемъ и осторожностью выбираемъ и тѣхъ и другихъ, тѣмъ больше у насъ шансовъ на счастіе и полезность.

6. Но, положимъ, у всѣхъ насъ есть и желаніе и умѣніе хорошо выбирать друзей,— какъ немногимъ это возможно или, по крайней мѣрѣ, какъ ограничена для большинства область выбора! Почти всѣ наши сношенія опредѣляются случайностью и необходимостью и заключены въ узкомъ кружкѣ. Мы не можемъ знакомиться съ тѣми, съ кѣмъ бы хотѣлось, а тѣхъ, съ кѣмъ знакомы, не можемъ

имѣть при себѣ именно тогда, когда они намъ всего нужнѣе. Низшимъ интеллигентнымъ слоямъ человѣчества высшіе открываются только на минуту, да и то они видятъ ихъ въ щелку. Намъ случается при большой удачѣ взглянуть мелькомъ на великаго поэта и услышать звукъ его голоса, или задать вопросъ ученому и получить добродушный отвѣтъ Удается иногда обезпокоить министра десятиминутнымъ разговоромъ и получить отъ него отвѣты, которые хуже всякаго молчанія, потому что не заслуживаютъ довѣрія; разъ или два въ жизни мы удостоиваемся исключительнаго счастья бросить букетъ къ ногамъ принцессы и уловить благосклонный взглядъ королевы. И мы домогаемся этихъ драгоцѣнныхъ минутъ; въ погонѣ за тѣмъ, что почти такъ же ничтожно, какъ онѣ, тратимъ жизнь страсти и силы. Но есть общество, доступное намъ во всякое время, общество людей, которые будутъ бесѣдовать съ нами сколько намъ угодно, каково бы ни было наше званіе и профессія, будутъ говорить съ нами самымъ отборнымъ языкомъ, какой имѣется въ ихъ распоряженіи, и благодарить за то, что мы ихъ слушаемъ. Это общество, многолюдное и аристократическое, ждетъ насъ по цѣлымъ днямъ; не даетъ, а проситъ аудіенціи; по цѣлымъ

днямъ терпѣливо дожидаются короли и государственные люди, тѣснясь въ убогихъ передних на полкахъ нашего книжнаго шкафа, а мы не находимъ ни минуты, чтобы выслушать ихъ, ни въ грошъ не ставимъ ихъ общество.

7. Вы, можетъ быть, скажете мнѣ, или подумаете про себя, что равнодушіе, съ которымъ мы относимся къ этому знатному обществу, добивающемуся бесѣды съ нами, и страсть, съ которой добиваемся общества сомнительной, по большей части, знатности, которое презираетъ насъ и ничему не можетъ насъ научить—объясняется возможностью видѣть лично живыхъ людей и желаніемъ познакомиться съ ними самими, а не съ ихъ рѣчами. Но это неправда; положимъ, вамъ нельзя было бы видѣть ихъ лица; положимъ, васъ посадили бы за ширмы въ комнатѣ сановника или принца,—развѣ вы не стали бы съ радостью слушать, что говорятъ сановникъ или принцъ, хотя вамъ и было бы запрещено выходить изъ-за ширмъ? А между тѣмъ, когда ширмы немного поменьше, только изъ двухъ, а не изъ четырехъ половинокъ и вы можете, спрятавшись за двумя досками переплета, слушать по цѣлымъ часамъ не какую-нибудь болтовню, а обдуманныя, содержательныя, избранныя рѣчи муд-

рѣйшихъ изъ людей,—вы презираете эту мирную аудіенцію и почетъ этого тайнаго совѣта!

8. Вы, можетъ быть, скажете, что все это потому, что живые люди говорятъ о злобахъ дня, болѣе непосредственно васъ интересующихъ; но и это неправда: и живые люди гораздо лучше пишутъ о злобахъ дня, чѣмъ говорятъ о нихъ въ случайномъ разговорѣ. Допускаю, однако, что такой мотивъ можетъ имѣть на васъ нѣкоторое вліяніе, поскольку вы предпочитаете быстрыя и эфемерныя произведенія произведеніямъ долговѣчнымъ и добытымъ кропотливымъ трудомъ,—книгамъ, въ настоящемъ значеніи этого слова. Потому что книги раздѣляются на двѣ категоріи: на книги нынѣшняго дня и на книги всѣхъ временъ. Замѣтьте это различіе; оно обусловлено не однимъ только достоинствомъ. Дѣло не ограничивается тѣмъ, что плохія книги перестаютъ существовать, а хорошія живутъ; различіе заключается въ самомъ родѣ книгъ. Есть хорошія книги настоящаго дня и хорошія книги всѣхъ временъ; дурныя книги настоящаго дня и дурныя книги всѣхъ временъ. Я, вопервыхъ, долженъ опредѣлить это различіе.

9. Хорошая книга нынѣшняго дня,—о дурныхъ я не говорю,—не что иное какъ напечатанная для васъ полезная и пріятная бесѣда

человѣка, который не можетъ разговаривать съ вами инымъ путемъ. Нерѣдко бесѣда эта бываетъ очень полезна, сообщая вещи, которыя вамъ необходимо знать; она бываетъ пріятна, какъ разговоръ съ умнымъ другомъ. Блестящія описанія путешествій, остроумныя и благодушныя обсужденія различныхъ вопросовъ, живые или патетическіе разсказы въ формѣ романа, достовѣрныя сообщенія объ историческихъ событіяхъ, сдѣланныя самими ихъ участниками,—все это книги дня; съ распространеніемъ образованія онѣ все болѣе и болѣе распространяются среди насъ и составляютъ отличительное достояніе нашего времени; мы должны быть глубоко благодарны за нихъ, и намъ должно быть стыдно, если мы не пользуемся ими. Но если мы примемъ ихъ за дѣйствительныя книги, то воспользуемся ими наихудшимъ способомъ; въ сущности, это даже вовсе не книги, а хорошо отпечатанныя письма или газеты. Письмо вашего друга можетъ быть очень мило и нужно, когда вы его получаете: стоитъ ли беречь его — это другой вопросъ. Газеты вполнѣ годятся для чтенія за утреннимъ чаемъ, но не годятся для чтенія цѣлаго дня. Точно также длинное письмо, даже въ переплетѣ, письмо, гдѣ очень живо описаны гости-

ницы, дороги и погода, бывшая въ прошломъ году въ такомъ-то мѣстѣ, разсказанъ забавный анекдотъ или переданы дѣйствительныя обстоятельства, при которыхъ случились извѣстныя событія, — такое письмо хотя и можетъ понадобиться для справки, но не можетъ быть названо „книгой“ въ настоящемъ смыслѣ и не годится для чтенія. Книга, по существу своему, не есть нѣчто разсказанное, а нѣчто написанное, и написанное не ради сообщенія, а ради увѣковѣченія. Разговорная книга напечатана только потому, что авторъ ея не могъ говорить съ тысячами людей за-разъ; если бы могъ, то сталъ бы; книга — только умноженіе его голоса. Вы не можете говорить съ вашимъ другомъ въ Индіи; стали бы, если бы могли; вмѣсто этого вы пишете. Это простая передача голоса. Но книга пишется не для умноженія голоса и не для передачи его, а для его увѣковѣченія. Авторъ имѣетъ сказать что-нибудь такое, что, по его убѣжденію, вѣрно, нужно или полезно своей красотою. Насколько ему извѣстно, это еще никѣмъ не было сказано, и, насколько ему извѣстно, никто не можетъ этого сказать, кромѣ него. Онъ долженъ выразить свою мысль ясно и благозвучно, во всякомъ случаѣ — ясно. Въ суммѣ явленій жизни онъ видитъ отчетливо данную вещь или

группу вещей; его доля солнечнаго свѣта и земли дала ему познать эту истину, позволила увидѣть и уловить ее. Онъ бы желалъ запечатлѣть ее такъ, чтобы она не стерлась вовѣки: если бы могъ, онъ бы вырѣзалъ ее на каменной скалѣ. „Вотъ лучшее, что во мнѣ было,—говоритъ онъ;—еще я ѣлъ, пилъ и спалъ, любилъ и ненавидѣлъ, какъ другіе; жизнь моя была какъ паръ, и прошла; но вотъ что я узналъ и увидѣлъ; изъ всего моего существованія это одно—достойно остаться въ вашей памяти“.

Вотъ что онъ „пишетъ“; ничтожными человѣческими средствами, по мѣрѣ силы истиннаго своего вдохновенія, онъ оставляетъ намъ свою запись, свой завѣтъ. Это и есть „книга“.

10. Вы, можетъ быть, думаете, что не существуетъ книгъ, которыя бы писались такимъ образомъ?

Но спрашиваю васъ снова: вѣрите ли вы хоть сколько-нибудь въ честность? Вѣрите ли хоть сколько-нибудь въ доброту? Или вы думаете, что въ умныхъ людяхъ никогда не бываетъ ни честности, ни благоволенія? Надѣюсь, что среди насъ не найдется несчастныхъ, которые бы это думали. Такъ вотъ, доля работы, которую умный человѣкъ исполняетъ честно и съ любовью къ людямъ,—именно и есть его

книга, его художественное произведеніе. Доля эта всегда бываетъ перемѣшана съ кусочками дурными, лишними, съ работой неискренней и неряшливой. Но если вы умѣете читать, вы безъ труда различите мѣста настоящія;—они-то и есть книга.

11. Такія книги писались величайшими людьми всѣхъ временъ, великими учеными, мыслителями и государственными дѣятелями. Всѣ онѣ къ вашимъ услугамъ, а жизнь коротка. Вы это слышали и раньше, но измѣрили ли вы ея краткость, распредѣлили ли время, которое она предоставляетъ въ ваше распоряженіе? Знаете ли вы, что если прочтете одно, не прочтете другого, не наверстаете завтра потеряннаго сегодня? Неужели вы пойдете болтать съ вашей горничной или конюхомъ, когда можете бесѣдовать съ королями и королевами; неужели вы считаете сообразной съ достойнымъ сознаніемъ собственныхъ правъ на уваженіе борьбу съ низкой и жадной толпой изъ-за права „входа" туда-то и полученія аудіенціи тамъ-то, когда вамъ открытъ доступъ ко двору безсмертному, широкому какъ міръ, полному несмѣтной толпой избранныхъ, властелиновъ всѣхъ временъ и народовъ? Вы всегда можете войти туда, по желанію избрать себѣ мѣсто и общество, и разъ

вы войдете, только собственная вина можетъ изгнать васъ. Высота того круга, гдѣ вы изберете себѣ общество, послужитъ вѣрной мѣрой врожденнаго въ васъ аристократизма; законность вашихъ правъ и чистосердечность стремленія занять высокое мѣсто среди живыхъ провѣрится тѣмъ, какое вы пожелаете занять среди умершихъ.

12. Не только тѣмъ, какое вы пожелаете занять, но и тѣмъ, для какого вы готовите себя, такъ какъ дворъ почившихъ непохожъ ни на какую живущую теперь аристократію; доступъ къ нему имѣютъ только трудъ и заслуга. Сторожъ райскихъ вратъ не прельстится никакимъ богатствомъ, не смутится громкимъ именемъ, не поддастся хитрости. Въ настоящемъ смыслѣ туда не войдетъ никакой низменный или вульгарный человѣкъ. У входа въ этотъ молчаливый Faubourg St-Germain васъ подвергаютъ короткому допросу. „Достойны ли вы войти? Войдите. Хотите быть въ обществѣ вельможъ? Сдѣлайтесь знатнымъ. Хотите бесѣдовать съ мудрецами? Научитесь понимать мудрыя рѣчи, и вы ихъ услышите. Хотите войти на другихъ условіяхъ? Нельзя. Если вы не возвыситесь до насъ, мы не можемъ снизойти до васъ. Живой лордъ можетъ прикинуться привѣтливымъ; живой философъ

снисходительно растолкуетъ вамъ свою мысль; но здѣсь мы не прикидываемся и не растолковываемъ; вы должны подняться до уровня нашихъ идей, если хотите наслаждаться ими, должны раздѣлять наши чувства, если хотите быть съ нами".

13. Такъ вотъ, чего отъ васъ требуютъ; признаю, что требуютъ многаго. Вы должны полюбить этихъ людей, если хотите быть въ ихъ обществѣ. Честолюбіе безполезно; они его презираютъ. Вы должны любить ихъ и выразить свою любовь слѣдующими двумя способами:

I. Во-первыхъ, искреннимъ желаніемъ научиться у нихъ и войти въ ихъ мысли. Войти въ ихъ мысли, замѣтьте, а не отыскивать у нихъ выраженіе собственныхъ. Если тотъ, кто написалъ книгу, не умнѣе васъ самихъ, вамъ не стоитъ и читать ее, а если умнѣе, онъ во многомъ будетъ съ вами расходиться.

Мы очень охотно говоримъ о книгѣ: „Какъ это славно,—какъ разъ то, что я думаю". Правильное отношеніе иное: „Какъ это странно! Никогда не приходило мнѣ въ голову, а между тѣмъ вижу, что это правда; если и не вижу пока, то надѣюсь увидать впослѣдствіи". Съ такимъ ли смиреніемъ или безъ него подходите вы къ писателю, подходите, по крайней мѣрѣ, съ увѣренностью, что желаете узнать

его мысли, а не отыскать у него свои. Судите о нихъ потомъ, если считаете себя компетентнымъ, но сначала узнайте ихъ. Будьте также увѣрены, что если писатель куда-нибудь годится, вы поймете его не сразу; а до всего что онъ разумѣетъ, доберетесь очень и очень не скоро. Не потому, чтобы онъ умолчивалъ о чемъ-нибудь,—онъ высказывается, и въ очень сильныхъ выраженіяхъ, —но не можетъ сказать всего; даже болѣе,—и это очень странно, — не хочетъ говорить иначе, какъ обиняками, притчами, чтобы быть увѣреннымъ, что вы дѣйствительно хотите добраться до того, что онъ разумѣетъ. Почему это — я не могу хорошенько понять, не могу анализировать той жестокой скрытности, которая заставляетъ мудрыхъ утаивать глубины своей мысли.

Заглянуть въ эти глубины они позволяютъ вамъ не ради помощи, а въ видѣ награды, когда убѣдятся, что вы ея заслуживаете. То же происходитъ и съ первообразомъ мудрости—золотомъ. Почему бы, кажется, электрическимъ силамъ земли не перенести сразу всего скрывающагося въ ней золота на вершины горъ, чтобы короли и народы знали, гдѣ найти его, и безъ всякихъ хлопотъ, безъ траты времени, не копаясь и не волнуясь, отрѣзали себѣ сколько нужно и начеканили мо-

неты. Но природа распоряжается иначе. Она размѣщаетъ золото по мелкимъ скважинамъ земли, и гдѣ оно—никому неизвѣстно; можно копать очень долго и ничего не найти, нужно копать, не жалѣя труда, чтобы найти хоть крупинку.

14. То же самое съ высшей премудростью человѣка. Приступая къ хорошей книги, вы должны спросить себя: „расположенъ ли я работать, какъ австралійскій рудокопъ? Въ порядкѣ ли мои кирки и лопаты, въ порядкѣ ли я самъ, хорошо ли засучены у меня рукава, нѣтъ ли у меня одышки, въ бодромъ ли я настроеніи?“ Продолжимъ это сравненіе еще немного; оно скучно, но цѣлесообразно; металлъ, котораго вы ищете,—мысль и душа автора; слова его — утесъ, который вамъ надо разсѣчь, чтобы найти эту мысль и душу. Кирки — ваше усердіе, умъ и знаніе; плавильная печь—собственный вашъ мыслящій духъ. Не надѣйтесь, что вамъ удастся понять мысль хорошаго писателя безъ этихъ орудій и этого огня: чтобы добыть одну крупицу золота, вамъ часто придется выплавлять его терпѣливо и долго, долбить утесъ тончайшимъ и сильнымъ рѣзцомъ.

15. А потому говорю вамъ, прошу и настаиваю (я знаю, что правъ въ этомъ случаѣ):

прежде всего привыкайте пристально вглядываться въ слова, съ точностью разбирать ихъ значеніе, слогъ за слогомъ, буква за буквой. Можно прочесть всѣ книги Британскаго музея (если на это хватитъ чьей-нибудь жизни) и все-таки остаться совершенно безграмотнымъ невѣждой, но прочтите хоть десять страницъ хорошей книги буква за буквой,—вполнѣ точно,—и вы уже всегда будете, до нѣкоторой степени, образованнымъ человѣкомъ. Вся разница между необразованностью и образованіемъ, если принимать въ соображеніе исключительно интелектуальную его сторону, сводится къ этой именно точности.

Образованный человѣкъ знаетъ иногда и не много языковъ, говоритъ только на своемъ, прочелъ не много книгъ. Но какой бы ни зналъ онъ языкъ — онъ знаетъ его въ точности: какое бы ни произнесъ слово, произноситъ его вѣрно; а, главное, онъ знакомъ съ гербовникомъ словъ, — сразу отличаетъ слова стариннаго, знатнаго рода отъ современной черни словъ; помнитъ всю ихъ родословную, помнитъ, въ какіе они вступали браки, съ кѣмъ въ родствѣ, насколько имѣли доступъ въ національную словесную аристократію всѣхъ временъ и народовъ и какіе исполняли въ ней должности. Необразованный человѣкъ можетъ

знать по памяти множество языковъ и говорить на нихъ всѣхъ, а въ сущности не знать ни слова ни на одномъ, даже на своемъ собственномъ. Толковый матросъ заурядныхъ способностей, очутившись на твердой землѣ, сумѣетъ проложить себѣ дорогу въ большинствѣ портовъ; но достаточно одной фразы, сказанной имъ на какомъ бы то ни было языкѣ,— чтобы обнаружилась его безграмотность, точно такъ же какъ самый акцентъ, оборотъ рѣчи въ первой попавшейся фразѣ сразу обличаетъ ученаго. И это такъ сильно чувствуется, такъ безапелляціонно признано всѣми образованными людьми, что одного неправильнаго ударенія, одного невѣрнаго слога достаточно парламенту любой цивилизованной страны, чтобы навсегда укрѣпить за человѣкомъ положеніе низшее.

16. Такъ оно и должно быть; жаль только, что не требуется правильность еще большая и на основаніи болѣе серьезномъ. Неправильное латинское удареніе совершенно законно возбуждаетъ улыбку въ палатѣ общинъ; но чтобы неправильное англійское выраженіе не возбуждало тамъ хмурыхъ взглядовъ—это совершенно незаконно. Конечно, нужно слѣдить за удареніемъ словъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но слѣдить за ихъ смысломъ

еще нужнѣе, и тогда ихъ понадобится не такъ много. Нѣсколько мѣткихъ и ясно опредѣленныхъ словъ сдѣлаютъ дѣло, которое не подъ силу тысячѣ словамъ, если каждое изъ нихъ украдкой исполняетъ чужую обязанность. Да, если не наблюдать за ними, слова могутъ иногда причинять смертельный вредъ. По всей Европѣ въ наше время шныряютъ разныя замаскированныя слова; никогда не было ихъ такъ много, какъ теперь, благодаря распространяющемуся какъ гнусная зараза пустому, вздорному и пестрому „образованію", или, лучше сказать, „обезображиванію", и преподаванію въ школахъ фразъ и катехизисовъ вмѣсто человѣческихъ мыслей. Всюду, говорю я, снуютъ по волѣ замаскированныя слова, которыхъ никто не понимаетъ и всѣ употребляютъ.

Многіе готовы драться за нихъ, положить за нихъ душу, пожертвовать жизнью, воображая, что они значатъ что-нибудь изъ того, что имъ дорого; слова эти—хамелеоны, и плащи, въ которые они завертываются, окрашены цвѣтомъ фантазіи каждаго; сливаясь съ общимъ ея фономъ, сидятъ они, притаившись, и, выждавъ удобную минуту, бросаются на свою жертву и разрываютъ ее. И никогда не бывало хищнаго звѣря болѣе кровожаднаго, дипломата болѣе хитраго, убійцы болѣе жестокаго, чѣмъ

эти замаскированныя слова; это неправедные управляющіе мыслей каждаго; какая бы ни была у человѣка завѣтная мечта или излюбленный инстинктъ,—онъ отдаетъ его на сбереженіе своему любимому замаскированному слову, и слово, наконецъ, пріобрѣтаетъ надъ нимъ неограниченную власть; вы не можете добраться до него иначе, какъ по протекціи этого слова.

17. Языки столь смѣшанной породы, какъ англійскій, гдѣ слово употребляется въ латинской или греческой формѣ, когда хотятъ внушить къ нему уваженіе, и въ саксонской или какой-нибудь другой, столь же обыденной, когда хотятъ уронить его значеніе,—такіе языки, почти помимо воли человѣка, отдаютъ въ его руки роковую власть двусмысленной рѣчи. Какое странное и благотворное вліяніе имѣло бы, напримѣръ, на тѣхъ, кто привыкъ принимать форму словъ, которыми мы живемъ, за силу, о которой говорятъ эти слова, если бы мы разъ навсегда или приняли, или бросили греческое „biblos“ или „biblion“ въ смыслѣ „книги“, а не употребляли его въ томъ исключительномъ случаѣ, когда хотимъ облагородить этотъ смыслъ, и не переводили во всѣхъ остальныхъ. Какъ здорово было бы для многочисленныхъ простодушныхъ людей,

которые поклоняются буквѣ слова Божія вмѣсто его духа (точно такъ же какъ другіе поклоняются его изображеніямъ вмѣсто его живого присутствія), какъ здорово было бы для нихъ, если бы мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ удерживали греческую форму, а не переводили ее, и читали, напримѣръ, такъ: „А изъ занимавшихся чародѣйствомъ многіе, собравши библіи свои, сожгли передъ всѣми и сложили цѣны ихъ, и оказалось ихъ на пятьдесятъ тысячъ драхмъ" („Дѣянія Апостоловъ", XIX, 19). Или, наоборотъ, перевели разъ навсегда и говорили бы „Святая книга" вмѣсто „Святая Библія"; можетъ быть, тогда кто-нибудь и спохватился бы, что Слово Божіе, которымъ древле стали небеса и держатся нынѣ *, нельзя никому подарить въ сафьянномъ переплетѣ; что его нельзя сѣять ни при какой дорогѣ, ни съ помощью парового плуга, ни съ помощью паровыхъ типографій; но что, тѣмъ не менѣе, оно предлагается намъ ежедневно — и мы ежедневно отвергаемъ его съ презрѣніемъ; сѣется въ насъ ежечасно—и мы глушимъ его въ себѣ съ величайшей поспѣшностью.

18. Подумайте опять-таки, какое впечатлѣ-

* Второе Посланіе Петра, III, 5—7.

ніе производится на заурядную англійскую душу употребленіемъ звучной латинской формы „damno“ для передачи греческаго *κατακρίνω*, въ тѣхъ случаяхъ, когда добрымъ людямъ хочется особенно усилить его значеніе, и замѣна ея невиннымъ „condemn“ (осуждаю), когда значеніе это нужно смягчить. Какія замѣчательныя проповѣди произносились невѣжественными священниками на текстъ: „Невѣрующій же проклятъ будетъ“ (damned), и въ какой бы неописуемый ужасъ пришли эти самые священники, если бы имъ предложить слѣдующій переводъ изъ Посланія къ евреямъ: „Спасеніе своего дома, которымъ онъ проклялъ весь міръ“ (7 ст. 11 гл.), или изъ Евангелія отъ Іоанна (8 гл. ст. 10—11): „Женщина, никто не проклялъ тебя?“ Она отвѣчала: „Никто, Господи“, Іисусъ сказалъ ей: „И я тебя не проклинаю, иди и больше не грѣши“. Недоразумѣнія, стоившія Европѣ цѣлыхъ морей крови, загубившія неисчислимое, какъ листья въ лѣсу, количество благороднѣйшихъ душъ, которыя съ яростнымъ отчаяніемъ отстаивали свою правоту, эти несогласія и раздоры хотя происходили, въ сущности, отъ причинъ болѣе глубокихъ, но стали практически возможны, главнымъ образомъ потому, что Европой было принято греческое слово, обозначающее общественное

собраніе, что бы придать такимъ собраніямъ характеръ особенно почтенный, когда они имѣли въ виду религіозныя цѣли. Причиной этихъ раздоровъ были и другія подобныя же двусмысленности въ выраженіяхъ, въ родѣ вульгарнаго обычая сокращать слово „presbyter" въ слово „priest" (священникъ).

19. Чтобы правильно распоряжаться словами, вотъ какъ вы должны поступать. Почти каждое слово вашего языка было первоначально словомъ языка чужого,—саксонскаго, германскаго, французскаго, латинскаго или греческаго (не говоря уже о восточныхъ и первобытныхъ діалектахъ). Многія изъ нихъ были всѣми за разъ, то есть сначала греческими, потомъ латинскими, потомъ германскими и, наконецъ, англійскими; смыслъ ихъ и употребленіе нѣсколько измѣнились въ устахъ каждаго народа, но коренное, существенное ихъ значеніе сохранилось и понынѣ, и значеніе это чувствуется всѣми хорошо образованными людьми. Если вы не знаете греческой азбуки— выучите ее; молоды вы или стары, юноша или дѣвушка, если думаете читать серьезно (что, конечно, предполагаетъ въ вашемъ распоряженіи извѣстный досугъ) — выучите греческую азбуку; потомъ заведите хорошіе словари всѣхъ этихъ языковъ, и когда сомнѣваетесь въ сло-

вѣ, терпѣливо его отыскивайте. Прежде всего прочтите со вниманіемъ лекціи Макса Мюллера и потомъ никогда не пропускайте слова которое покажется вамъ сомнительнымъ. Это работа трудная; но вы съ самаго начала увидите, что она интересна, а впослѣдствіи найдете ее необыкновенно занятной. А насколько выиграете этимъ умственно, какую пріобрѣтете силу и точность — и опредѣлить невозможно.

Помните, что я вовсе не разумѣю изученія или старанія изучить греческій, французскій или латинскій языкъ.

Чтобы въ совершенствѣ изучить какой бы то ни было языкъ, надо положить на это всю жизнь. Но вамъ нетрудно прослѣдить значенія, черезъ которыя прошло англійское слово, и тотъ смыслъ, который оно и до сихъ поръ должно имѣть у хорошаго писателя.

20. А теперь, если позволите, я для примѣра старательно прочту вамъ нѣсколько строкъ настоящей книги; посмотримъ, что онѣ намъ дадутъ. Возьму книгу, хорошо извѣстную вамъ всѣмъ. Во всей англійской литературѣ не найдется, пожалуй, ничего, болѣе намъ извѣстнаго и ничего, что читалось бы менѣе добросовѣстно. Беру слѣдующій отрывокъ изъ Лицида:

Last came and last did go
The pilot of the Galilean lake;
Two massy keys he bore of metals twain
(The golden opes, the iron shuts amain),
He shook his mitred locks and stern bespake:
How well could I have spared for thee, young swain,
Enough of such as for their bellies' sake
Creep and intrude and climb into the fold!
Of other care they little reckoning make,
Than how to scramble at the shearers' feast,
And shove away the worthy bidden guest:
Blind mouths! that scarce themselves know how to hold
A sheep-hook, or have learn'd aught else, the least
That to the faithful herdsman's art belongs!
What recks it them? What need they? They are sped;
And when they list, their lean and flashy songs
Grate on their scrannel pipes of wretched straw;
The hungry sheep look up and are not fed,
But swoln with wind, and the rank mist they draw,
Rot inwardly and foul contagion spread;
Besides what the grim wolf with privy paw
Daily devours apace, and nothing said.

(Послѣ всѣхъ пришелъ и послѣдній ушелъ кормчій Галилейскаго озера; онъ несъ два тяжелыхъ ключа изъ двухъ металловъ (золотой ключъ отпираетъ, а желѣзный—наглухо запираетъ.) Онъ потрясъ своими увѣнчанными митрой кудрями и заговорилъ сурово: „Какъ охотно отдалъ бы я за тебя, юноша, многихъ изъ тѣхъ, кто ради утробъ своихъ вползаютъ врываются (входятъ непрошенные) и перелѣ-

заютъ въ овчарню! Имъ и горя мало до всего остальнаго,—лишь бы пробраться на пиръ къ стригущему овецъ и вытолкать почтеннаго званнаго гостя. Слѣпые рты! Они и сами-то едва умѣютъ держать пастушій посохъ и не знаютъ ничего, что сколько-нибудь относится къ искусству вѣрнаго пастыря. Что имъ за дѣло? Чего имъ нужно? Они благоденствуютъ, а когда сзываютъ стада, ихъ тощія и пустыя пѣсни скрипятъ въ жалкихъ дудкахъ изъ гнусной соломы; голодныя овцы поднимаютъ головы, но никто ихъ не кормитъ, и, надутыя вѣтромъ и прогорьклой мглою, которую вдыхаютъ, онѣ гніютъ внутри и распространяютъ гнусную заразу; а кромѣ того, свирѣпый волкъ съ воровскою лапой проворно жретъ ихъ каждый день; и никто объ этомъ не говоритъ).

Подумаемъ объ этомъ отрывкѣ и разсмотримъ его.

Не странно ли, во-первыхъ, что Мильтонъ придаетъ апостолу Петру не только все его епископское значеніе, но и тѣ самые символы этого значенія, которые съ наибольшей страстностью отвергаются протестантами? Его „увѣнчанныя митрой кудри!“ Мильтонъ былъ не охотникъ до епископовъ. Какъ же очутилась митра на головѣ св. Петра? „Онъ несъ два тяжелыхъ ключа“ Не тѣ ли, что присвоили себѣ

римскіе епископы, и не въ видѣ ли поэтической вольности допустилъ Мильтонъ власть ключей? Не по художественнымъ ли соображеніямъ? Не потому ли, что золотой блескъ ключей содѣйствовалъ эффектности картины? Не думайте этого. Великіе люди не прибѣгаютъ къ театральнымъ фокусамъ, когда дѣло идетъ о доктринахъ, имѣющихъ значеніе жизни и смерти; такъ поступаютъ только люди маленькіе. Мильтонъ разумѣетъ именно то, что говоритъ; разумѣетъ притомъ изъ всѣхъ силъ и далѣе кладетъ всю мощь своего духа, чтобы выразить это. Хотя онъ не любилъ ложныхъ епископовъ, но любилъ епископовъ истинныхъ; а кормчій съ Галилейскаго озера является въ его представленіи прототипомъ и главою истиннаго епископства И это потому, что Мильтонъ совершенно добросовѣстно читаетъ текстъ: „Отдаю тебѣ ключи Царства Небеснаго“. Хоть онъ и пуританинъ, а не зачеркиваетъ этого текста изъ-за того, что были плохіе епископы; нѣтъ, чтобы понять слова Мильтона, мы должны сначала понять самый текстъ; нечего коситься на него и шептать его вполголоса, какъ будто это аргументъ враждебной секты. Это торжественный, всенародный манифестъ, который должны свято помнить всѣ секты. Но, можетъ

быть, намъ легче будетъ разсуждать о немъ, если мы оставимъ его на время, пойдемъ немного далѣе и вернемся къ нему впослѣдствіи.

Ясно, что настойчивое утвержденіе силы истиннаго епископства имѣетъ въ виду заставить насъ понять всю тяжесть обвиненій, которымъ подлежатъ незаконные претенденты на епископскій санъ и всякіе вообще незаконные претенденты на какую-либо власть или санъ въ церковной корпораціи, — всѣ тѣ, кто „ради утробъ своихъ вползаютъ, врываются, влѣзаютъ въ овчарню".

21. Не думайте, что Мильтонъ ставитъ эти три глагола для пополненія стиха, какъ сдѣлалъ бы какой-нибудь развязный писатель. Ему нужны они всѣ три, именно эти три и больше никакихъ; „вползаютъ, врываются, влѣзаютъ", — никакія другія слова тутъ не годятся, и нѣтъ такихъ словъ, которыя можно бы къ нимъ прибавить. Этими тремя словами совершенно исчерпываются три класса, соотвѣтствующіе тремъ характерамъ людей, которые недобросовѣстно достигаютъ церковной власти. Во-первыхъ, люди, „вползающіе" въ овчарню. И должность, и званіе имъ безразличны; имъ ничего не нужно, кромѣ тайнаго вліянія; они во всемъ поступаютъ скрытно и

хитро, соглашаются на самые унизительные обязанности и поступки, лишь бы проникнуть сокровенное въ душахъ людей и втихомолку направлять эти души. Затѣмъ слѣдуютъ „врывающіеся“ въ овчарню; тѣ, кто благодаря прирожденному нахальству, дюжему краснорѣчію и неустрашимой настойчивости въ самоутвержденіи овладѣваютъ вниманіемъ толпы и пріобрѣтаютъ надъ нею власть. И, наконецъ, „влѣзающіе“; тѣ, кто добиваются высокаго сана и могущества, становятся „владѣльцами наслѣдія“, хотя и не образцами для паствы, посредствомъ труда и знанія, упорнаго труда и основательнаго знанія, служащихъ, однако, исключительно только эгоистическимъ цѣлямъ личнаго честолюбія.

22. Будемъ продолжать:

„Имъ и горя мало до всего остального; лишь бы пробраться на пиръ къ стригущему овецъ. Слѣпые рты!“

Опять останавливаюсь; это выраженіе очень странное; можно принять его за неправильную метафору, неряшливую и безграмотную.

Ничуть не бывало; самая его смѣлость и энергія разсчитаны на то, чтобы обратить наше вниманіе и остаться въ нашей памяти. Эти два коротенькія слова выражаютъ съ величайшей точностью какъ разъ обратное истин

ному смыслу двухъ высшихъ церковныхъ должностей: должности епископа и должности пастыря. Епископъ значитъ тотъ, кто видитъ. Пастырь значитъ тотъ, кто кормитъ.

Самое неподходящее къ сану епископа свойство — слѣпота.

Самое неподходящее къ сану пастыря положеніе — просить пищи, вмѣсто того чтобы кормить,— быть ртомъ.

Возьмите оба эти обратныя свойства вмѣстѣ, и получится: „слѣпые рты". Прослѣдимъ эту идею немного далѣе. Почти всѣ церковныя бѣдствія происходили отъ того, что епископы стремились къ власти, а не къ свѣту. Они хотѣли авторитета, а не надзора. А между тѣмъ ихъ истинное назначеніе вовсе не въ томъ, чтобы править (хоть отчасти въ томъ, чтобы властно увѣщевать и укорять); править—дѣло короля; дѣло епископа—имѣть надзоръ за стадомъ, считать овецъ поголовно, быть всегда готовымъ отдать въ нихъ полный отчетъ. Онъ, очевидно, не можетъ отвѣчать за души стада, если даже не знаетъ, сколько въ немъ головъ. Слѣдовательно, первая обязанность всякаго епископа – занять такое положеніе, откуда онъ можетъ, когда угодно, узнавать всю исторію каждаго своего прихожанина, исторію съ ранняго дѣтства и положеніе въ настоящемъ.

Вонъ тамъ, въ переулкѣ, Билль и Нанси вышибаютъ другъ другу зубы. Знаетъ ли объ этомъ епископъ? Смотритъ ли онъ за ними? Смотрѣлъ ли до сихъ поръ? Можетъ ли подробно объяснить, какъ завелась у Билля привычка тузить Нанси по головѣ? Если не можетъ—онъ вовсе не епископъ, хотя бы на немъ была митра вышиною съ Салисборійскую колокольню; онъ не епископъ, потому что выбралъ себѣ мѣсто у руля, а не на вершинѣ мачты; ему оттуда ничего не видно. „Нѣтъ,—скажете вы,—смотрѣть за Биллемъ въ переулкѣ вовсе не входитъ въ обязанности епископа“. Какъ, неужели вы думаете, что его обязанность присматривать за однѣми только жирными овцами съ пышнымъ руномъ, пока остальныя голодныя овцы (вернемся къ Мильтону) будутъ поднимать головы и оставаться некормленными, а свирѣпый волкъ съ воровскою лапой будетъ (безъ вѣдома епископа) проворно жрать ихъ каждый день?

— „Да у насъ совсѣмъ не такое представленіе объ епископахъ“. Можетъ быть; но такое о нихъ представленіе было у Св. Павла, а также и у Мильтона. Можетъ быть, правы они, а можетъ быть—мы; но нечего думать, что мы читаемъ апостола Павла или Мильтона, когда стараемся вложить въ ихъ слова собственныя мысли.

23. Продолжаю.

„Но, надутыя вѣтромъ и горькой мглою, которую вдыхаютъ...“

Это относится къ обычному возраженію, что „если о бѣдныхъ и не пекутся тѣлесно, то пекутся духовно: имъ даютъ духовную пищу“.

А Мильтонъ говоритъ: Никакой у нихъ нѣтъ духовной пищи; они только надуты вѣтромъ. Сначала вамъ можетъ показаться, что это символъ не только грубый, но и темный. Но онъ опять-таки вѣренъ буквально. Возьмите ваши латинскіе и греческіе словари и отыщите слово „Духъ“ (spirit). Это простое сокращеніе латинскаго слова, обозначающаго дыханіе (breath) и неясный переводъ греческаго слова, обозначающаго „вѣтеръ“. Въ стихѣ: „Вѣтеръ дуетъ—гдѣ захочетъ“—то же слово, что въ стихѣ: „Такъ бываетъ со всякимъ, родившимся отъ Духа“, т.-е. родившимся отъ дуновенія, дыханія, потому что духъ это—дыханіе Божіе въ душѣ и тѣлѣ. Настоящее значеніе этого слова выражается въ нашемъ „вдохновеніе“ и „испустить духъ (издохнуть)“. Но есть два рода дыханія (духа), которыми могутъ быть исполнены стада: дыханіе Божеское и дыханіе человѣческое. Дыханіе Божеское для нихъ жизнь, здоровье и

миръ, какъ горный воздухъ пасущимся на высотахъ овцамъ; но дыханіе человѣческое, слова, которыя человѣкъ называетъ духовными,—такая же болѣзнь и зараза, какъ мгла въ болотѣ. Они отъ нея загниваютъ внутри; надуваются, какъ трупъ, газами собственнаго разложенія. Это буквально вѣрно относительно всѣхъ ложныхъ вѣроученій; первый, послѣдній и самый роковой ихъ признакъ — эта надутость. Обращенныя дѣти, поучающія родителей; обращенные каторжники, поучающіе честныхъ людей; обращенные болваны, прожившіе полъ-жизни въ состояніи идіотическаго столбняка, внезапно пробудившіеся къ тому факту, что есть какой-то Богъ, и считающіе себя вслѣдствіе этого его особыми избранниками и посланцами; всѣ ваши разнообразные сектанты всѣхъ сортовъ, великіе и малые, протестанты и католики, high-church и low-church, всѣ они, поскольку считаютъ себя исключительно правыми, а всѣхъ остальныхъ заблуждающимися; а болѣе всего тѣ члены какой бы то ни было секты, которые воображаютъ, что можно спастись вѣрными мыслями вмѣсто праведныхъ поступковъ, спастись словомъ вмѣсто дѣла, и желаніемъ вмѣсто труда;— вотъ истинныя дѣти мглы,—тучи безъ влаги; тѣла изъ гніющей слякоти и кожи, безъ крови

и мяса; надутыя волынки, на которыхъ играютъ черти; разлагающіеся и растлѣвающіе— „надутые вѣтромъ и прегорьклой мглою, которую вдыхаютъ“.

24. Теперь обратимся къ словамъ о власти ключей, такъ какъ-уже можемъ понять ихъ значеніе.

Замѣтьте разницу въ пониманіи этой власти у Мильтона и у Данте; послѣдній на этотъ разъ оказывается слабѣе перваго; въ его представленіи — оба ключа отъ дверей рая, одинъ золотой, другой серебряный; апостолъ Петръ даетъ ихъ ангелу, стерегущему эти двери; не такъ-то легко отгадать значеніе трехъ ступеней у входа и двухъ ключей. Но у Мильтона одинъ изъ нихъ золотой—ключъ рая; другой желѣзный—ключъ тюрьмы, гдѣ должны быть заточены злые наставники, „похитившіе ключъ знанія, но сами не вошедшіе въ его врата“.

Мы видѣли, что обязанности епископа и пастыря—смотрѣть и кормить, и обо всѣхъ, кто это исполняетъ, сказано: „Кто напоитъ, и самъ не будетъ жаждать“. Но также вѣрно и противоположное Кто не напоитъ — самъ изсохнетъ; кто не смотритъ, того и самого скроютъ съ глазъ въ безысходной тюрьмѣ. И тюрьма эта открываетъ предъ нимъ свои двери не только въ будущей жизни, но и въ

этой; кто будетъ связанъ на небѣ, долженъ быть связанъ сначала и на землѣ. Приказаніе сильнымъ ангеламъ, прообразомъ которыхъ служитъ апостолъ - Камень, „Возьмите его, свяжите по рукамъ и по ногамъ и выбросьте вонъ", направлено въ большей или меньшей степени противъ наставника за каждую истину, которую онъ утаитъ, за каждую ложь, которую внушитъ, за каждый отказъ въ помощи. Чѣмъ больше онъ сковываетъ, тѣмъ крѣпче самъ будетъ скованъ, чѣмъ больше сбиваетъ съ дороги, тѣмъ дальше будетъ изгнанъ, пока, наконецъ, рѣшетка желѣзной клѣтки не захлопнется за нимъ наглухо, какъ „наглухо запираетъ желѣзный ключъ".

25. Мы, какъ мнѣ кажется, извлекли коечто изъ этихъ строкъ Лицида; въ нихъ можно найти еще гораздо большее, но сдѣланнаго нами достаточно, чтобы служить примѣромъ „чтенія" въ его настоящемъ смыслѣ. Читать, значитъ, разбирать книгу почти слово-за-слово: замѣчать каждое удареніе и каждое выраженіе; постоянно стушевываться передъ авторомъ, уступать ему мѣсто, уничтожать собственную индивидуальность и становиться имъ; только тогда имѣешь право сказать:

„Такъ думалъ Мильтонъ“, а не „Такъ думалъ я, неправильно читая Мильтона“.

Этотъ процессъ пріучитъ васъ мало-помалу и въ другихъ случаяхъ придавать меньше значенія тому, что думали вы. Вы начнете замѣчать, что оно не особенно важно; что мысли ваши, по какому бы то ни было предмету, не отличаются ни большою ясностью, ни чрезмѣрной глубиною, и придете въ концѣ концовъ къ заключенію, что у васъ, въ сущности, даже и вовсе нѣтъ никакихъ „мыслей“—если вы не совсѣмъ уже диковинный человѣкъ; что у васъ нѣтъ матеріаловъ для „мыслей“ о какихъ бы то ни было серіозныхъ предметахъ; что вы не имѣете и права думать, а должны только стараться узнать побольше фактовъ. Да и во всю вашу жизнь (если, повторяю, вы не совсѣмъ исключительное существо) вы не получите права на „мнѣніе“ ни въ какомъ дѣлѣ, кромѣ того, которое непосредственно у васъ подъ руками. Если что-нибудь сдѣлать необходимо, вы всегда безошибочно догадаетесь, какъ это сдѣлать лучше всего. Вамъ нужно держать въ порядкѣ домъ, продать товаръ, вспахать поле, вычистить канаву? Насчетъ того, какъ все это лучше исполнить, мнѣнія не могутъ расходиться. Бѣда вамъ, если у васъ только и

есть, что „мнѣніе“ о способѣ устраивать подобныя дѣла. Кромѣ вашего непосредственнаго дѣла, есть еще два-три предмета, о которыхъ у васъ должно быть опредѣленное мнѣніе. О томъ, напримѣръ, что ложь и мошенничество предосудительны, и ихъ надо немедленно вытуривать вонъ, какъ только гдѣ-нибудь замѣтишь; о томъ, что жадность и наклонность къ ссорамъ опасны даже въ дѣтяхъ, а взрослыхъ людей и народы ведутъ къ погибели; что, въ сущности, Богъ небесный и земной любитъ людей скромныхъ, дѣятельныхъ и добрыхъ, и ненавидитъ гордыхъ, праздныхъ, жадныхъ и жестокихъ; объ этихъ общихъ фактахъ вы должны не только имѣть опредѣленное мнѣніе, но и держаться его чрезвычайно упорно. Что до остального — разныхъ наукъ, искусствъ и способовъ церковнаго правленія, — вы убѣдитесь, что въ сущности, ровно ничего объ этомъ не знаете и ничего въ этомъ не смыслите; что самое лучшее, что вы можете сдѣлать, даже если вы человѣкъ образованный, это — молчать и стараться понемножку умнѣть съ каждымъ днемъ и понимать чужія мысли; да и тутъ, если приметесь за дѣло добросовѣстно, скоро убѣдитесь, что мнѣнія даже самыхъ мудрѣйшихъ людей сводятся почти цѣликомъ на

умѣстные вопросы. Придать недоумѣнію ясную форму, ясно представить вамъ всѣ причины его неразрѣшимости—вотъ и все, по большей части, что они въ состояніи сдѣлать. Хорошо еще, если они могутъ „внести музыку въ наши думы, опечалить насъ небесными сомнѣніями“.

Писатель, котораго я вамъ читалъ, не изъ первыхъ и не изъ мудрѣйшихъ; въ предѣлахъ своего кругозора онъ видитъ отчетливо, и потому легко добраться до самой глубины его мысли; но у людей болѣе великихъ глубина эта бездонная; они даже и сами не могутъ ее измѣрить. Что, если бы я попросилъ васъ, напримѣръ, выискать мнѣніе Шекспира, а не Мильтона, по этому самому церковному вопросу? Или мнѣніе Данте? Имѣетъ ли кто-нибудь изъ васъ хотя малѣйшее понятіе о томъ, что думалъ по этому поводу Шекспиръ или Данте? Сопоставляли ли вы когда - нибудь сцену съ епископами въ „Ричардѣ III“ съ характеристикой Кранмера? Описаніе св. Франциска и св. Доминика съ описаніемъ того, кто удивилъ Виргилія своимъ видомъ, былъ „disteso, tanto vilmente, nell'eterno esilio“; или съ тѣмъ, около кого стоялъ Данте „come'l frate che confessa lo perfido assassin“?

Шекспиръ и Алигьери, я думаю, знали людей получше, чѣмъ знаетъ ихъ большинство

изъ насъ. Оба они были въ самомъ центрѣ ожесточенной борьбы между свѣтской и духовной властью. И придерживались, того гляди, какого-нибудь мнѣнія! Но гдѣ оно? Давайте его сюда! Изложите по пунктамъ ученіе Шекспира или Данте и представьте его въ церковные суды!

26. Много, много дней, говорю я вамъ, пройдетъ, прежде чѣмъ вы доберетесь до затаенной мысли и настоящаго ученія великихъ людей; но хоть немного почитайте ихъ добросовѣстно, и вы поймете одно: то, что вы принимали за свое „сужденіе“, не болѣе какъ случайный предразсудокъ; это занесенные вѣтромъ, спутанные, тощіе плевелы заброшенной мысли; вы увидите, что умы большинства людей немногимъ отличаются отъ заглохшаго, дикаго пустыря, частью безплоднаго, частью поросшаго ядовитымъ кустарникомъ и подозрительными зловѣщими травами, посѣянными вѣтромъ; увидите, что первое, что вамъ надо сдѣлать и для нихъ и для себя, это сжечь весь пустырь съ безпощаднымъ презрѣніемъ; обратить бурьянъ въ кучи полезной золы, потомъ вспахать его и засѣять. Весь вашъ настоящій трудъ въ области литературы во всю жизнь долженъ начинаться съ повиновенія приказу: Подними новь и не сѣй среди кустарника.

27. П. Когда вы внимательно выслушали великихъ наставниковъ, чтобы проникнуть въ ихъ разумъ, вамъ предстоитъ подняться еще выше: проникнуть въ ихъ сердце. Вы пришли къ нимъ сначала за ясностью зрѣнія, останьтесь же затѣмъ, чтобы пріобщиться ихъ праведной и могучей страсти, ихъ страстности и впечатлительности. Я не боюсь этихъ словъ, еще менѣе боюсь ихъ значенія. Въ послѣднее время много кричали противъ впечатлительности, но, увѣряю васъ, мы страдаемъ не отъ избытка ея, а отъ недостатка. Способность чувствовать болѣе или менѣе сильно обусловливаетъ большее или меньшее благородство какъ въ людяхъ, такъ и въ животныхъ. Если бы мы были губками, произвести на насъ впечатлѣніе было бы трудно; если бы мы были земляными червями, которые каждую минуту могутъ быть на-двое разрѣзаны заступомъ, слишкомъ сильное впечатлѣніе было бы для насъ зловредно. Но такъ какъ мы—люди, оно намъ здорово; болѣе того, самая наша человѣчность находится въ прямой зависимости отъ нашей впечатлительности, и достоинство наше обусловливается мѣрою страсти, на которую мы способны.

Помните, я говорилъ вамъ, что непорочное великое общество почившихъ недоступно ни-

какому низкому или вульгарному человѣку. Что́, по вашему, разумѣлъ я подъ словомъ „вульгарный“? Что вы сами разумѣете подъ словомъ „вульгарность“? Вотъ богатая тема для размышленія; но въ короткихъ словахъ сущность вульгарности опредѣляется какъ недостатокъ впечатлительности. Простая, наивная вульгарность — только тупость душевныхъ и тѣлесныхъ воспріятій, обусловленная отсутствіемъ образованія и развитія; но настоящая, врожденная вульгарность подразумѣваетъ ужасающую безчувственность, которая становится источникомъ всевозможныхъ животныхъ привычекъ, дѣлаетъ человѣка способнымъ совершить преступленіе безъ страха, безъ удовольствія и безъ состраданія. Тупость физическая и душевная мертвенность, низкое поведеніе и грубая совѣсть—вотъ что дѣлаетъ человѣка вульгарнымъ; вульгарность его всегда соразмѣряется съ неспособностью къ сочувствію, къ быстрому пониманію, къ тому, что совершенно правильно принято называть „тактомъ“, осязательной способностью души и тѣла; изъ деревьевъ имъ преимущественно отличается мимоза; болѣе всѣхъ существъ обладаетъ имъ чистая женщина. Эта непонятная для разума тонкость и полнота ощущеній руководитъ и освящаетъ самый разумъ. Ра-

зумъ только опредѣляетъ истинное; а распознаетъ созданное Богомъ доброе только дарованное Богомъ чувство.

Мы являемся на великое сборище почившихъ не для того только, чтобы узнать отъ нихъ — что истинно, а еще болѣе для того, чтобы почувствовать съ ними—что праведно. Чтобы чувствовать вмѣстѣ съ ними, мы должны уподобиться имъ; никому изъ насъ это не дастся безъ усилія.

Точно такъ же, какъ истинное знаніе—знаніе дисциплированное и провѣренное, а не первая попавшаяся мысль, и настоящая страсть—страсть дисциплинированная и провѣренная, а не первый порывъ страсти. Первые порывы ея ложны, фальшивы и обманчивы; если вы поддадитесь имъ, они далеко и безумно увлекутъ васъ за собою въ напрасной погонѣ, въ безплодномъ восторгѣ, пока, наконецъ, вы не лишитесь всякой истинной цѣли и всякой истинной страсти. Никакое чувство, доступное человѣку, не дурно само по себѣ; оно дурно только тогда, когда не дисциплинировано. Достоинство его заключается въ силѣ и справедливости, недостатокъ въ слабости и несоотвѣтствіи съ вызвавшей его причиной. Есть мелкій родъ удивленія: напримѣръ, удивленіе ребенка, который смотритъ, какъ фокусникъ пе-

ребрасываетъ золотые шары: удивленіе это низшаго порядка. Но неужели вы думаете, что такъ же низменно и не болѣе сильно то удивленіе, которымъ наполняютъ душу человѣка летящіе въ ночномъ небѣ золотые шары, брошенные сотворившей ихъ Рукою? Есть мелкій родъ любопытства, напр., любопытство ребенка, отворяющаго дверь, которую ему запрещено отворять, слуги, развѣдывающаго дѣла своего господина; но есть любопытство другого рода,—это благородное любопытство; съ опасностью жизни ищетъ оно истоковъ великой рѣки за песчаной пустыней, мѣсто великаго материка за океаномъ; любопытство еще высшаго порядка отыскиваетъ истоки Рѣки Жизни и мѣсто Небеснаго Материка,—сами ангелы стремятся къ такому знанію. Низменна та тревога, съ которой вы слѣдите за перипетіями и катастрофами пустого романа, но, какъ вы думаете, не выше ли тревога, съ которой вы слѣдите, или должны слѣдить, за судьбами умирающей націи, за ея агоніей?

Увы, въ современной Англіи приходится оплакивать не силу чувствительности, а узость, эгоизмъ и мелочность чувства; оно тратится на букеты и спичи, на пиры и празднества, на поддѣльныя битвы и пестрыя кукольныя

выставки, но когда на вашихъ глазахъ цѣлая нація гибнетъ подъ ножами убійцъ — вы смотрите безъ слезъ и не пытаетесь спасти ее.

30. Я сказалъ: „мелочность“ и „эгоизмъ“ чувства; но мнѣ лучше было бы сказать: его „неосновательность“ и „нечестность“; ничто такъ не отличаетъ джентльмена отъ человѣка вульгарнаго и благородную націю (такія націи бывали) отъ толпы черни, какъ устойчивость и вѣрность чувства, результатъ должнаго созерцанія и уравновѣшенной мысли. Толпу можно заговорить до какого угодно состоянія; чувства ея, въ общемъ, могутъ быть—и бываютъ обыкновенно—добрыя и великодушныя, но они ни на чемъ не основаны; она не имѣетъ надъ ними никакой власти; лестью и поддразниваньемъ вы можете внушить ей что угодно; мысли дѣйствуютъ на нее прилипчиво; она заражается чувствомъ какъ горячкой, и нѣтъ такого пустяка, о которомъ не стала бы ревѣть до изступленія, когда наступаетъ пароксизмъ, и ничего такого великаго, о чемъ не забыла бы черезъ часъ, если пароксизмъ прошелъ. Но чувства джентльмена или благородной націи вѣрны, уравновѣшены и устойчивы. Великая нація не станетъ, напримѣръ, цѣлые два мѣсяца тратить все свое національное остроуміе на взвѣшиванье уликъ

противъ какого-то мерзавца, обвиненнаго въ убійствѣ, и цѣлые два года смотрѣть, какъ истребляютъ другъ друга ея родныя дѣти тысячами и десятками тысячъ въ день, думая при этомъ только о вліяніи, какое это можетъ имѣть на цѣны хлопка, и ни мало не стараясь разобрать кто правъ, кто виноватъ. Не станетъ тоже великая нація ссылать на каторгу своихъ бѣдныхъ мальчугановъ за воровство шести грецкихъ орѣховъ, а банкротамъ своимъ разрѣшать съ вѣжливымъ поклономъ красть милліоны, и банкирамъ, разбогатѣвшимъ сбереженіями бѣдняка, запирать „съ вашего позволенія“ свои двери „по обстоятельствамъ отъ нихъ независящимъ“; не допустить она огромныя помѣстья переходить въ руки людей, нажившихъ состояніе разъѣздами на вооруженныхъ судахъ по Китайскому морю и продажей опіума передъ дуломъ пушки, людей, которые въ пользу чужого народа замѣнили обычное требованіе разбойниковъ „кошелекъ или жизнь“ требованіемъ „кошелекъ и жизнь“. Не можетъ великая нація смотрѣть равнодушно, какъ мрутъ ея ни въ чемъ неповинные бѣдняки, сгорая въ болотной лихорадкѣ и сгнивая въ голодномъ тифѣ изъ-за уплаты землевладѣльцу лишнихъ шести пенсовъ въ недѣлю, и потомъ разсуждать съ

бѣсовскимъ участіемъ и слюнявой чувствительностью—не входитъ ли въ ея обязанность умильно и заботливо сберегать и лелѣять жизнь убійцъ. А разъ рѣшивъ, что повѣшеніе самое цѣлебное средство противъ всякаго человѣкоубійства вообще, великая нація все же можетъ милостиво различать степени виновности въ человѣкоубійствѣ; она не станетъ визжать какъ стая волчатъ, отморозившихъ лапы, мчась по кровавому слѣду несчастнаго сумасшедшаго мальчика или сѣдовласаго придурковатаго Отелло, совсѣмъ потерявшаго голову; не станетъ она травить ихъ, въ то самое время, какъ посылаетъ одного изъ своихъ министровъ говорить любезности человѣку, разстрѣливающему дѣвушекъ на глазахъ отцовъ, зарѣзывающему благородныхъ юношей съ проворствомъ и хладнокровіемъ деревенскаго мясника, который колетъ ягнятъ весною. И, наконецъ, великая нація не издѣвается надъ Небомъ и его Силами, претендуя на вѣру въ откровеніе, которое говоритъ, что любовь къ деньгамъ корень всякаго зла, и заявляя одновременно, что эта самая любовь, и не что другое, есть и будетъ основой всѣхъ ея важнѣйшихъ національныхъ мѣропріятій и поступковъ.

31. Друзья мои, не знаю, зачѣмъ намъ го-

ворить о чтеніи. Намъ нужно послушаніе болѣе суровое, чѣмъ чтеніе. Какъ бы то ни было, читать мы не можемъ, это уже навѣрное. Никакое чтеніе невозможно для людей, у которыхъ голова въ такомъ состояніи. Имъ не понять ни одного изреченія никакого великаго автора. Для англійской публики въ настоящее время рѣшительно и окончательно закрытъ доступъ къ какой бы то ни было умной книгѣ,—до такой неспособности къ мышленію довела ее бѣшеная алчность. Къ счастію, нашъ недугъ почти ограничивается до сихъ поръ этой неспособностью къ мышленію; въ душѣ мы еще не испорчены и, какъ монеты, звенимъ неподдѣльнымъ золотомъ, лишь бы насъ встряхнули какъ слѣдуетъ; хотя всѣ наши поступки до такой степени заражены мыслью о наживѣ, что даже, когда разыгрываемъ роль добраго самарянина и вынимаемъ изъ кармана два пенса гостю, мы непремѣнно говоримъ ему: „Смотри же, когда я опять приду, ты долженъ отдать мнѣ четыре пенса", а все же въ глубинѣ души у насъ таится способность къ высокой страсти. Она обнаруживается и въ нашемъ трудѣ, и въ нашей войнѣ, даже въ тѣхъ несправедливыхъ нашихъ семейныхъ привязанностяхъ, которыя заставляютъ насъ бѣситься на ничтожную частную обиду и очень кротко переносить

крупное общественное злоупотребленіе; мы все-таки сохранили свое неустанное трудолюбіе, хотя и присоединяемъ теперь ярость игрока къ терпѣнію труженика; все-таки храбры на жизнь и на смерть, хотя неспособны различить истинной причины боя; все-таки на жизнь и на смерть вѣрны нашимъ семьямъ, какъ вѣрны имъ морскія чудовища и горные орлы.

Пока все это можно сказать объ націи,— для нея еще есть надежда. Пока она держитъ въ рукѣ свою жизнь и готова отдать ее за свою честь (хотя честь вздорную), за свою любовь (хотя любовь эгоистическую) и за свое дѣло (хотя дѣло низкое), для нея все еще есть надежда. Но только надежда, такъ какъ эта инстинктивная, беззавѣтная доблесть неможетъ длиться. Никакая нація не можетъ быть долговѣчной, если она обратилась въ толпу черни, на какія бы добрыя чувства ни была способна въ душѣ эта толпа. Нація должна дисциплинировать свои страсти и править ими, иначе онѣ сами въ одинъ прекрасный день возьмутъ кнуты и будутъ править ею по-своему. А, главное, нація не можетъ долго существовать въ видѣ толпы, наживающей деньги. Она не можетъ безнаказанно и безопасно для своего существованія презирать литературу, презирать науку, презирать искусство, презирать состра-

данiе и сосредоточивать всю свою душу на пенсѣ. Вы находите, можетъ быть, что это слова жестокiя и дикiя? Потерпите немножко, и я докажу вамъ ихъ справедливость по пунктамъ.

32. I. Я говорю, во-первыхъ, что мы презираемъ литературу. Развѣ намъ, какъ нацiи, есть какое-нибудь дѣло до книгъ? Какъ вы думаете, сколько мы тратимъ на книги, публичныя и частныя библiотеки, сравнительно съ тѣмъ, что тратимъ на лошадей? Если человѣкъ много тратитъ на свою библiотеку, мы называемъ его помѣшаннымъ—библiоманомъ. Но никто не называетъ никого гиппоманомъ. На лошадей между тѣмъ разоряются каждый день, а на книги что-то не слыхать, чтобы кто-нибудь разорялся. Спустимся еще ниже; какъ вы думаете, что можно выручить продажей всего имущества, помѣщающагося на книжныхъ полкахъ Соединеннаго Королевства, сравнительно съ продажей имущества, помѣщающагося въ его винныхъ погребахъ? Въ какомъ отношенiи будетъ сумма нашихъ расходовъ на литературу къ суммѣ нашихъ расходовъ на изысканную пищу? Мы говоримъ о духовной пищѣ точно такъ же, какъ о пищѣ тѣлесной; а хорошая книга — неизсякаемый источникъ этой пищи, провизiя намъ на всю

жизнь, пропитаніе лучшей нашей стороны; и тѣмъ не менѣе, какъ долго сталъ бы разсматривать почти всякій изъ насъ самую лучшую изъ всѣхъ книгъ, прежде чѣмъ заплатить за нее то, что мы платимъ за хорошее тюрбо. Хоть и случались по временамъ люди, которые голодали и ходили въ лохмотьяхъ, чтобы купить книгу, но библіотеки имъ, въ концѣ концовъ, обходились, я думаю, дешевле, чѣмъ большинству людей обѣды. Не многіе изъ насъ подвергаются такому искусу, и это очень жаль; драгоцѣнная вещь становится еще драгоцѣннѣе, когда пріобрѣтена трудомъ и лишеніями; если бы цѣна публичныхъ библіотекъ равнялась хотя половинѣ цѣны публичныхъ обѣдовъ, или книги стоили хотя десятую долю того, что стоятъ браслеты, даже дуракамъ и дурамъ пришло бы, можетъ быть, въ голову, что хотя жевать и блестѣть — очень хорошо, но и почитать тоже не дурно. А теперь благодаря дешевизнѣ литературы, самые умные люди забываютъ, что если книгу стоитъ прочесть, ее стоитъ и купить. Если книга имѣетъ какую-нибудь цѣну, она имѣетъ цѣну большую; и дѣлается она вполнѣ годною къ употребленію, только когда читана и перечитана, любима съ давнихъ поръ, испещрена замѣтками, и вамъ такъ же легко найти въ ней нужное мѣсто,

какъ солдату вынуть изъ арсенала понадобившееся ему оружіе или хозяйкѣ достать изъ кладовой понадобившуюся ей приправу. Хлѣбъ изъ муки—хлѣбъ добрый; но въ хорошей книгѣ хлѣбъ слаще меда, лишь бы мы захотѣли его отвѣдать. И бѣдна же должна быть семья, которая хоть разъ въ жизни не можетъ уплатить по счету булочника за столь склонныя къ умноженію ковриги! Мы называемъ себя богатой націей, а въ то же время такъ скупы и глупы, что копаемся въ чужихъ книгахъ, взятыхъ напрокатъ изъ библіотекъ для чтенія!

33. II. Я говорю, что мы презираемъ науку. „Какъ! воскицаете вы, не мы ли стоимъ во главѣ всѣхъ открытій? Не мы ли изумляемъ весь міръ разумными, или безумными своими изобрѣтеніями?" Мы. Но развѣ вы думаете, что это дѣлаетъ нація? Это дѣлается вопреки націи, усердіемъ и деньгами частныхъ лицъ. Мы, правда, всегда рады извлечь изъ науки какую бы то ни было выгоду и съ жадностью хватаемся за всякую научную кость, если на ней есть сколько-нибудь мяса; но если человѣкъ науки самъ обратится къ намъ за костью или коркой хлѣба,—мы запоемъ другую пѣсню. Что когда-либо сдѣлало у насъ для науки общество? Для безопасности нашихъ судовъ намъ надо знать — который

часъ, и потому мы даемъ деньги на обсерваторію. Позволяемъ, чтобы у насъ, въ лицѣ Парламента, вымогали ежегоднымъ приставаньемъ „что пожалуете" на Британскій музей, съ угрюмымъ упорствомъ считая его за мѣсто, гдѣ сохраняются чучела птицъ для забавы нашихъ дѣтей. Если кто заведетъ собственный телескопъ и разсмотритъ новое туманное пятно, мы кудахтаемъ надъ открытіемъ, какъ будто сдѣлали его сами; если одинъ изъ десяти тысячъ нашихъ увлеченныхъ охотой помѣщиковъ вдругъ замѣтитъ, что земля сотворена не для того одного, чтобы служить надѣломъ лисицъ, начнетъ копаться въ ней самъ, и скажетъ: „Вотъ тутъ золото, а вонъ тамъ уголь", мы понимаемъ, что въ этомъ есть толкъ, и очень кстати посвящаемъ помѣщика въ рыцарское достоинство. Но развѣ случайность, по которой онъ открылъ способъ быть полезнымъ, говоритъ сколько-нибудь въ нашу пользу? (Если вникнуть въ дѣло—отсутствіе такихъ случайностей между его собратьями говоритъ даже и совсѣмъ обратное). Если вы сомнѣваетесь въ этихъ общихъ положеніяхъ, — вотъ вамъ фактъ, надъ которымъ стоитъ призадуматься; онъ служитъ вѣрнымъ показателемъ нашей любви въ наукѣ. Два года тому назадъ въ Баваріи продавалась коллекція Золенгофен-

скихъ ископаемыхъ,—самая лучшая изъ всѣхъ существующихъ коллекцій, содержавшая много образцовъ удивительныхъ по совершенству и одинъ образецъ совсѣмъ единственный въ своемъ родѣ, открывшій цѣлое новое царство неизвѣстныхъ тварей. Эта коллекція,—рыночная цѣна которой, при продажѣ въ частныя руки, вѣроятно, равнялась бы тысячѣ или полутора тысячамъ фунтовъ,—была предложена англійскому правительству за 700 фунтовъ; но мы не согласились дать семьсотъ фунтовъ, и коллекція уже находилась бы теперь въ Мюнхенскомъ музеѣ, если бы профессоръ Оуенъ *), не щадя ни времени, ни терпѣнія, не приставалъ къ британской публикѣ въ лицѣ ея представителей и не добился, наконецъ, позволенія внести четыреста фунтовъ наличными деньгами, а за остальные триста поручиться самому; названная публика, вѣроятно, выплатитъ ихъ ему впослѣдствіи, но выплатитъ нехотя, такъ какъ все время относилась къ дѣлу совершенно безучастно. Она кудахтаетъ только тогда, когда что-нибудь льститъ ея самолю-

* Сообщаю этотъ фактъ безъ разрѣшенія профессора Оуена, разрѣшенія, которое ему неудобно было бы дать, если бы я и попросилъ о немъ. Но знакомство съ этимъ фактомъ я считаю столь важнымъ для публики, что рѣшаюсь поступить, какъ, по-моему, должно, хоть оно выходитъ и не совсѣмъ вѣжливо.

бію. Разочтите ариѳметически, что значитъ этотъ фактъ. Вашъ годовой расходъ на общественныя нужды равняется приблизительно пятидесяти милліонамъ (треть этой суммы уходитъ на военныя нужды). 700 ф. относятся къ 50,000,000, какъ семь пенсовъ къ двумъ тысячамъ фунтовъ. Представьте же себѣ теперь джентльмена, состояніе котораго неизвѣстно, но о богатствѣ, котораго можно судить по тому, что онъ тратитъ двѣ тысячи въ годъ на ограду своего парка и на своихъ лакеевъ; джентльменъ этотъ увѣряетъ, что очень любитъ науку; и вотъ, къ нему прибѣгаетъ однажды слуга въ большомъ волненіи и говоритъ, что единственная въ своемъ родѣ коллекція ископаемыхъ, открывающая новую эру творенія, продается за семь пенсовъ; представьте себѣ далѣе, что джентльменъ, любящій науку и тратящій двѣ тысячи въ годъ на свой паркъ, заставивъ слугу прождать нѣсколько мѣсяцевъ, отвѣчаетъ ему въ концѣ концовъ такъ: „Хорошо, пожалуй, я и дамъ за нихъ четыре пенса, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы ты самъ доплатилъ остальные три, которые я возвращу тебѣ на будущій годъ“.

34. III. Я сказалъ, что вы презираете искусство. „Какъ!“ возражаете вы снова, „а наши выставки въ милю длиною? А тысячи фун-

товъ, которыя мы платимъ иногда за одну картину? А художественныя школы и учрежденія, которыхъ у насъ больше, чѣмъ у какой-либо другой націи?" Такъ-то оно такъ; но все это дѣло лавки. Вы бы не прочь торговать не только каменнымъ углемъ, но и холстами, не только желѣзомъ, но и фаянсомъ кабы могли, вы бы вырвали кусокъ хлѣба изо рта всякой другой націи *, но такъ какъ вы этого не можете, то вашъ идеалъ жизни стоять на перекресткахъ міра и орать всякому прохожему, какъ Людгэтскіе подмастерья: „Пожалуйте, пожалуйте, чего угодно?" Вы не понимаете ни своихъ способностей, ни своихъ обстоятельствъ. Среди своихъ сырыхъ и плоскихъ, глинистыхъ и топкихъ полей думаете обладать живою художественной фантазіей французовъ въ ихъ подернутыхъ бронзою виноградникахъ, или италіанцевъ подъ сѣнью вулканическихъ скалъ. Воображаете, что искусству можно выучиться какъ бухгалтеріи, и что, кто ему выучится, тому больше придется вести счетныхъ книгъ. Вы любите картины отнюдь не больше, чѣмъ объявленія, рас-

* Таково наше дѣйствительное понятіе о „Свободной Торговлѣ".—„Всю торговлю—мнѣ". Вы видите теперь, что, благодаря конкуренціи, и другимъ удается кое-что продавать, и снова взываете о протекторатѣ. Негодяи!

клеенныя на вашихъ заборахъ, только для объявленія всегда найдется мѣсто, а для картины его нѣтъ. Не знаете даже по слухамъ, какія картины находятся въ вашемъ отечествѣ, настоящія онѣ или подложныя, хорошо или дурно сохраняются. За границей смотрите равнодушно, какъ гніютъ, заброшенныя всѣми, величайшія картины въ мірѣ, и дула австрійскихъ ружей направлены на тѣ самые венеціанскіе дворцы, гдѣ онѣ помѣщаются. Да если бы вы услышали, что всѣ Тиціаны въ Европѣ превращены въ песочные мѣшки для австрійскихъ крѣпостей, васъ огорчило бы это гораздо меньше, чѣмъ убыль двухъ-трехъ паръ дичи изъ вашихъ ягташей. Такова ваша національная любовь къ искусству.

35. IV. Вы презираете природу; я хочу этимъ сказать, что вы презираете глубокія и святыя впечатлѣнія нетронутой природы. Французскіе революціонеры обратили въ конюшни французскіе соборы; а вы обратили въ мѣста для скачекъ храмы всей вселенной. Ваше единственное представленіе объ удовольствіи — разъѣзжать въ вагонахъ по предѣламъ этихъ храмовъ и закусывать въ ихъ алтаряхъ. Вы построили желѣзнодорожный мостъ черезъ водопадъ въ Шафгаузенѣ, прорыли тунель въ Люцернскихъ скалахъ ря-

домъ съ часовней Телля, уничтожили Кларенскій берегъ Женевского озера; во всей Англіи не осталось теперь ни одной тихой долины, которую вы не наполнили бы ревомъ пламени, ни одной крупицы земли, въ которую не втоптали бы золу каменнаго угля; въ чужихъ краяхъ нѣтъ ни одной столицы, гдѣ ваше присутствіе не выступало бы среди чудесныхъ старыхъ улицъ и мирныхъ садовъ бѣлою всепожирающей проказой новыхъ отелей и парфюмерныхъ лавокъ; самыя Альпы, столь благоговѣйно любимыя когда-то вашими же поэтами, превратились для васъ въ намыленные шесты подгороднаго гулянья; вамъ непремѣнно нужно на нихъ вскарабкаться и съ восторженнымъ визгомъ сползти обратно. А когда визжать уже не хватаетъ голоса и нѣтъ силъ выразить радость членораздѣльнымъ звукомъ, вы оглашаете молчаніе долинъ пороховыми взрывами и стремглавъ несетесь домой, обливаясь испариной удовлетвореннаго тщеславія, захлебываясь судорожной икотой самодовольства. Пожалуй, самыя два горестныя зрѣлища, какія когда-либо являло человѣчество, если понять ихъ глубокій внутренній смыслъ, это—толпа англичанъ, занимающихся стрѣльбою изъ ржавыхъ „говитцеровъ“ въ Шамунійской долинѣ, и швейцар-

скіе сборщики винограда въ Цюрихѣ, собравшіеся на „виноградныхъ башняхъ“ и выражающіе свою благодарность за изобиліе плодовъ земныхъ медленнымъ заряживаніемъ пистолетовъ и медленнымъ изъ нихъ выпаливаніемъ съ ранняго утра до поздней ночи.

Очень прискорбно, конечно, имѣть неясныя понятія о долгѣ; но еще гораздо прискорбнѣе имѣть вотъ такія понятія о весельи.

36. Кончаю. Вы презираете состраданіе Чтобы доказать это, мнѣ нечего прибавлять отъ себя. Достаточно перепечатать одинъ изъ параграфовъ, которые я имѣю обыкновеніе каждое утро вырѣзывать изъ газетъ и бросать въ ящикъ конторки; этотъ параграфъ изъ Daily Telegraph начала нынѣшняго года; какого именно числа, узнать нетрудно, хоть я, по неряшливости, и оставилъ число не помѣченнымъ; на обратной сторонѣ клочка объявлено, что „вчера епископомъ Рипонскимъ была отслужена въ соборѣ св. Павла седьмая чрезвычайная служба въ году“; тамъ же сообщается одно очень миленькое извѣстіе изъ міра современной политической экономіи. Но это къ дѣлу не относится; въ вырѣзанномъ мною параграфѣ разсказывается одинъ изъ самыхъ заурядныхъ эпизодовъ, случайно принявшій форму, которая потребовала судеб-

наго разслѣдованія. Параграфъ этотъ я напечатаю красными буквами *. Будьте увѣрены, что самые факты записаны этимъ цвѣтомъ въ книгѣ, изъ которой всѣмъ намъ, и грамотнымъ, и безграмотнымъ, придется прочесть когда-нибудь свою страницу.

„Въ пятницу въ тавернѣ Бѣлой Лошади, въ Спайтольфильдѣ, помощникомъ слѣдователя, мистеромъ Ричардсомъ, произведено дознаніе по дѣлу о смерти Майкеля Коллинза, 58 лѣтъ отроду. Мэри Коллинзъ, чрезвычайно жалкаго вида женщина, показала, что жила съ покойнымъ и его сыномъ, и сообщила свой адресъ—КристъЧорчъ, домъ № 3, Коббсъ-Коуртъ. Покойный промышлялъ починкой и перепродажей сапогъ. Свидѣтельница ходила по городу и скупала старые сапоги; покойный съ сыномъ чинили ихъ, а свидѣтельница продавала въ лавки по цѣнѣ весьма незначительной. Покойный съ сыномъ работали день и ночь, чтобы добыть хлѣба и чаю, заплатить за квартиру (2 шил. въ недѣлю) и сохранить свой домашній очагъ. Въ пятницу вечеромъ покойный всталъ со скамьи и началъ трястись. Онъ бро-

* Эта лекція, читанная Рескиномъ въ Оксфордѣ, въ настоящемъ ея видѣ нѣсколько измѣнена и дополнена имъ для печати, чѣмъ и объясняется несообразность между формою устнаго обращенія и словами „перепечатать", „напечатаю". Перев.

силъ на полъ сапоги и сказалъ: „Пусть кто-нибудь другой кончитъ ихъ, когда я умру; не могу больше“. Комната была не топлена; онъ замѣтилъ, что ему было бы лучше, если бы онъ согрѣлся. Тогда свидѣтельница взяла двѣ пары вычиненныхъ сапогъ и понесла въ лавку но тамъ ей дали за двѣ пары всего 14 пенсовъ и сказали, что иначе невыгодно. Свидѣтельница купила немного угля, чаю и хлѣба. Чтобы добыть еще сколько-нибудь денегъ, сынъ ея просидѣлъ за починкой всю ночь но покойный скончался въ субботу утромъ Семья постоянно голодала.

Слѣдователь: „Очень прискорбно, по-моему, что вы не пошли въ рабочій домъ“.

Свидѣтельница: „Жаль было маленькихъ удобствъ нашей домашней обстановки“.

Одинъ изъ присяжныхъ спросилъ, какія же это были удобства; онъ ничего не видалъ, кромѣ кучи соломы въ углу комнаты, окна которой были разбиты.

Свидѣтельница заплакала и сказала, что у нихъ было стеганое одѣяло и еще кое-какія вещички. Покойный говорилъ, что никогда не пойдетъ въ рабочій домъ. Лѣтомъ, когда сезонъ бывалъ хорошій, они иногда зарабатывали до 10 шил. въ недѣлю и въ такихъ случаяхъ всегда откладывали на слѣдующую не-

дѣлю, которая обыкновенно оказывалась плохой. Зимой не зарабатывали и половины этой суммы. За послѣдніе три года дѣла ихъ шли все хуже и хуже. Корнеліусъ Коллинзъ показалъ, что помогалъ отцу съ 1847 года.

Они такъ много работали по ночамъ, что оба почти ослѣпли. У свидѣтеля въ настоящее время на глазахъ бѣльма. Пять лѣтъ назадъ покойный обращался за помощью къ приходу; чиновникъ комитета попеченія о бѣдныхъ далъ ему ковригу хлѣба и сказалъ, что если онъ явится опять—„ему достанутся камни“ *.

* Это сокращенное наименованіе кары, заключающейся въ принудительномъ безполезномъ трудѣ, страннымъ образомъ совпадаетъ по формѣ съ мѣстомъ изъ одной книги, которое, можетъ быть, помнятъ нѣкоторые изъ насъ. Нелишнее сопоставить съ нашимъ параграфомъ другую вырѣзку изъ газетъ, также хранящуюся въ моемъ письменномъ столѣ. Онъ изъ Morning Post, приблизительно того же числа, что и первая „Пятница 10 марта 1865 г. Въ салонахъ г-жи К., исполнявшей роль хозяйки дома съ весьма удачно заимствованной граціей и изяществомъ, собралось весьма многолюдное общество принцевъ, герцоговъ, маркизовъ и графовъ — какъ разъ той самой: мужской компаніи, какую встрѣчаешь на балахъ принцессы Меттернихъ или г-жи Друинъ де-Люисъ. Присутствовали также и нѣкоторые англійскіе пэры и члены парламента, повидимому весьма довольные оживленіемъ и ослѣпительной непристойностью окружающаго. Столы для ужина во второмъ этажѣ ломились подъ тяжестью всѣхъ яствъ, какія приличествовали сезону. Чтобы дать понятіе вашимъ читателямъ объ изысканной кухнѣ парижскаго полусвѣта, привожу menu ужина, сервированнаго на 200 персонъ и поданнаго въ четыре часа утра.

Это раздражило покойнаго, и онъ никогда больше не обращался къ приходу. Дѣла шли все хуже и хуже вплоть до этой послѣдней пятницы, когда не на что было даже купить свѣчу. Покойный легъ на солому и сказалъ, что не проживетъ до утра.

Присяжный. „Вы и сами умираете съ голоду; вамъ надо бы поступить до лѣта въ рабочій домъ“.

Свидѣтель: „Умрешь, коли туда поступишь; какъ выйдешь лѣтомъ—точно съ луны свалился; никто тебя не знаетъ; даже комнаты тогда ужъ не будетъ. Теперь, кабы сытъ былъ, могъ бы работать, глаза бы поправились“.

Докторъ Ж. Р. Уакеръ нашелъ, что смерть Майкеля Коллинза произошла отъ синкопа сердца, причиненнаго истощеніемъ вслѣдствіе недостатка пищи. У покойнаго не было посте-

Высшіе сорта икема, іоганнигсберга, лафита, токайскаго и шампанскаго лились рѣкою все утро. Послѣ ужина общество съ новымъ оживленіемъ принялось за танцы и балъ завершился, chaîne diabolique и cancan d'enfer въ семь часовъ утра. (Заутреня — „Когда предстали влажные луга полураскрытымъ вѣждамъ утра“.) Прилогаю menu: Consommé de volaille à la Bagration; 16 horsd'oeuvres variés. Bouchées à la Talleyrand. Saumons froids, sauce Ravigote. Filets de boeuf en Bellevue. Timbales milanaises. Chaudfroid de gibier. Dindes truffées. Patés de foies gras. Buissons d'écrevisses. Salades vénitiennes. Gelées blanches aux fruits. Gâteaux Mancini, Parisiens et Parisiennes. Fromages. Glaces. Ananas. Dessert.

ли. Четыре мѣсяца онъ не ѣлъ ничего, кромѣ хлѣба. Въ тѣлѣ не было никакихъ жировыхъ частицъ. Покойный не страдалъ никакой болѣзнью и при медицинской помощи могъ бы перенести синкопъ, или обморокъ. Слѣдователь сдѣлалъ замѣчаніе о печальномъ характерѣ этого случая, а присяжные вынесли слѣдующій вердиктъ: „Смерть покойнаго произошла отъ истощенія вслѣдствіе недостатка въ пищѣ и предметахъ первой необходимости, а также отъ отсутствія медицинской помощи."

37. „Почему бы не поступить свидѣтелю въ рабочій домъ?" спросите вы. Ну, у бѣдныхъ, кажется, есть предубѣжденіе противъ рабочаго дома, котораго нѣтъ у богатыхъ, такъ какъ всякій, кто получаетъ отъ правительства пенсію, несомнѣнно, поступаетъ въ рабочій домъ на широкую ногу. Только рабочіе дома для богатыхъ не включаютъ идею работы, и ихъ скорѣе можно назвать увеселительными домами. Но бѣдные, повидимому, любятъ умирать самостоятельно; можетъ быть, если бы мы устроили имъ достаточно изящные и уютные увеселительные домики или доставляли пенсію на домъ и разрѣшали нѣкоторое предварительное упражненіе въ заграбастываніи общественныхъ денегъ, — они бы кое-какъ и помирились съ этимъ. Но теперь дѣло обсто-

итъ вотъ какъ: мы облекаемъ свое попечительство въ форму столь оскорбительную или мучительную, что бѣдные соглашаются скорѣе умереть, чѣмъ прибѣгнуть къ нашей помощи; или же мы держимъ ихъ въ состоянiи такого невѣжества и тупоумiя что они дохнутъ отъ голоду какъ звѣри, дикiе и безгласные, не зная, что дѣлать и чего просить.

Вы презираете состраданiе, говорю я; если бы вы не презирали его, подобный параграфъ въ газетѣ христiанской страны былъ бы такъ же не мыслимъ, какъ разрѣшенiе методически рѣзать людей среди улицы. „Христiанской страны", сказалъ я? Увы, да будь мы только добрыми нехристями, онъ былъ бы такъ же невозможенъ; совершать преступленiя помогаетъ намъ именно воображаемое наше христiанство; мы упиваемся своей вѣрой, катаемся въ ней какъ сыръ въ маслѣ, она доставляетъ намъ чувственное наслажденiе; и ее. какъ все остальное, мы рядимъ въ вымыселъ. Драматическое христiанство звуковъ органа и темныхъ придѣловъ собора, освѣщенной зарею заутрени и сумрачной вечерни; христiанство, надъ которымъ мы не стѣсняясь издѣваемся, вставляя его живописныя изображенiя въ наши театральныя пьесы о дьяволѣ, въ нашихъ „Сатаниллъ", „Робертовъ" и „Фау-

стовъ", распѣвая гимны за рѣзными окошками, для пущей эффектности задняго плана, и выдѣлывая замысловатѣйшія вокальныя упражненія на словѣ „Dio", въ подражаніе молитвѣ, (что не мѣшаетъ намъ, впрочемъ, на слѣдующій же день раздавать невѣжественнымъ простолюдинамъ якобы назидательныя брошюры о значеніи третьей заповѣди). Это освѣщенное газомъ, вдохновленное газомъ христіанство составляетъ нашу гордость, и мы брезгливо сторонимся отъ сомнѣвающихся въ немъ еретиковъ, боясь, чтобы они не коснулись какъ-нибудь края нашей одежды. Но проявить самую заурядную христіанскую праведность, въ формѣ ли простого слова или будничнаго поступка; [возвести хоть одинъ христіанскій законъ въ правило жизни и основать на немъ хоть какую-нибудь національную вѣру или упованіе, — нѣтъ, намъ для этого слишкомъ хорошо извѣстно, къ чему сводится наша религія. Легче вышибить молнію изъ кадильнаго дыма, чѣмъ настоящую энергію или страсть изъ вашей современной англійской вѣры. Лучше перестаньте дымить и играть на органѣ, — предоставьте кадила и органы, готическія окна и расписныя стекла бутафорамъ; однимъ мощнымъ усиліемъ воли испустите послѣднее отравленное угаромъ и

водородомъ дыханіе и позаботьтесь о Лазарѣ, что лежитъ у порога. Потому что истинная церковь тамъ, гдѣ рука съ участіемъ беретъ другую руку; это единая Мать церквей, единственная святая церковь, какая когда-либо была и когда-либо будетъ.

38. Повторяю,—вы, какъ нація, презираете всѣ эти радости и добродѣтели. Среди васъ встрѣчаются, правда, отдѣльные люди, которые не презираютъ ихъ; вы живете трудомъ этихъ людей, ихъ силами, жизнью и смертью, но никогда не скажете имъ спасибо. И богатство ваше, и ваши забавы, и ваша гордость—все было бы одинаково невозможно, кабы не тѣ, кого вы или забываете или презираете. Полицейскій, который всю ночь шагаетъ взадъ и впередъ по темному переулку, оберегая васъ отъ преступленія, вами же созданнаго, которому каждую минуту могутъ размозжить голову, искалѣчить его на всю жизнь, и никто не сочтетъ себя обязаннымъ благодарить его; морякъ, въ рукопашномъ бою съ бѣшенымъ моремъ; молчаливый ученый, согнувшійся надъ книгой или надъ ретортой; чернорабочій, безъ поощренія, почти безъ хлѣба исполняющій свое дѣло, безнадежно, какъ лошадь, которая тащитъ телѣгу и награждается всеобщими пинками,—вотъ тѣ лю-

ди, которыми живетъ Англія; но они не нація; они только ея тѣло и нервная сила, продолжающая дѣйствовать по привычкѣ и судорожной инерціи, когда духъ уже отсутствуетъ. Наше національное стремленіе и цѣль—забава; наша національная религія—исполненіе церковныхъ обрядовъ и проповѣдь усыпительныхъ истинъ (или усыпительной лжи) съ тѣмъ, чтобы держать толпу спокойно за работой, пока мы будемъ веселиться; потребность въ забавѣ, безсмысленная, безжалостная и разнузданная, держитъ насъ въ своихъ когтяхъ, какъ какая-нибудь горячка, отъ которой у насъ сохнутъ губы и блуждаютъ глаза.

39. Когда человѣкъ работаетъ подобающимъ ему образомъ, его удовольствія выростаютъ изъ его работы какъ лепестки плодоноснаго цвѣтка; когда въ немъ есть состраданіе, искреннее желаніе помочь,—всѣ его чувства устойчивы, глубоки, постоянны и дѣйствуютъ на душу живительно; они для нея то же, что нормальный пульсъ для тѣла. Но такъ какъ у насъ нѣтъ настоящаго дѣла, мы тратимъ всю свою мужескую энергію на ложное дѣло наживы; и такъ какъ у насъ нѣтъ настоящихъ волненій, мы добываемъ волненія поддѣльныя, рядимъ ихъ и играемъ ими, не невинно, какъ дѣти, играютъ въ куклы а преступно и тайно,

какъ евреи-язычники играли тѣми изображеніями на стѣнахъ пещеръ, о которыхъ никто и не узналъ бы, если бы не выкопали ихъ изъ-подъ земли. Справедливость, которой нѣтъ у насъ, мы представляемъ въ книгахъ и на подмосткахъ; красоту, которую уничтожаемъ въ природѣ, замѣняемъ превращеніями пантомимы; а такъ какъ наша человѣческая природа все-таки непремѣнно требуетъ какого-нибудь горя или страха, — вмѣсто того высокаго горя, которое могли бы нести сообща съ братьями, и чистыхъ слезъ, которыя могли бы съ ними проливать,—мы упиваемся паѳосомъ судебной залы и сметаемъ ночную росу съ могилъ.

40. Трудно оцѣнить истинное значеніе всего этого; факты, сами по себѣ, достаточно ужасны, но мѣра національной виновности, пожалуй, не такъ велика, какъ это кажется съ перваго взгляда. Мы допускаемъ, или причиняемъ, тысячи смертей ежедневно, но дѣлаемъ это безъ дурного умысла; поджигаемъ дома и опустошаемъ крестьянскія поля, но очень были бы огорчены, если бы узнали, что причиняемъ кому-нибудь вредъ. Въ душѣ мы все-таки добры и способны къ добродѣтели, но способны къ ней какъ дѣти. Когда Чальмерса, въ концѣ своей долгой жизни пользовавшагося

большимъ вліяніемъ на публику, допекали въ какомъ-то важномъ дѣлѣ ссылками на общественное мнѣніе, онъ воскликнулъ съ нетерпѣніемъ: „Публика — просто большое дитя!“

Изслѣдуя методы чтенія, я именно потому и коснулся всѣхъ этихъ важнѣйшихъ вопросовъ, что наблюденія надъ нашими національными ошибками и несчастіями все болѣе и болѣе убѣждаютъ меня въ томъ, что эти ошибки и несчастія обусловлены исключительно ребяческимъ невѣжествомъ и отсутствіемъ образованія въ самомъ элементарномъ его значеніи.

Повторяю,—то, что намъ приходится оплакивать, не есть ни порочность, ни эгоизмъ, ни тупоуміе, а безнадежное школьническое легкомысліе, отличающееся отъ легкомыслія настоящихъ школьниковъ только тѣмъ, что не подлежитъ исправленію, потому что не признаетъ никакихъ учителей.

41. Въ одномъ изъ прекрасныхъ забытыхъ всѣми произведеній послѣдняго нашего великаго художника, есть интересный прототипъ нашего народа. Рисунокъ изображаетъ Киркби-Лонсдэльское кладбище, ручей, долину, холмы и небо, подернутое утренней мглою. Но одинаково равнодушная, какъ къ окружающей обстановкѣ, такъ и къ мертвецамъ, покинувшимъ эти небеса и долину для другихъ не-

бесъ и долинъ, кучка школьниковъ сложила свои книжки на одной изъ могилъ и сшибаетъ ихъ камешками. Такъ и мы играемъ со словами умершихъ, которыя поучаютъ насъ, и съ горькимъ, безшабашнымъ упрямствомъ отбрасываемъ ихъ отъ себя, нимало не думая о томъ, что подъ этими развѣенными вѣтромъ листами не только могильныя плиты, но и ключъ волшебнаго свода, двери великой столицы уснувшихъ королей, готовыхъ пробудиться и итти съ нами, лишь бы мы сумѣли позвать ихъ. Какъ часто, даже войдя въ эти мраморныя двери, мы только бродимъ среди царственныхъ старцевъ, объятыхъ дремотой, ощупываемъ ихъ одежды и шевелимъ короны на ихъ головахъ; но они молчатъ попрежнему, попрежнему кажутся намъ запыленными изваяніями: потому что мы не знаемъ магической пѣсни сердца, которая могла бы пробудить ихъ; при первомъ звукѣ этой пѣсни они встанутъ къ намъ навстрѣчу во всемъ своемъ древнемъ величіи и будутъ пристально въ насъ вглядываться, разсматривать насъ. Какъ павшіе цари въ аидѣ встрѣчаютъ вновь прибывшихъ словами: „И ты сталъ слабъ какъ мы, и ты сталъ однимъ изъ насъ?"—такъ и эти короли, въ своихъ немеркнущихъ, непоколебимыхъ вѣнцахъ, встрѣтятъ насъ словами: „И ты сталъ

чистъ и могучъ душою, какъ мы, и ты сталъ однимъ изъ насъ?“

42. Быть могучимъ, великимъ душою, быть „великодушнымъ“—вотъ достиженіе истинно высокаго положенія въ жизни; становиться таковымъ постепенно—вотъ настоящій успѣхъ въ жизни, въ самой жизни, а не въ ея побрякушкахъ. Друзья мои, помните старинный обычай скиѳовъ, когда умиралъ у нихъ глава дома? Его одѣвали въ праздничныя одежды, сажали на колесницу и развозили по домамъ друзей; и всѣ эти друзья давали ему самое почетное мѣсто за столомъ и пировали въ его присутствіи. Представьте же себѣ, что кто-нибудь предложилъ бы вамъ въ опредѣленныхъ словахъ, какъ опредѣленно предлагается вамъ на дѣлѣ, постепенное достиженіе этихъ скиѳскихъ почестей, пока вы еще считаете себя живыми. Представьте себѣ, что предложеніе было бы сдѣлано въ слѣдующей формѣ: „Ты будешь медленно умирать; кровь твоя будетъ стынуть съ каждымъ днемъ, тѣло разлагаться, сердце биться все медленнѣе и клапаны его ржавѣть какъ желѣзо. Жизнь въ тебѣ будетъ гаснуть, и ты все глубже будешь погружаться въ ледяной холодъ подземнаго царства; но тѣло твое будутъ съ каждымъ днемъ наряжать все пышнѣе и пышнѣе, все выше будутъ

колесницы, на которыхъ оно будетъ возсѣдать, все больше знаковъ отличія будутъ украшать его грудь, — если захочешь, на головѣ твоей заблеститъ корона. Люди будутъ преклоняться передъ этимъ твоимъ тѣломъ, глазѣть на него и кричать, толпами бѣгая за нимъ по улицамъ; строить для него дворцы, сажать его на почетное мѣсто за столомъ и пировать вокругъ него цѣлыя ночи напролетъ. И въ немъ сохранится лишь настолько твоей души, чтобы сознавать, что они дѣлаютъ, чувствовать тяжесть золотого платья на плечахъ и острый край короны на лбу,—не болѣе". Согласитесь ли вы на такое предложеніе, если ангелъ смерти сдѣлаетъ вамъ его въ словесной формѣ? Какъ вы думаете, согласится ли на него самый презрѣнный изъ насъ? А на практикѣ всѣ мы хватаемся за него болѣе или менѣе жадно; многіе принимаютъ его во всемъ его несказанномъ ужасѣ. Принимаетъ его всякій, кто стремится къ болѣе высокому положенію въ обществѣ, къ успѣху въ жизни, не зная, что значитъ жизнь; думая, что успѣваетъ въ ней тотъ, кто добудетъ побольше лошадей, лакеевъ, денегъ и общественнаго почета, а не личной души. Только тотъ успѣваетъ въ жизни, чье сердце становится мягче и кровь горячѣе, чей мозгъ работаетъ быстрѣе и духъ вступаетъ въ Жи-

вой миръ. Тѣ, въ которыхъ есть эта жизнь,— истинные владыки и короли земли,—ея единственные короли и владыки. Всякая другая королевская власть, поскольку она истинна, только практическое выраженіе и результатъ ихъ власти; иначе это владычество театральное, роскошное представленіе, гдѣ мишура замѣняется настоящими драгоцѣнными камнями; такіе короли—игрушки народовъ. Или же это вовсе не королевская власть, а тираннія и практическій результатъ безумства націи; вотъ почему я говорилъ вамъ о нихъ въ другомъ мѣстѣ: „Видимыя правительства — игрушки однѣхъ націй, недуги другихъ, узда для нѣкоторыхъ и бремя для многихъ“.

43. Но никакими словами не могу выразить, съ какимъ удивленіемъ я слышу, что даже мыслящіе люди продолжаютъ говорить о королевской власти въ такомъ смыслѣ, какъ будто управляемая нація — частная собственность, которую можно покупать и продавать, или пріобрѣтать иными путями; какъ будто это—стадо овецъ, мясомъ которыхъ питается король, и шерсть которыхъ онъ стрижетъ; какъ будто гнѣвный эпитетъ, данный Ахилломъ недостойнымъ владыкамъ— „пожиратели народа“—былъ постояннымъ, надлежащимъ титуломъ всякаго правителя, а расширеніе предѣловъ государства значило

для него то же, что увеличеніе земельной собственности для частнаго лица. Правители, придерживающіеся такихъ воззрѣній, каково бы ни было ихъ могущество, такъ же неспособны быть истинными королями своего народа, какъ слѣпни не могутъ быть королями лошадей; они высасыватъ изъ нихъ кровь и могутъ довести ихъ до бѣшенства, но править ими не могутъ. Если вглядѣться, и короли эти, и ихъ дворы и арміи—не болѣе какъ болотные комары крупныхъ размѣровъ, со штыками вмѣсто хоботковъ; мелодично, стройно и согласно трубятъ они въ лѣтнемъ воздухѣ, и сумракъ, правда, становится иногда красивѣе отъ туманнаго блеска комариныхъ полчищъ, но едва ли становится здоровѣе для дыханія. Истинные короли, между тѣмъ, когда они и правятъ, то правятъ молча и ненавидятъ править. Слишкомъ многіе изъ нихъ совершаютъ свой „gran refiuto"; если же нѣтъ, то толпа, какъ только они могутъ стать ей полезны, навѣрно совершитъ его за нихъ.

44. Видимый король можетъ стать и королемъ дѣйствительнымъ въ тотъ день, когда онъ измѣритъ свою державу ея силою, а не географическимъ протяженіемъ, — если такой день когда-нибудь наступитъ. Не особенно важно, если Трентъ отрѣжетъ у васъ лишній

кусочекъ тамъ-то, или Рейнъ обойдетъ васъ лишнимъ замкомъ. Но важно для тебя, владыко людей, чтобы тотъ, кому ты скажешь „иди“,—пошелъ, а тотъ, кому ты скажешь „останься“—остался. Чтобы ты могъ направлять свой народъ, какъ направляешь теченіе Трента,—важно, куда ты пошлешь его и куда позовешь. Ненавидитъ ли тебя твой народъ и умираетъ изъ-за тебя или любитъ и живетъ тобою? Измѣряй свою державу толпами, а не милями, и считай градусы любовной широты не отъ экватора, а къ экватору—удивительно жаркому и безпредѣльному.

45. Владычество твое неизмѣримо. Кто можетъ измѣрить разницу между властью созидающихъ и учащихъ, этихъ первенцевъ какъ въ небесномъ царствѣ, такъ и въ земныхъ, и властью разрушительной и истребляющей, тою, что во всей полнотѣ своей только власть моли и ржавчины? Странно! Короли Моли собираютъ сокровища для моли; короли Ржавчины,—тѣ, что для силы своего народа, все равно-что ржавчина для оружія,—собираютъ сокровища для ржавчины; короли воровъ собираютъ сокровища для воровъ; но какъ немного было когда-либо такихъ королей, которые бы собирали сокровища, не нуждающіяся въ охранѣ, сокровища, для которыхъ чѣмъ больше во-

ровъ—тѣмъ лучше. Вышитыя одежды, обреченныя стать лохмотьями; мечи и шлемы, обреченные потускнѣть, золото и алмазы, обреченные на расхищеніе,—вотъ три рода сокровищъ, собираемыхъ тремя родами королей. Но представьте себѣ, что появился бы четвертый родъ королей, и короли эти вычитали бы въ темной старинной рукописи, что есть сокровища четвертаго рода, болѣе драгоцѣнныя, чѣмъ золото и алмазы, не оцѣнимыя ни на какое самое чистое золото,—что есть ткань невиданной красоты, сотканная челнокомъ Аѳины; оружіе небывалое, закаленное въ священномъ огнѣ Вулкана, золото, зарытое въ одномъ лишь багровомъ сердцѣ заходящаго за Дельфійскія скалы солнца; ткань, окрашенная нетлѣнными узорами, броня непроницаемая, жидкое золото;—что три великіе ангела Водительства, Труда и Мысли, призываютъ насъ непрестанно, стоя на стражѣ у нашего порога; если мы того захотимъ, они поведутъ насъ своей крылатой мощью, направятъ всевидящимъ взоромъ по тропинкѣ, невѣдомой хищному звѣрю и невидимой хищной птицѣ. Представьте себѣ, что появились бы короли, которые услыхали бы такую вѣсть, повѣрили ей и, собравъ сокровища мудрости, даровали народу!

46. Подумайте, какое удивительное это было бы событіе! Какъ трудно себѣ его представить при теперешнемъ состояніи нашего національнаго сознанія! Что, если бы мы призывали своихъ крестьянъ не къ упражненіямъ со штыкомъ, а къ упражненіямъ съ книгой, организовали, выправляли, содержали на жалованьи, подъ командой хорошихъ генераловъ, арміи мыслителей вмѣсто армій убійцъ. Если бы мы почерпали свои національныя развлеченія не только на тирахъ, но и въ читальняхъ? Давали призы не только за мѣткіе выстрѣлы, но и за мѣткія слова? Самая мысль о томъ, чтобы капиталисты цивилизованныхъ странъ могли когда-либо поддерживать литературу вмѣсто войны, кажется —если выразить ее словами—совершенной нелѣпостью!

47. Вооружитесь терпѣніемъ и выслушайте одно мѣсто изъ единственной изъ всѣхъ написанныхъ мною книгъ, которую дѣйствительно можно назвать „книгой“, — книги, которая сохранится (если что-нибудь вообще сохранится) долѣе и прочнѣе всего остального.

„Одна изъ ужасныхъ формъ, въ которыхъ проявляется дѣятельность капитала въ Европѣ, есть веденіе на средства капиталистовъ

несправедливыхъ войнъ. Войны справедливыя не нуждаются въ такомъ количествѣ денегъ, такъ какъ участники ихъ по большей части ведутъ ихъ даромъ; но для войны несправедливой нужно купить и душу и тѣло человѣка, нужно дать ему, кромѣ того, лучшіе военные доспѣхи, что поднимаетъ цѣну такихъ войнъ до максимума; не говоря уже о цѣнѣ подлаго страха, злобной подозрительности между націями, среди которыхъ ни у одной не найдется ни достаточно честности, ни достаточно милосердія, чтобы добыть на нихъ хотя одинъ часъ спокойствія духа. Такъ, въ настоящее время Францція и Англія ежегодно покупаютъ другъ у друга на десять милліоновъ ужаса (замѣчательно легковѣсная жатва, — на половину колючки, на половину осиновые листья, — посѣянная, сжатая и собранная въ амбары „наукой“ современнаго политико-эконома, поучающей алчности вмѣсто истины).

И такъ какъ всѣ несправедливыя войны ведутся если не на счетъ ограбленнаго непріятеля, то съ помощью займовъ у капиталистовъ, займы эти оплачиваются впослѣдствіи налогами на народъ, у котораго, повидимому, нѣтъ въ этомъ дѣлѣ никакой воли, такъ какъ главный корень войны—воля капиталистовъ; но глубочайшее ея основаніе —

алчность всего народа, алчность, которая дѣлаетъ націю неспособной ни къ прямотѣ, ни къ честности, ни къ справедливости, и влечетъ въ свое время частное разореніе и кару каждаго отдѣльнаго лица".

48. Франція и Англія — буквально, замѣтьте,—покупаютъ другъ у друга панику; каждая изъ нихъ ежегодно расходуетъ по 10,000,000 фунтовъ стерлинговъ на ужасъ.

Такъ, представьте же себѣ, что вмѣсто того, чтобы ежегодно покупать другъ у друга на десять милліоновъ паники, онѣ бы рѣшили быть въ миру другъ съ другомъ и покупать на десять милліоновъ знанія; представьте себѣ, что каждая нація тратила бы по десяти милліоновъ въ годъ на основаніе государственныхъ библіотекъ, государственныхъ картинныхъ галлерей, государственныхъ музеевъ, садовъ и мѣстъ отдохновенія. Не было ли бы оно лучше и для Франціи и для Англіи?

49. Осуществиться это можетъ очень и очень не скоро. Но я все же надѣюсь, что скоро придетъ время, когда во всѣхъ значительныхъ городахъ будутъ основаны королевскія или національныя библіотеки, съ царственными серіями книгъ, одинаковыхъ въ каждой; книгами избранными, лучшими по каждой отрасли, заготовленными для чтенія націи наисовершен-

нѣйшимъ способомъ, отпечатанными на листахъ равнаго формата съ широкими полями, раздѣленными на привлекательные томы, легкіе, изящные и крѣпкіе, образцово переплетенные; и эти обширныя библіотеки будутъ открыты всѣмъ добропорядочнымъ и опрятнымъ людямъ во всѣ часы дня и вечера; причемъ опрятность и тишина будутъ требоваться строгимъ закономъ.

Я могъ бы составить вамъ и другіе планы, планы художественныхъ галлерей, естественно-историческихъ музеевъ и еще многихъ драгоцѣнныхъ и необходимыхъ, по-моему, учрежденій, но этотъ библіотечный проектъ всего нужнѣе и всего исполнимѣе; исполненіе его было бы хорошимъ лѣкарствомъ для британской націи, страдающей за послѣднее время признаками водянки, нездоровой жаждой и болѣзненнымъ голодомъ и требующей болѣе нормальнаго питанія. Вамъ удалось отмѣнить въ вашемъ отечествѣ его хлѣбные законы; такъ посмотрите же, не можете ли установить въ немъ законы о другомъ хлѣбѣ, лучшемъ,— хлѣбѣ изъ древняго, волшебнаго арабскаго зерна Сезама, отворяющаго двери, — двери сокровищницъ не разбойничьихъ, а королевскихъ.

Друзья, сокровищницы истинныхъ королей это—улицы ихъ городовъ; золото, которое они

собираютъ и которое кажется другимъ уличной грязью, превращается для нихъ и для ихъ народовъ въ нетлѣнную мостовую изъ чистаго хрусталя.

50. Примѣчаніе къ § 30. Смотрите донесеніе врачебнаго инспектора Тайному совѣту, недавно опубликованное *. Въ предисловіи къ этому донесенію есть пункты, которые, какъ я думаю, произведутъ въ публикѣ нѣкоторое волненіе; по поводу этихъ пунктовъ прибавлю слѣдующее:

Въ настоящее время у насъ въ ходу двѣ теоріи, разрѣшающія вопросъ о земельной собственности; теоріи эти противорѣчатъ другъ другу, и обѣ онѣ ложны.

Первая теорія гласитъ, что по божественному закону всегда существовало и всегда должно существовать нѣкоторое число наслѣдственно-священныхъ особъ, которымъ принадлежатъ, въ качествѣ личной собственности, земля, вода и воздухъ вселенной; что особы эти могутъ по своему произволу позволять или воспрещать остальному человѣчеству пользованіе названной выше землею, водою и воздухомъ, то-есть ѣду, питье и дыханіе. Эта теорія, вѣроятно, продержится теперь уже недолго. Противоположная теорія заключается

* Писано въ 1870 г.

въ томъ, что если всю землю вселенной раздѣлить между чернью вселенной, то чернь эта тотчасъ сдѣлается собраніемъ священныхъ особъ; что дома будутъ строиться сами, и хлѣбъ расти тоже самъ; что всякій получитъ возможность жить, ничего не дѣлая чтобы заработать себѣ пропитаніе. Теорія эта на практикѣ также оказалась бы совершенно неудовлетворительной.

Но даже въ нашу освѣщенную магніемъ эпоху понадобится не мало горькихъ опытовъ и тяжелыхъ катастрофъ, чтобы убѣдить большинство въ совершенной безполезности для народа всякихъ законовъ о чемъ бы то ни было, тѣмъ болѣе о землѣ, о ея неотъемлемости или раздѣлѣ, о пониженіи или повышеніи арендной платы. Законы безполезны, пока общая борьба за существованіе, за средства къ жизни, будетъ сводиться на одну только безчеловѣчную конкуренцію. Эта борьба, какіе бы вы ни издали законы, все равно, приметъ въ безнравственной націи ту или другую смертоносную форму. Для Англіи очень было бы полезно, напримѣръ, установить закономъ — если бы такой законъ возможно было исполнить—максимальные предѣлы дохода по классамъ населенія; очень было бы желательно, чтобы доходъ дворянина выплачивался ему

націей въ видѣ опредѣленнаго жалованья или пенсіи, а не выжимался бы имъ по произволу, въ колеблющихся суммахъ, изъ арендаторовъ его земель. Но если бы вы завтра же могли постановить такой законъ и, что было бы далѣе необходимо, могли опредѣлить размѣръ ассигнованнаго дохода тѣмъ, чтобы данный вѣсъ чистой пшеничной муки законно обезпечивалъ такую-то сумму, не прошло бы и года, какъ установилась бы втихомолку другая цѣнность, и власть накопляющагося капитала выразилась бы въ другомъ продуктѣ или условномъ знакѣ. Запретите людямъ покупать жизнь на соверены, и они будутъ покупать ее на ракушки и гальки. Общественному бѣдствію можно помочь только однимъ путемъ, путемъ всеобщаго образованія, направленнаго къ развитію мышленія, милосердія и справедливости. Можно, конечно, изобрѣсти многіе законы для постепеннаго улучшенія и укрѣпленія національнаго характера, но по большей части законы эти таковы, что національный характеръ не вынесетъ ихъ, если не будетъ въ сильной степени улучшенъ предварительно. Законы могутъ быть полезны юной націи, какъ ортопедическій корсетъ полезенъ слабому ребенку, но не выпрямить ему сгорбленной спины старой націи.

Не говоря уже о томъ, что, какъ бы онъ ни былъ затруднителенъ, земельный вопросъ имѣетъ значеніе только второстепенное; раздѣлите землю какъ угодно,—главный вопросъ останется неразрѣшеннымъ. Кто будетъ копать ее? Кто и за какую плату будетъ исполнять за остальныхъ тяжелую и грязную работу? Кто и за какую плату возьметъ на себя работу пріятную и чистую? Къ этимъ вопросамъ, кромѣ того, примѣшиваются любопытныя религіозныя и нравственныя соображенія. Вполнѣ ли законно высасывать часть души изъ многихъ людей, для того чтобы изъ добытаго количества душевнаго матерьяла создать одну прекрасную, идеальную душу? Если бы дѣло шло не о духѣ, а просто о крови (что не только исполнимо, но исполнялось уже и прежде въ примѣненіи къ дѣтямъ), если бы можно было выцѣдить данное количество крови изъ рукъ толпы и, вливъ его въ жилы одного человѣка, сдѣлать этого человѣка болѣе чистокровнымъ джентльменомъ, — конечно, это бы практиковалось, хотя, вѣроятно, практиковалось бы втайнѣ. Но теперь, такъ какъ мы лишаемъ людей не крови, которую видно, а души и разума, которыхъ не видно,—мы можемъ дѣлать это совершенно явно и живемъ какъ хорьки, питаясь изысканной добычей. Другими сло-

вами, мы питаемся трудами нѣкотораго количества олуховъ, которые, въ состояніи полнаго отупѣнія, копаютъ и роютъ для того, чтобы мы могли исключительно предаться мышленію и чувству.

Однако, такое положеніе дѣлъ имѣетъ за себя многое. Высокообразованный и развитой англійскій, австрійскій, французскій или итальянскій джентльменъ (тѣмъ болѣе—лэди)—великое произведеніе, произведеніе болѣе совершенное, чѣмъ большинство статуй; онъ обладаетъ не только прекрасною формою, но и цвѣтомъ,—да, вдобавокъ, еще своимъ высокоразвитымъ разумомъ; вы смотрите на него съ восторгомъ и слушаете съ изумленіемъ; созданіе его, какъ созданіе церкви или пирамиды неизбѣжно требуетъ многихъ человѣческихъ жертвъ. Можетъ быть и лучше—создать прекрасное человѣческое существо, чѣмъ прекрасный соборъ или башню; благоговѣніе передъ человѣческимъ существомъ, стоящимъ несравненно выше насъ, даетъ большее счастіе, чѣмъ благоговѣніе передъ стѣною; но прекрасное человѣческое существо должно, въ свою очередь, нести нѣкоторыя обязанности, оно должно быть крѣпостнымъ валомъ и башней, откуда раздается благовѣстъ. Объ этомъ поговоримъ далѣе.

Лекція II. ЛИЛІИ.

О САДАХЪ КОРОЛЕВЪ.

Радуйся, пустыня жаждущая; да возликуетъ пустыня и зацвѣтетъ, какъ лилія, и заростутъ дикимъ лѣсомъ безплодные берега Іордана.

Исаія, XXXV, I.

51. Такъ какъ эта лекція—продолженіе предыдущей, не лишнее можетъ быть сообщить вкратцѣ общую цѣль обѣихъ. Вопросы, составлявшіе предметъ первой лекціи, какъ и что читать, возникли изъ вопроса гораздо болѣе глубокаго, вопроса, который я хотѣлъ бы, чтобы всѣ задали себѣ вполнѣ серьезно. Вопросъ этотъ — зачѣмъ читать? Я бы желалъ, чтобы вы признали вмѣстѣ со мною, что, какія бы преимущества ни давало намъ въ настоящее время распространеніе образованія и литературы, мы только тогда можемъ

надлежащимъ образомъ пользоваться этими преимуществами, когда ясно опредѣлимъ, къ чему должно вести образованіе и чему должна учить литература.

Я бы хотѣлъ, чтобы вы поняли, что правильное нравственное воспитаніе и хорошо выбранное чтеніе ведутъ къ пріобрѣтенію власти надъ людьми дурно-воспитанными и малограмотными, власти, по значенію своему истинно королевской; ими дается единственное чистое владычество, какое возможно между людьми; среди другихъ владычествъ, какъ бы ни были они отмѣчены внѣшними признаками могущества и матеріальной силой, слишкомъ много призрачныхъ и тираническихъ; призрачныхъ, то-есть лишь видимостей и тѣней настоящаго царства, пустыхъ какъ смерть и „вѣнчанныхъ лишь подобіемъ короны"; или же тираническихъ, то-есть ставящихъ собственную волю на мѣсто закона справедливости и любви, которымъ правятъ всѣ истинные монархи.

52. Повторяю,—и такъ какъ мнѣ хотѣлось бы, чтобы мысль эта осталась при васъ, начну съ нея и кончу ею,—существуетъ только одна чистая форма господства, непоколебимаго и вѣчнаго, все равно вѣнчаннаго короной или нѣтъ; господство это дается большею, чѣмъ у

другихъ людей, нравственною силой, и высшимъ, чѣмъ у другихъ людей, уровнемъ мысли, дающими поэтому возможность руководить другими людьми и возвышать ихъ.

53. Убѣжденный, что всякая литература и всякое воспитаніе полезны только въ той мѣрѣ, въ какой они способствуютъ утвержденію этой спокойной, благотворной, верховной власти, во-первыхъ, надъ нами самими, затѣмъ черезъ насъ, надо всѣмъ насъ окружающимъ, я попрошу васъ далѣе разсмотрѣть вмѣстѣ со мною, какая спеціальная отрасль или родъ этой власти, возникающей изъ высокаго образованія, можетъ законно приходиться на долю женщины, насколько женщины имѣютъ право на королевскій санъ, не только въ своемъ домашнемъ обиходѣ, но и во всей сферѣ имъ доступной; въ какомъ смыслѣ, при правильномъ пониманіи и примѣненіи этой царственной и благостной силы, гармонія и красота, какъ результатъ столь милосердаго правленія, дадутъ намъ право назвать территорію, подвластную каждой женщинѣ, „Садомъ королевы".

54. Но тутъ мы съ самаго начала встрѣчаемся съ вопросомъ гораздо болѣе глубокимъ, вопросомъ, который, несмотря на свою первостепенную важность, остается, къ удивленію, совершенно неразрѣшеннымъ для многихъ изъ насъ.

Мы не можемъ рѣшить, въ чемъ должна заключаться королевская власть женщины, пока не опредѣлимъ, въ чемъ заключается ея обыкновенная власть; не можемъ разсуждать о томъ, какое образованіе подготовитъ ее къ широкому кругу обязанностей, пока не знаемъ, въ чемъ заключаются ея ближайшія обязанности. И никогда не говорилось по этому вопросу, столь существенному для общественнаго благополучія, такихъ дикихъ нелѣпостей, какъ говорится теперь, и не допускалось такихъ праздныхъ измышленій.

Отношенія женской природы къ мужской, ихъ различныя умственныя и нравственныя способности, кажется, никогда еще не получали опредѣленія, принятаго всѣми единогласно. Мы слышимъ толки о призваніи и правахъ женщины, какъ будто ея призваніе и права могутъ когда-нибудь быть отдѣлены отъ призванія и правъ мужчины; какъ будто она и ея господинъ—существа независимой другъ отъ друга породы, существа, имѣющія несовмѣстимыя другъ съ другомъ требованія. Это во всякомъ случаѣ фальшиво. И не только фальшиво, но, какъ надѣюсь доказать вамъ впослѣдствіи, и еще болѣе нелѣпо-фальшиво то понятіе, по которому женщина—лишь тѣнь и подчиненное подобіе мужчины, обязанное ему

безсмысленнымъ и рабскимъ послушанiемъ, и всецѣло опирающееся въ своей слабости на его высшую силу.

Это, повторяю, самое дикое изъ всѣхъ заблужденiй относительно той, которая была создана, чтобы быть помощницей мужчины. Какъ будто тѣнь можетъ оказать помощь дѣйствительную, а раба — помощь достойную!

55. Такъ попробуемъ же, не удастся ли намъ добраться до какого-нибудь яснаго и стройнаго опредѣленiя (чтобы быть вѣрнымъ, оно должно быть стройнымъ) того, въ чемъ заключается сила женскаго ума и женской добродѣтели и задача ихъ, сравнительно съ силой и задачей мужскаго ума и мужской добродѣтели. Мы увидимъ, что отношенiя между полами правильно понятыя, взаимно способствуютъ силѣ, чести и власти обоихъ и взаимно увеличиваютъ эту силу, честь и власть.

Теперь я долженъ повторить то, что уже говорилъ въ прошлой лекцiи: первое примѣненiе образованiя — дать намъ возможность совѣтоваться съ самыми мудрыми и великими людьми во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни. Правильно пользоваться книгами — значитъ обращаться къ нимъ за помощью; призывать ихъ, когда наши собственныя познанiя и мыслительныя способности оказываются недо-

статочными; итти за ними слѣдомъ къ горизонту болѣе широкому и разумѣнію болѣе ясному; получать отъ нихъ соединенный приговоръ безсмертныхъ судей и совѣтниковъ всѣхъ временъ, въ противовѣсъ нашему единичному и шаткому сужденію.

Поступимъ же такъ и теперь. Посмотримъ, не согласны ли между собою въ этомъ пунктѣ величайшіе и чистѣйшіе сердцемъ мудрецы всѣхъ временъ: выслушаемъ свидѣтельство, ими оставленное, о томъ, что они считали истиннымъ достоинствомъ женщины и настоящимъ способомъ ея помощи мужчинѣ.

56. Прежде всего обратимся къ Шекспиру. Съ самаго начала замѣтьте въ общемъ: у Шекспира нѣтъ героевъ; у него однѣ только героини. Во всѣхъ его произведеніяхъ нѣтъ ни одного вполнѣ героическаго мужского образа, кромѣ очерченной слегка фигуры Генриха V, преувеличеннаго по сценическимъ соображеніямъ, да еще болѣе эскизнаго Валентина въ „Двухъ Веронцахъ". Въ его законченныхъ и совершенныхъ произведеніяхъ героевъ нѣтъ. Отелло былъ бы героемъ, если бы не обладалъ наивностью, которая дѣлала его добычей самыхъ низкихъ происковъ окружавшихъ его людей; но это единственный образъ, сколько-нибудь приближающійся къ герои-

скому типу. Коріоланъ, Цезарь, Антоній держатся силой разбитой и падаютъ по своимъ слабостямъ; Гамлетъ лишенъ энергіи и преданъ дремотной разсудочности; Ромео—нетерпѣливый мальчикъ; Венеціанскій купецъ безсильно покоренъ превратной судьбѣ; Кентъ, въ „Королѣ Лирѣ", обладаетъ поистинѣ благородной душою, но онъ такъ грубъ и неотесанъ, что не можетъ принести никакой пользы въ критическую минуту и ограничивается ролью слуги. Орландо не менѣе благороденъ, но все же онъ — обезумѣвшая отъ отчаянія игрушка случайности; его охраняетъ, утѣшаетъ и спасаетъ Розалинда. А между тѣмъ, нѣтъ почти ни одного произведенія Шекспира, гдѣ бы не появлялась совершенная женщина, непоколебимая въ священномъ упованіи и въ безошибочномъ преслѣдованіи цѣли: Корделія, Дездемона, Изабелла, Герміона, Аймоджина, королева Екатерина, Пердита, Сильвія, Віола, Розалинда, Елена и, наконецъ, пожалуй прекраснѣйшая изъ всѣхъ — Виргилія; всѣ онѣ безупречны, всѣ онѣ воплощаютъ самый высокій героизмъ, какой доступенъ человѣчеству.

57. Затѣмъ замѣтьте слѣдующее:

Причиной катастрофы въ каждой драмѣ всегда является безуміе или слабость муж-

чины, а избавленіе — если оно есть — свершается мудростью или добродѣтелью женщины; иначе—спасенія нѣтъ. Катастрофа въ „Королѣ Лирѣ“ причинена его собственнымъ безразсудствомъ, запальчивымъ тщеславіемъ и полнымъ непониманіемъ своихъ дѣтей; добродѣтель единственной вѣрной его дочери спасла бы его отъ несчастій, причиненныхъ остальными, если бы онъ не прогналъ ее; но и тутъ она почти спасаетъ его.

Мнѣ незачѣмъ напоминать вамъ исторію Отелло, единственную слабость его могучей любви, низшую степень его сообразительности сравнительно даже съ второстепеннымъ въ трагедіи женскимъ типомъ, этой Эмиліей, умирающей съ иступленнымъ протестомъ противъ его ошибки на устахъ: „О кровожадный дуракъ Да что жъ и дѣлать было такому глупцу съ съ такою доброй женою?“

Въ „Ромео и Юліи“ мудрая и смѣлая хитрость жены ведетъ къ погибели, благодаря безразсудному нетерпѣнію мужа. Въ „Зимней сказкѣ“ и „Цимбелинѣ“ счастіе двухъ царственныхъ домовъ утрачивается на многіе годы, и самое ихъ существованіе подвергается смертельной опасности, благодаря безразсудству мужей; а спасаютъ ихъ, наконецъ, только величавое терпѣніе и мудрость женъ. Въ

„Мѣрѣ за мѣру“ несправедливость судей и развращенная трусость брата противополагается побѣдоносной искренности и алмазной чистотѣ женщины. Въ „Коріоланѣ“ совѣтъ матери спасъ бы сына отъ всѣхъ несчастій, если бы онъ принялъ его во-время; онъ гибнетъ потому, что забываетъ на минуту этотъ совѣтъ; но, сдавшись на ея мольбу—спасается, если не отъ смерти, то отъ проклятія жить, погубивъ отечество.

Что сказать о Юліи, неизмѣнной, несмотря на вѣтренность возлюбленнаго, этого злого ребенка? О Еленѣ, непоколебимой ни грубостью, ни оскорбленіями легкомысленнаго юноши? О терпѣніи Геро, страсти Беатрисы и спокойной преданной мудрости „простодушной дѣвы“, являющейся какъ тихій ангелъ среди безпомощныхъ, слѣпыхъ, обуреваемыхъ злобными страстями мужчинъ, спасающей ихъ однимъ своимъ присутствіемъ, и одною улыбкой предотвращающей чудовищныя преступленія?

58. Замѣтьте далѣе, — среди всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ Шекспира, есть только одна слабая женщина — Офелія; и вся ужасная катастрофа трагедіи происходитъ потому, что Офелія въ критическую минуту не оказываетъ Гамлету никакой поддержки и по самой природѣ своей неспособна руководить

имъ, когда онъ всего болѣе въ ней нуждается. И, наконецъ, хотя среди главныхъ дѣйствующихъ лицъ и есть три дурныхъ женщины, лэди Макбетъ, Регана и Гонерилья, но вы тотчасъ чувствуете, что это только чудовищныя исключенія изъ обычнаго закона жизни; и роковое ихъ вліяніе соразмѣрно отринутой ими доброй власти.

Таково, въ общихъ чертахъ, свидѣтельство Шекспира о характерѣ женщины и положеніи ея въ человѣческой жизни. Онъ изображаетъ женщину неизмѣнно вѣрной и непогрѣшимо мудрой руководительницей, образцомъ неподкупной справедливости и чистоты. Женщина его всегда обладаетъ силой освятить, даже тогда, какъ уже не можетъ спасти.

59. Прошу васъ затѣмъ выслушать показанія другого писателя, не идущаго ни въ какую параллель съ Шекспиромъ, какъ относительно знанія человѣческой природы, такъ— или еще того менѣе — и относительно пониманія путей судьбы и ея логической послѣдовательности. Я говорю о Вальтеръ-Скоттѣ, къ которому обращаюсь только какъ къ писателю, давшему намъ самое широкое понятіе объ условіяхъ и пріемахъ обыденной мысли въ современномъ обществѣ.

Не буду останавливаться на его чисто-ро-

мантической прозѣ, такъ какъ она лишена значенія; а его ранняя романтическая поэзія, несмотря на всю свою прелесть, можетъ свидѣтельствовать не столько о дѣйствительности, сколько о юношескихъ идеалахъ. Но его главныя произведенія, гдѣ онъ описываетъ шотландскую жизнь, вполнѣ заслуживаютъ нашего довѣрія, и во всѣхъ ихъ есть только трое мужчинъ, которые приближаются къ героическому типу—Денди Динмонтъ, Робъ-Рой и Клевергоузъ; первый – пограничный фермеръ, второй—разбойникъ, третій — солдатъ, защищающій неправое дѣло. И всѣ эти трое людей близки къ героизму только своей храбростью и вѣрой, да большой, хотя неразвитой и ложно направленной умственной силой; люди болѣе молодые, между тѣмъ, только благовоспитанныя игрушки причудливой судьбы, и только благодаря этой судьбѣ, или случаю, переживаютъ они, но не побѣждаютъ, несчастія, которыя имъ волей-неволей приходится переносить. Ни о какой дисциплинѣ и послѣдовательности въ характерѣ, ни о какой энергіи въ преслѣдованіи разумной цѣли нѣтъ и помину въ изображенныхъ Вальтеръ-Скоттомъ мужскихъ типахъ. Тогда какъ въ женскихъ, въ Еленѣ Дугласъ, Флорѣ Макиворъ, Розѣ Бредуардайнъ, Катеринѣ Сейтонъ,

Діанѣ Вернонъ, Лиліасъ Редгаунтлетъ, Алисѣ Бриджнортъ, Алисѣ Ли и Джени Динсъ мы находимъ, при безконечныхъ варіаціяхъ граціи, нѣжности и умственной силы, неизмѣнное благородство и безупречную справедливость, безстрашную, мгновенную, неутомимую готовность жертвовать собою даже призраку долга, не говоря уже о его дѣйствительныхъ требованіяхъ, и, наконецъ, терпѣливую мудрость глубоко сдержанной любви, которая не только предохраняетъ любимаго человѣка отъ случайной ошибки, но дѣлаетъ гораздо болѣе: постепенно образуетъ, одушевляетъ и возвышаетъ его характеръ, такъ что къ концу разсказа мы уже болѣе или менѣе терпѣливо можемъ выносить повѣствованія о его незаслуженныхъ успѣхахъ.

Такимъ образомъ, и у Шекспира и у Скотта женщина всегда оберегаетъ и наставляетъ юношу, руководитъ имъ; и никогда, ни въ какомъ случаѣ, юноша не стоитъ на стражѣ своей возлюбленной и не воспитываетъ ее.

60. Затѣмъ приведемъ, хотя болѣе кратко, свидѣтельство болѣе суровое и внушительное—свидѣтельство великихъ итальянцевъ и грековъ. Вамъ извѣстенъ планъ великой поэмы Данте: это любовная поэма, посвященная его умершей возлюбленной, хвалебная

пѣсня ея заботамъ о его душѣ. Снисходя только до состраданія и никогда до любви, она, тѣмъ не менѣе, спасаетъ его отъ погибели, спасаетъ отъ ада. Онъ въ отчаяніи безнадежно сбивается съ пути; она сходитъ съ неба къ нему на помощь, провожаетъ его по ступенямъ, рая, поучаетъ его и толкуетъ ему самыя сложныя человѣческія и божественныя истины, укоряя и укоряя ведетъ отъ звѣзды къ звѣздѣ.

Не стану настаивать на представленіи Данте; если бы я началъ говорить о немъ, то не могъ бы остановиться; да, вдобавокъ, вы сочтете, пожалуй, что это дикія грезы единичной поэтической души. Лучше прочту вамъ небольшое стихотвореніе, написанное весьма обдуманно однимъ пизанскимъ рыцаремъ къ своей живой возлюбленной. Стихотвореніе это, вполнѣ характеризующее чувство всѣхъ благороднѣйшихъ людей тринадцатаго вѣка, дошло до насъ, вмѣстѣ съ другими подобными же памятниками рыцарской чести и любви, черезъ посредство Данте Габріеля Россетти.

„For lo! thy law is passed
That this my love should manifestly be
To serve and honor thee:
And so I do; and my delight is full
Accepted for the servant of thy rule.

Without almost, I am all rapturous
Since thus my will was set
To serve, thou flower of joy, thine excellence.
Nor ever seems it anything could rouse
A pain or regret,
But on thee dwells my every thought and sense:
Considering that from thee all virtues spread
As from a fountain head,—
That in thy gift is wisdom's best avail,
And honor withour fail;
With whom each sovereign good dwells separate,
Fulfilling the perfection of thy state.

Lady, since I conceived
Thy pleasurable aspect in my heart,
Ty life has been apart
In shining brightness and the place of truth;
Which till that time, good sooth,
Groped among shadows in a darken'd place,
Where many hours and days
It hardly ever had remember'd good.
But now my servitude
Is thine, and I am full of joy and rest.
A man from a wild beast
Thou madest me, since for thy love I lived".

(„Итакъ, ты повелѣла, чтобы любовь моя была въ служеніи тебѣ и почитаніи тебя; я это исполняю; и радость моя безпредѣльна, что я принятъ въ слуги тебѣ подвластные. Душа моя полна восторгомъ съ тѣхъ поръ, какъ воля моя поставлена служить твоему совершенству, о, цвѣтокъ радости, и, кажется, ничто не можетъ вселить во мнѣ ни сожалѣ-

нія, ни печали; на тебѣ сосредоточены всѣ мои помыслы и всѣ мои чувства, потому что изъ тебя, какъ изъ своего источника, исходятъ всѣ добродѣтели. Ты можешь даровать лучшую мудрость и честь неуязвимую, которыя сопровождаются всѣми прочими драгоцѣннѣйшими благами, дополняющими совершенство твоего величія. О госпожа, съ тѣхъ поръ, какъ въ сердцѣ моемъ возникъ твой чудный образъ—жизнь моя потекла въ лучезарномъ сіяніи и мѣстѣ праведномъ, а до сихъ поръ она, поистинѣ, шла ощупью среди тѣней, въ лишенномъ свѣта мѣстѣ, гдѣ много часовъ и дней иногда и не вспоминала о добрѣ. Но теперь я подвластенъ тебѣ, я полонъ радости и покоя. Ты сдѣлала меня человѣкомъ изъ дикаго звѣря, съ тѣхъ поръ, какъ я живу, чтобы любить тебя").

61. Вы, можетъ быть, думаете, что греческій рыцарь не придалъ бы женщинѣ такого значенія, какъ этотъ влюбленный христіанинъ. Дѣйствительно, его духовное подчиненіе ей было не такъ полно, но относительно индивидуальнаго характера женщины я только потому взялъ въ примѣръ Шекспировскихъ героинь, а не греческихъ, что вамъ такимъ образомъ легче было слѣдить за мной. Въ подтвержденіе, беру высшіе образцы доступной

человѣчеству красоты и благородства: Андромаху, съ ея простымъ сердцемъ матери и жены; Кассандру, съ ея божественной, хоть и отверженной мудростью; шаловливо-добрую Навзикаю, во всей простотѣ ея царственнаго обихода; спокойную и хозяйственную Пенелопу, пристально смотрящую на море; стойкую и безстрашную въ своей безнадежно-самоотверженной сестринской и дочерней преданности Антигону; кроткую какъ агнецъ, Ифигенію, съ ея тихой и безмолвной покорностью; и, наконецъ, Алкесту, спокойно прошедшую черезъ всю горечь смерти, чтобы спасти своего мужа, ту самую Алкесту, чье возвращеніе изъ могилы впервые возвѣстило душѣ грека о грядущемъ воскресеніи.

62. Если бы у меня было время, я могъ бы привести вамъ еще множество другихъ подобныхъ же примѣровъ. Могъ бы указать вамъ на Чосера и объяснить, почему онъ написалъ „Легенду о добрыхъ женахъ“ и не написалъ легенды о добрыхъ мужахъ. Могъ бы сослаться на Спенсера и обратить ваше вниманіе на то, что его волшебныхъ рыцарей и обманываютъ и побѣждаютъ, а душа Уны никогда не омрачается, и копье Бритомарты никогда не ломается. Могъ бы пойти еще дальше, вернуться къ миѳическимъ ученіямъ

самой глубокой древности, указать на тотъ народъ, одна изъ царевенъ котораго воспитала законодателя рода человѣческаго, къ чему была призвана предпочтительно передъ всѣми его единоплеменниками; напомнить вамъ, что этотъ великій египетскій народъ, мудрѣйшій изъ всѣхъ народовъ, придалъ своему Духу мудрости образъ женщины и вложилъ ей въ руки, въ видѣ символа, ткацкій челнокъ; что имя и образъ этого Духа были приняты и почитаемы греками, которые ему поклонялись и повиновались; что онъ обратился въ ту самую Аѳину въ оливковомъ шлемѣ, съ туманнымъ щитомъ въ рукахъ, вѣрѣ въ которую вы и до сихъ поръ обязаны всѣмъ, что считаете самымъ драгоцѣннымъ и въ искусствѣ, и въ литературѣ, и въ образцахъ національной добродѣтели.

63. Но я не буду заходить въ столь отдаленныя и миѳическія области; ограничусь тѣмъ, что попрошу васъ оцѣнить по достоинству свидѣтельство величайшихъ поэтовъ и людей знавшихъ свѣтъ, свидѣтельство, какъ видите, въ данномъ пунктѣ однородное. Спрашивается, возможно ли предположить, чтобы эти люди, выполняя основную задачу своей жизни, забавлялись фиктивными представленіями и праздными выдумками объ отноше-

ніяхъ между мужчинами и женщинами; нѣтъ, даже хуже чѣмъ только фиктивными и праздными:—есть вещи не существующія, но желательныя, будь онѣ осуществимы; но эта идеальная женщина, по нашимъ обще-распространеннымъ понятіямъ о бракѣ,—совершенно нежелательна. Женщина, говоримъ мы, не должна не только руководить, но даже и думать самостоятельно. Перевѣсъ ума долженъ быть всегда на сторонѣ мужчины; дѣло мужчины—мыслить и править, ему принадлежитъ первенство какъ въ знаніи и въ разсудительности, такъ и въ силѣ.

64. Не представляется ли болѣе или менѣе необходимымъ разрѣшить какъ-нибудь это недоразумѣніе? Кто ошибается—всѣ ли эти великіе люди или мы? Можетъ быть Шекспиръ, Эсхилъ, Данте и Гомеръ только рядили куколъ для нашей забавы; или, еще того хуже, показывали намъ невозможныя въ дѣйствительности видѣнія, которыя, осуществись они на дѣлѣ, внесли бы анархію въ наши семьи и стали бы гибелью нашихъ привязанностей? Если ужъ вы допускаете такое предположеніе, обратитесь, наконецъ, къ свидѣтельству фактовъ, которое представитъ вамъ само человѣческое сердце. Во всѣ христіанскія эпохи, отмѣченныя чистотою нравовъ или прогрес-

сомъ, мужчины всегда относились къ женщинамъ съ полнымъ подчиненіемъ и покорной преданностью. Говорю „покорной“, не только восторженной и боготворящей въ воображеніи, но вполнѣ подчиненной; мужчина получалъ отъ любимой женщины, какъ бы ни была она молода, не только поощреніе, поддержку и награду всякаго труда, но, въ предѣлахъ выбора и рѣшенія затруднительныхъ вопросовъ, даже и руководство во всякомъ трудѣ.

То рыцарство, которое въ своемъ извращеніи и паденіи стало первою причиною всего, что есть жестокаго въ войнѣ, неправеднаго въ мирѣ, безнравственнаго и пошлаго въ семейной жизни, но которому, въ его первоначальной чистотѣ и могуществѣ, мы обязаны защитой и вѣры, и закона, и любви,—это рыцарство, говорю я, предполагаетъ подчиненіе рыцаря приказаніямъ, даже причудамъ, своей дамы, какъ основу всякой благородной жизни. Предполагаетъ его потому, что тѣмъ, кто стоялъ во главѣ рыцарства, было хорошо извѣстно первое побужденіе всякаго рыцарскаго сердца, получившаго правильное воспитаніе: побужденіе это заключается въ слѣпомъ служеніи дамѣ; имъ было извѣстно, что гдѣ нѣтъ преданнаго служенія, гдѣ не поступа-

ются своею свободой, тамъ мѣсто жестокой и злой страсти; что радостнымъ повиновеніемъ единственной любви его юности освящается сила мужчины и дается послѣдовательность всей его дѣятельности. Происходитъ это не потому, чтобы такое повиновеніе было благоразумно или достойно, даже когда относится къ предмету недостойному, а потому, что для всякаго благороднаго юноши должно быть просто-напросто невозможно,—какъ оно и въ дѣйствительности невозможно для всякаго получившаго правильное воспитаніе,—любить кого-нибудь, чьему кроткому совѣту онъ не можетъ довѣрять, чье данное съ мольбою приказаніе онъ поколеблется исполнить.

65. Не стану приводить дальнѣйшихъ аргументовъ въ подтвержденіе сказаннаго; думаю, что въ вѣрности его послужитъ вамъ порукой ваше знаніе того, что было, и того, что должно быть. Вы не можете предполагать, чтобы завязываніе рыцарской брони рукою дамы было простой причудой или романтическимъ обычаемъ. Это символъ вѣчной истины: броня души только тогда плотно облегаетъ грудь, когда она стянута рукою женщины; честь мужчины только тогда измѣняетъ ему, когда броня эта завязана рукою нерадивой. Знакомы ли вамъ прекрасныя

строки, которыя, по-моему, должны бы выучить наизусть всѣ молодыя лэди Англіи?

„Ah wasteful woman! She who may
On her sweet self set her own price,
Knowing he cannot choose but pay—
How has she cheapen'd Paradise!

How given for nought her priceless gift,
How spoiled the bread and spill'd the wine,
Which, spent with due, respective thrift,
Had made brutes men and men divine!“

(„О, расточительная женщина! Она, которая могла бы назначить себѣ любую цѣну, зная, что онъ непремѣнно ее заплатитъ,—какъ она продешевила рай! За какой пустякъ отдала свой безцѣнный даръ, какъ расточила хлѣбъ и расплескала вино, которые, будучи истрачены съ должной, почтительной бережливостью, дѣлали звѣрей людьми и людей богами!“)

66. Думаю, что вы не станете возражать мнѣ, поскольку я говорилъ объ отношеніяхъ между любовниками. Но въ чемъ мы слишкомъ часто сомнѣваемся, такъ это въ пригодности такихъ отношеній для продолженія ихъ на всю жизнь.

Мы считаемъ ихъ правильными между любовниками, но не между мужемъ и женой. Другими словами, мы считаемъ, что обязаны

благоговѣйнымъ и нѣжнымъ служеніемъ женщинѣ, въ привязанности которой не увѣрены и съ характеромъ которой знакомы смутно и частично; но что этого благоговѣнія и служенія ее слѣдуетъ лишать, когда любовь ея принадлежитъ намъ всецѣло, а характеръ испытанъ и извѣданъ такъ, что мы не боимся довѣрить ей все счастіе своей жизни. Развѣ вы не видите, что это не только подло, но и безразсудно? Развѣ не чувствуете, что бракъ,—когда онъ можетъ считаться бракомъ—только печать, которой отмѣчается подъ клятвой переходъ отъ временнаго служенія къ вѣчному и отъ прерывистой любви — къ любви вѣчной?

67. Но, спросите вы, совмѣстима ли функція женщины руководить,— съ ея обязанностью быть покорной женой? Совмѣстима, потому что функція эта руководящая, а не опредѣляющая. Попытаюсь указать вамъ вкратцѣ, какъ эти два понятія могутъ быть правильно отдѣлены другъ отъ друга.

Мы глупы, глупы непростительно, когда говоримъ о „превосходствѣ" одного пола надъ другимъ, какъ будто ихъ можно сравнивать въ однородномъ. Каждый обладаетъ тѣмъ, чего нѣтъ у другого; одинъ дополняетъ другой и дополняется другимъ; они несходны

ни въ чемъ; счастіе и совершенство обоихъ обусловлено тѣмъ, чтобы каждый требовалъ и получалъ то, что можетъ быть дано только другимъ.

68. Различіе ихъ характеровъ заключается приблизительно въ слѣдующемъ. Сила мужчины въ дѣйствіи, прогрессѣ и защитѣ. Мужчина прежде всего дѣятель, создатель; онъ открываетъ новое, онъ защищаетъ. Умъ его спекулятивный, онъ проявляется въ предпріятіяхъ и изобрѣтеніяхъ, а энергія—въ борьбѣ и побѣдѣ, когда борьба справедлива, а побѣда нужна. Но сила женщины—въ правленіи, а не въ битвѣ, умъ ея не творческій и не изобрѣтательный,—это умъ упорядочивающій, устрояющій и рѣшающій. Она видитъ свойства вещей, ихъ требованія и мѣсто. Ея великая функція — хвала; она не входитъ ни въ какія состязанія, но безошибочно присуждаетъ вѣнецъ побѣдителю. Служба ея и положеніе предохраняютъ ее отъ всякихъ опасностей и искушеній. Мужчина исполняетъ свое грубое дѣло въ широкомъ мірѣ и неизбѣжно встрѣчается съ опасностями и искушеніями; на долю его выпадаютъ потому неудачи, обиды и неизбѣжныя ошибки; онъ часто бываетъ раненъ, побѣжденъ, сбитъ съ пути и всегда ожесточенъ. Но женщину онъ охраняетъ отъ всего этого;

въ предѣлы его дома, управляемаго ею, не войдетъ, если она сама того не пожелаетъ, никакая опасность, никакое искушеніе, никакой поводъ къ ошибкѣ или оскорбленію. Такова истинная природа домашняго очага — это обитель мира, убѣжище не только отъ всякой обиды, но отъ всякаго страха, сомнѣнія или разлада. Поскольку онъ не исполняетъ этихъ условій, это не есть домашній очагъ; поскольку проникаютъ въ домъ тревоги внѣшняго міра, и несочувственное, незнакомое, нелюбимое или враждебное общество внѣшняго міра допускается за порогъ его, мужемъ ли или женою, онъ перестаетъ быть домомъ,—это только отгороженная часть внѣшняго міра, которую вы покрыли крышей, и гдѣ затопили печку. Но поскольку онъ представляетъ священное мѣсто, храмъ, оберегаемый домашними богами, передъ лицо которыхъ не можетъ явиться никто, кого они не могли бы привѣтствовать съ любовью, поскольку онъ отвѣчаетъ всѣмъ этимъ условіямъ, и крыша, и огонь на очагѣ только символы болѣе высокой тѣни и свѣта: тѣни отъ скалы въ изнеможенной пустынѣ, свѣта маяка въ бурномъ морѣ; тогда онъ достоинъ своего имени и исполняетъ свое высокое назначеніе.

И куда бы ни пришла настоящая жена,

этотъ домъ вокругъ нея всюду. Надъ головою у нея могутъ быть только звѣзды; свѣтлякъ въ похолодѣвшей за ночь травѣ можетъ быть единственнымъ огонькомъ у ея ногъ; но домашній очагъ всюду, гдѣ бы она ни была; онъ широко раскинулся вокругъ благородной женщины, лучше палатъ, крытыхъ кедромъ и окрашенныхъ киноварью; и далеко-далеко разливаетъ онъ свой тихій свѣтъ безпріютнымъ.

69. Такъ вотъ въ чемъ, по моему, а можетъ быть и по вашему, заключается истинное могущество женщины, и таково ея настоящее мѣсто. Но развѣ вы не видите, что для исполненія такой задачи женщина должна быть, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это выраженіе примѣнимо къ человѣческому существу, непогрѣшимой? Въ предѣлахъ ея владычества все должно быть такъ, или все будетъ не такъ.

Она должна обладать неистощимой, неподкупной добротою; должна быть мудра инстинктивно и непогрѣшимо, мудра не ради самоутвержденія, а ради самоотрицанія; не для того, чтобы стать выше своего мужа, а для того, чтобы удержать свое мѣсто рядомъ съ нимъ; мудра не высокомѣрной, холодной и узкой гордостью, а страстной нѣжностью безконечно разнообразнаго, ибо безконечно

примѣнимаго въ своей скромности, служенія. Въ этомъ и заключается настоящая измѣнчивость женщины. Въ этомъ великомъ смыслѣ „la donna e mobile“ не какъ „pium al vento“ и не какъ „измѣнчивая тѣнь трепещущей осины“; нѣтъ, она измѣнчива какъ свѣтъ, многоразличный въ стройномъ и чистомъ дробленіи, принимающій окраску всего, на что падаетъ, и придающій этой окраскѣ невиданный блескъ.

70. II. Я старался до сихъ поръ показать вамъ, какое положеніе должна занимать женщина, и въ чемъ должна заключаться ея власть. Теперь же спросимъ себя: какого рода воспитаніе сдѣлаетъ ее способной занимать это положеніе и пользоваться этою властью?

Если вы согласны съ моимъ опредѣленіемъ ея обязанностей и достоинства, намъ нетрудно будетъ намѣтить программу воспитанія, которое подготовить ее къ исполненію первыхъ и возвыситъ до второго.

Первая наша обязанность по отношенію къ женщинѣ,—въ чемъ не усомнится въ настоящее время ни одинъ мыслящій человѣкъ,—заключается въ обезпеченіи за нею такого физическаго воспиитанія физическихъ упражненій, которыя бы способствовали укрѣпленію ея здоровья и усовершенствованію красоты, такъ какъ высшая утонченность красоты до-

стигается не иначе, какъ при полномъ блескѣ физической энергіи и тонкой силы.

Усовершенствованіе красоты, говорю я, и увеличеніе ея могущества; власть ея никогда не можетъ быть слишкомъ велика, и божественный свѣтъ ея не можетъ проливаться слишкомъ далеко; помните только, что безъ соотвѣтствующей душевной свободы никакая физическая свобода не можетъ дать красоты. У поэта, который, по моему, отличается отъ другихъ не столько силой, сколько удивительной вѣрностью, есть двѣ строфы, въ которыхъ указывается источникъ женской красоты и описывается въ нѣсколькихъ словахъ ея полное совершенство. Прочту вамъ, кстати и вступительные куплеты, но особенное вниманіе прошу обратить на послѣдній.

Подъ солнцемъ и дождемъ она росла три года,
И восхищенная промолвила природа:
Здѣсь, на землѣ, по рощамъ и лугамъ
Не выросталъ цвѣтокъ прекраснѣй и нѣжнѣе,
Я милое дитя возьму, назвавъ моею,
И женщину по-своему создамъ.
Я буду для нея законъ и побужденье,
На каждый жизни часъ и каждое мгновенье
Я власть хочу верховную отдать
Моей избранницѣ,—въ поляхъ, въ лѣсахъ, въ долинѣ,
На небѣ, на землѣ внизу и на вершинѣ,—
И сдерживать порывъ и зажигать.

Ей облака дадутъ свой блескъ и переливы,
И вѣтви гибкія предъ ней наклонятъ ивы,
Въ движеньи бурь почувствуетъ она,
Что милость высшая незримо къ ней слетаетъ
И нѣжно станъ ея прекрасный обвиваетъ,
Безмолвнаго сочувствія полна.
Взлелѣютъ жизненныя чувства наслажденья
Все тѣло юное и всѣ его движенья,
И заблистаетъ дѣвственная грудь.
Такія мысли я всегда Люси внушаю,
Пока я съ ней вдвоемъ рука съ рукой свершаю
Въ долинѣ счастія недолгій путь *.

„Жизненныя чувства наслажденія“, замѣтьте. Бываютъ также наслажденія мертвящія; но естественныя чувства наслажденія — жизненныя, необходимыя для самой жизни.

И они должны быть чувствами наслажденія, чтобы быть жизненными. Ужъ не думаете ли вы, что сдѣлаете дѣвушку красивой, если не сдѣлаете ее счастливой? Нѣтъ ни одного ограниченія, которое вы наложите на природу хорошей дѣвушки, ни одной сдержки ея инстинктамъ любви и дѣятельности, которая бы не запечатлѣлась на ея чертахъ неизгладимо жесткостью, тѣмъ болѣе мучительной, что она туманитъ блескъ невинныхъ глазъ, искажаетъ прелесть невиннаго чела.

71. Все это относится къ средствамъ; теперь обратимся къ цѣли. Возьмемъ изъ того же

* Перев. Allegro.

поэта двѣ строки, гдѣ въ совершенствѣ опредѣляется женская красота:

Тотъ ликъ, гдѣ свѣтлыя былого начертанья
Встрѣчаютъ радости грядущей обѣщанья.

Совершенство женской красоты можетъ заключаться лишь въ томъ величавомъ спокойствіи, которое основано на воспоминаніи о счастливыхъ и полезныхъ годахъ; эта красота — лѣтопись радости; величавое спокойствіе ея соединяется съ еще болѣе величавой дѣтскостью, измѣнчивой и полной обѣщаній; безпрерывно раскрываясь, она, при всей своей скромности, сіяетъ упованіемъ на что-то лучшее, чего можетъ достичь и что можетъ даровать въ будущемъ. Тамъ, гдѣ есть такое обѣщаніе, не существуетъ старости; тамъ вѣчная юность.

72. Слѣдовательно, вамъ предстоитъ, вопервыхъ, вылѣпить въ надлежащую форму физическій образъ женщины; затѣмъ, насколько позволятъ пріобрѣтенныя ею силы, закалить ея душу въ познаніяхъ и мысляхъ, способствующихъ укрѣпленію ея инстинктивной справедливости и тонкой выработкѣ ея врожденной любовной чуткости. Ей слѣдуетъ сообщить всѣ познанія, которыя дали бы ей возможность понимать мужской трудъ и даже помогать въ

немъ; но слѣдуетъ сообщить ихъ не какъ познанія, не какъ предметъ подлежащій ея знанію, или могущій подлежать ему, а какъ предметъ подлежащій ея чувству и сужденію. Ни для ея гордости, ни для ея совершенства совсѣмъ не существенно—много ли знаетъ она языковъ или только одинъ, но въ высшей степени важно, чтобы она умѣла выразить участіе чужестранцу и оцѣнить сладкозвучность чужого языка. Для достоинства ея не имѣетъ никакого значенія—знаетъ ли она ту или другую науку, но очень нужно, чтобы она была воспитана въ привычкахъ къ точной мысли, чтобы она понимала значеніе, неизбѣжность и красоту естественныхъ законовъ и прослѣдила хотя одну отрасль научныхъ знаній до предѣловъ той печальной долины смиренія, куда могутъ спускаться только самые мудрые и смѣлые люди, да и тѣ сознаютъ себя лишь дѣтьми, всю жизнь собирающими камешки на берегу безпредѣльнаго моря. Не важно—много ли она знаетъ названій городовъ и именъ знаменитыхъ людей, сильна ли она въ хронологіи; превращать женщину въ словарь—вовсе не есть цѣль образованія; но глубоко необходимо, чтобы она умѣла всѣмъ существомъ своимъ проникаться исторіей, которую читаетъ, съ непосредственной живостью воспроизводить ея со-

бытія въ своей блестящей фантазіи, понимать своимъ тонкимъ инстинктомъ патетическія обстоятельства и драматическія отношенія, которыя историкъ нерѣдко только затемняетъ разсужденіями и лишаетъ связи разстановкой; ея дѣло — прослѣдить тайну божественнаго воздаянія, различить во мракѣ роковыя нити огненной пряжи, связывающей преступленіе съ возмездіемъ. Но важнѣе всего—чтобы она умѣла расширять предѣлы своего сочувствія въ области той исторіи, которая совершается безпрерывно каждую минуту ея безмятежнаго существованія, въ области современныхъ бѣдствій, которыя не могли бы повторяться, если бы оплакивались ею какъ должно. Она должна постоянно упражнять свое воображеніе, думая о впечатлѣніи и вліяніи, какія имѣло бы на ея душу и поведеніе ежедневное столкновеніе со страданіями, не утрачивающими своей реальности, потому что они скрыты отъ ея взоровъ. Слѣдуетъ научить ее понимать хотя отчасти ничтожество отношенія, въ которомъ стоитъ тотъ міръ, гдѣ она живетъ и любитъ, къ міру, гдѣ живетъ и любитъ Богъ, и торжественно внушить ей, чтобы она старалась, чтобы ея вѣрующая забота не ослабѣвала соразмѣрно съ количествомъ людей, на которыхъ распространяется; чтобы молитва, которую она возноситъ за избавленіе

мужа или дѣтей отъ случайныхъ страданій, не утрачивала своей напряженности, когда она говоритъ ее за все великое множество тѣхъ, кого некому любить — за всѣхъ несчастныхъ и угнетенныхъ.

73. До сихъ поръ вы, я думаю, ничего не имѣете мнѣ возразить; но, пожалуй, возразите очень многое, когда я скажу то, что считаю самымъ нужнымъ.

Существуетъ одна наука опасная для женщинъ;—пусть остерегаются онѣ непочтительно касаться ея. Наука эта — богословіе. Странно, прискорбно и странно, что скромность, которая заставляетъ ихъ сомнѣваться въ собственныхъ силахъ и останавливаетъ на порогѣ наукъ, гдѣ каждый шагъ твердъ и доступенъ доказательству, что скромность эта не мѣшаетъ имъ, ни мало не задумываясь о своей некомпетентности, бросаться, очертя голову, въ науку, передъ которой трепетали самые великіе люди и въ которой сбивались съ пути самые мудрые. Странно, съ какимъ самодовольствомъ и гордостью связываютъ онѣ всякій свой порокъ или сумасбродство, поскольку въ нихъ есть то и другое, поскольку есть въ нихъ высокомѣріе, нетерпимость и слѣпое непониманіе, въ одинъ горькій пучокъ освященныхъ жертвенныхъ травъ. Странно, что существа, которыхъ

назначеніе—воплощать любовь, прежде всего осуждаютъ то, что наименѣе можетъ быть имъ извѣстно, и думаютъ выслужиться передъ Господомъ Богомъ, вскарабкиваясь по ступенямъ трона, гдѣ Онъ возсѣдаетъ въ санѣ судьи, и стараясь раздѣлить съ Нимъ этотъ тронъ. Въ высшей степени странно, что онѣ думаютъ, будто Духъ Утѣшитель внушаетъ имъ тѣ умственныя привычки, которыя становятся постоянными элементами семейной неурядицы; что онѣ осмѣливаются обращать домашнихъ боговъ христіанства въ безобразныхъ идоловъ собственнаго приготовленія, духовныхъ куколъ, которыхъ наряжаютъ какъ вздумается и которыхъ мужьямъ остается только обходить съ печальнымъ презрѣніемъ, чтобы какъ-нибудь не разбить и тѣмъ не навлечь на себя криковъ негодованія.

74. Итакъ, я считаю, что за единственнымъ этимъ исключеніемъ, дѣвочкамъ слѣдуетъ давать почти то же образованіе, что и мальчикамъ, съ той же программой и тѣмъ же курсомъ; только образованіе это должно быть совсѣмъ иначе ведено. Женщина, какого бы ни была класса, должна знать все то же, что знаетъ ея мужъ, но знать иначе. Въ его вѣдѣніи должно быть основаніе и прогрессъ науки, а въ ея—общее примѣненіе науки въ обыденной

жизни. И для мужчины, правда, было бы иногда гораздо разумнѣе изучить что-нибудь по-женски, ради непосредственнаго употребленія, дисциплинировать и воспитать свои умственныя способности въ такихъ отрасляхъ знанія, которыя впослѣдствіи могли бы сдѣлать его наиболѣе пригоднымъ для общественнаго служенія; но, говоря вообще, всякимъ языкомъ или наукой, какіе изучаетъ мужчина, онъ долженъ овладѣть вполнѣ, а женщина должна знать тотъ же языкъ и науку, только насколько это знаніе дастъ ей возможность сочувствовать радостямъ своего мужа и его лучшихъ друзей.

75. Замѣтьте, однако, что ея знаніе въ тѣхъ предѣлахъ, до которыхъ оно достигаетъ, должно быть вполнѣ точно. Существуетъ громадная разница между знаніемъ элементарнымъ и знаніемъ поверхностнымъ, между твердой основой и пустымъ верхоглядствомъ. Женщина всегда можетъ помочь мужу тѣмъ, что знаетъ хотя бы это было немного; тѣмъ, что знаетъ на половину или знаетъ невѣрно, она можетъ только досадить ему.

Но ужъ если дѣлать какую-нибудь разницу между образованіемъ дѣвочки и мальчика, я бы сказалъ, что дѣвочку, вслѣдствіе ея болѣе быстраго умственнаго развитія, надо ранѣе вводить въ кругъ вопросовъ серьезныхъ

и глубокихъ, чтобы къ естественной живости ея воображенія и остротѣ ума прибавить еще серьезность и терпѣніе; чтобы постоянно держать ее въ области высокихъ и чистыхъ мыслей; книги, которыя вы ей даете, должны быть не болѣе, а менѣе легкаго содержанія, чѣмъ книги, которыя вы даете мальчику. Не буду вдаваться теперь въ разсмотрѣніе вопроса о выборѣ книгъ; скажу одно,—смотрите, чтобы онѣ не валились къ ней на колѣни прямо изъ пачки, присланной изъ библіотеки для чтенія, еще мокрыя отъ послѣднихъ, самыхъ тонкихъ брызгъ потока сумасбродствъ.

76. Или даже потока остроумія; потому что въ дѣлѣ столь соблазнительнаго искушенія, какъ чтеніе романовъ, намъ слѣдуетъ опасаться не столько дурного романа, сколько романа черезчуръ интереснаго. Самый пустой романъ не произведетъ такого притупляющаго впечатлѣнія, какъ низшія формы возбуждающей религіозной литературы, и самый дурной романъ не такъ зловреденъ, какъ лживая исторія, ложная философія и несостоятельныя разсужденія о политикѣ. Но самый лучшій романъ становится опаснымъ, если онъ лишаетъ интереса дѣйствительную жизнь и увеличиваетъ болѣзненную жажду ознакомленія съ такими ея сторонами, которыя въ дѣйствительности

никогда не могутъ имѣть къ намъ ни малѣйшаго отношенія.

77. Итакъ, я говорю только о хорошихъ романахъ, а наша современная литература особенно богата такими романами. Прочитанные надлежащимъ образомъ, они могутъ принести серьезную пользу, такъ какъ это ни болѣе ни менѣе какъ трактаты по нравственной анатоміи и химіи, разложеніе человѣческой природы на ея элементы. Но таковой ихъ задачѣ я не могу придавать большого значенія; они почти никогда не читаются съ достаточнымъ вниманіемъ, чтобы выполнить ее. Самое большее, что они могутъ сдѣлать, это дать пищу раздраженію озлобленной читательницы и чувствительности читательницы доброй, такъ какъ каждая непремѣнно восприметъ изъ нихъ то что подходитъ къ ея личному настроенію или характеру.

Завистливыхъ и надменныхъ отъ природы Теккерей научитъ презирать человѣчество, кроткихъ — жалѣть его, а пустыхъ—смѣяться надъ нимъ. Точно такъ же романы могутъ оказываться полезными, наглядно изображая какую-нибудь истину относительно человѣчества, истину, о которой до сихъ поръ мы лишь смутно догадывались; но живописность повѣствованія является такимъ великимъ искуше-

ніемъ, что даже лучшіе изъ писателей не могутъ ему противиться и навязываютъ намъ симпатіи столь рѣзкія и одностороннія, что живость изображеннаго становится скорѣе зловредной, чѣмъ полезной.

78. Въ какомъ размѣрѣ можетъ быть допущено чтеніе романовъ—этого рѣшать я не берусь; но утверждаю положительнѣйшимъ образомъ, что какіе бы ни читались романы, какіе бы ни читались стихи или историческія сочиненія—въ выборѣ ихъ надо руководствоваться не тѣмъ, что внѣ ихъ, а тѣмъ, что въ нихъ. Случайное зло, которое можетъ попадаться или подразумѣваться въ сильной книгѣ, никогда не повредитъ хорошей дѣвочкѣ, но пустота автора расслабляетъ ее, а его привлекательное сумасбродство ее развращаетъ. Если же она можетъ имѣть доступъ въ хорошую библіотеку старыхъ классическихъ книгъ, всякій выборъ безполезенъ. Устройте такъ, чтобы ни современный журналъ, ни современный романъ не попадались на глаза вашей дѣвочкѣ, но какъ только день выпадетъ дождливый, пустите ее въ старую библіотеку и оставьте въ покоѣ. Она отыщетъ для себя, что нужно; вы этого не сумѣете, такъ какъ между способомъ образовать характеръ дѣвочки и способомъ образовать характеръ мальчика существуетъ

слѣдующее различіе: мальчику вы можете придать надлежащую форму, обтесывая его рѣзцомъ какъ глыбу мрамора, а если онъ высшаго сорта, можете выковать его въ эту форму какъ кусокъ бронзы; но съ дѣвочкой — дѣло другое; изъ дѣвочки вы не выкуете ровно ничего; она растетъ себѣ какъ цвѣтокъ: безъ солнца она поблекнетъ, если не дадите ей достаточно воздуха — какъ нарциссъ, засохнетъ въ своемъ колпачкѣ; если не поддержите ее въ нѣкоторые минуты ея жизни, она можетъ упасть и испачкать въ пыли свою головку; но связать ее нельзя; она должна такъ или иначе расти и складываться по-своему, душевно и тѣлесно должна имѣть

Свободу легкую движеній
И волю дѣвственнымъ стопамъ.

Выпустите ее въ библіотеку, какъ выпускаете козочку въ поле. Козочка отличитъ вредныя травы въ двадцать разъ лучше, чѣмъ вы; разыщетъ также и хорошія, пощиплетъ немножко горькихъ и колючихъ, — полезныхъ ей, хоть вы и понятія не имѣли о томъ, что онѣ могутъ быть ей полезны.

79. По части искусства, пусть будутъ передъ ней самые прекраснѣйшіе его образцы и какою бы отраслью его она ни занималась,

пусть занимается старательно и серьезно и научается понимать болѣе того, что можетъ выполнить. Я сказалъ: „прекраснѣйшія“ то-есть самыя простыя, правдивыя и полезныя. Замѣтьте эти эпитеты, они подходятъ ко всѣмъ искусствамъ. Примѣните ихъ музыкѣ, къ которой они, повидимому, примѣнимы менѣе всего. Я сказалъ: „правдивѣйшія“, то-есть такія, гдѣ ноты всего ближе и точнѣе передаютъ значеніе словъ или характеръ даннаго настроенія; простѣйшія, то-есть такія, гдѣ значеніе и мелодичность достигаются наименьшимъ количествомъ нотъ, и нотами наиболѣе выразительными; и, наконецъ, полезнѣйшія, то-есть такія, гдѣ музыка еще увеличиваетъ красоту и безъ того несравненныхъ по красотѣ словъ, такъ что каждое изъ нихъ запечатлѣвается въ нашей памяти въ собственномъ ореолѣ звука и плотнѣе прилегаетъ къ нашему сердцу, въ ту минуту, когда мы нуждаемся въ немъ.

80. Не только по программѣ и курсу, но и еще того болѣе — по духу, пусть будетъ образованіе дѣвочки такъ же серьезно, какъ образованіе мальчика. Вы воспитываете дѣвушекъ такъ, какъ будто предназначаете ихъ для украшенія этажерки, а потомъ жалуетесь на ихъ легкомысліе. Дайте имъ тѣ же преиму-

щества, какія даете ихъ братьямъ, обращайтесь къ тѣмъ же высокимъ инстинктамъ добродѣтели, — они вложены также и въ нихъ; учите и ихъ, что смѣлость и прямота—столпы ихъ существованія, и неужели вы думаете, что онѣ будутъ глухи къ такому ученію, онѣ, столь смѣлыя и честныя даже теперь, когда, какъ вамъ извѣстно, во всемъ нашемъ христіанскомъ государствѣ едва ли найдется хоть одна женская школа, гдѣ искренность и смѣлость дѣтей по значенію своему могли бы итти въ какую-нибудь параллель съ ихъ умѣньемъ войти въ комнату; даже теперь когда вся общественная система по отношенію къ способамъ устроенію женской судьбы— одна гнилая зараза трусости и обмана: трусости, выражающейся въ томъ, что дѣвушкамъ позволяется жить и любить только такъ, какъ понравится сосѣдямъ; обмана, заключающагося въ томъ, что ради удовлетворенія собственнаго самолюбія мы слѣпимъ глаза дѣвушки полнымъ блескомъ самаго низменнаго свѣтскаго тщеславія именно въ то время, когда все счастіе ея жизни зависитъ отъ того, чтобы она видѣла ясно.

81. И, наконецъ, вы должны давать имъ не только высокое образованіе, но и достойныхъ наставниковъ. Посылая въ школу сына

вы обыкновенно призадумываетесь немножко надъ тѣмъ, что за человѣкъ — учитель; какой бы онъ ни былъ человѣкъ, вы даете ему полную власть надъ сыномъ и сами оказываете ему нѣкоторое уваженіе; если онъ пріѣдетъ къ вамъ обѣдать, вы не отсаживаете его за отдѣльный столикъ; вамъ извѣстно также, что въ колледжѣ воспитатель вашего сына будетъ находиться подъ начальствомъ какого-нибудь еще болѣе важнаго лица, пользующагося глубочайшимъ вашимъ уваженіемъ. Съ деканомъ Кристъ-Чорча или ректоромъ Тринити вы едва ли будете обращаться свысока.

Но какихъ наставниковъ даете вы своимъ дочерямъ, и какое уваженіе оказываете избраннымъ вами наставникамъ? Можетъ ли дѣвочка придавать сколько-нибудь серьезное значеніе собственному поведенію или уму, когда вы довѣряете все образованіе ея характера, какъ нравственнаго, такъ и умственнаго, особѣ, съ которой позволяете прислугѣ обращаться менѣе почтительно, чѣмъ съ экономкой (какъ будто отвѣтственность за душу вашего ребенка — дѣло гораздо менѣе важное, чѣмъ отвѣтственность за варенья и соленья), и для которой сами вы считаете большою честью, если когда-нибудь позволите посидѣть вечеромъ въ гостиной?

82. Я говорилъ о благотворномъ вліяніи литературы и искусства на воспитаніе женщины. Но есть еще одна помощница въ этомъ дѣлѣ, помощница, безъ которой оно не можетъ обойтись, и вліяніе которой, взятое въ отдѣльности, иногда дѣлаетъ больше, чѣмъ все остальное, взятое вмѣстѣ. Помощница эта — прекрасная, дикая природа. Вотъ какъ описывается воспитаніе Іоанны Даркъ:

„Воспитаніе, которое получила эта бѣдная дѣвушка, было, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, довольно низменное, но, съ точки зрѣнія болѣе чистой философіи, это было воспитаніе несказанно великое, непригодное для нашего времени только потому, что оно для него недостижимо.

„Кромѣ духовныхъ своихъ преимуществъ, она всего больше была обязана преимуществамъ своей обстановки. Источникъ въ Домъ-Реми протекалъ по опушкѣ огромнаго лѣса, гдѣ водилось такое множество фей, что приходскій священникъ (curé) вынужденъ былъ каждый годъ служить тамъ обѣдню, чтобы держать ихъ въ какомъ-нибудь порядкѣ.

„Лѣса Домъ-Реми славились во всей странѣ; въ нихъ обитали таинственныя силы, и древнія тайны получали въ нихъ трагическую мощь. Были тамъ монастыри, подобные мав-

ританскимъ храмамъ, и пользовавшіеся княжескими правами какъ въ Туренѣ, такъ и въ Германскомъ сеймѣ.

„Во время заутрени и вечерни мягкіе звуки монастырскихъ колоковъ далеко разносились въ непроходимой чащѣ лѣса; у каждаго монастыря была своя таинственная легенда. Монастырей было не много и они были разсѣяны такъ далеко другъ отъ друга, что ни мало не нарушали глухого уединенія, царившаго во всемъ краѣ; но все же ихъ было достаточно, чтобы осѣнить покровомъ христіанской святости страну, которая иначе казалась бы погруженной въ языческое запустѣніе“.

У насъ, въ Англіи, вамъ, конечно, нельзя теперь имѣть лѣсовъ въ тридцать шесть миль ною; но все-таки вы могли бы, если бы захотѣли, держать для ребятъ парочку фей.

Только захотите ли вы этого? Представьте себѣ, что у каждаго изъ насъ за домомъ былъ бы садикъ, маленькій, но такой, что дѣти все же могли бы въ немъ играть и бѣгать по травѣ, и что вы не имѣли бы возможности переселиться въ другое мѣсто, а между тѣмъ доходъ вашъ увеличился бы вдвое или вчетверо, если бы вы вырыли на лужайкѣ шахту, а цвѣтники обратили въ кучи кокса. Сдѣлали ли бы вы это? Думаю, что нѣтъ. Вамъ не слѣ-

довало бы этого дѣлать, повѣрьте, даже если бы это увеличило вашъ доходъ не вчетверо, а въ шестьдесятъ разъ.

83. Тѣмъ не менѣе, вы дѣлаете это самое со всей Англіей. Вся страна — не болѣе какъ маленькій садикъ, въ которомъ едва хватитъ мѣста для того, чтобы по травѣ могли бѣгать всѣ дѣти—если вы пустите туда ихъ всѣхъ. И этотъ-то садикъ вы старательно превращаете въ плавильную печь и заваливаете кучами пепла, а пострадаете отъ этого не вы, а эти самыя ваши дѣти. Потому что всѣхъ фей вы не выгоните; есть феи плавильной печи, точно такъ же какъ феи дубравъ, и первые ихъ дары, повидимому, „острыя стрѣлы сильныхъ", но послѣдними ихъ дарами будутъ „горячіе угли можжевельника".

84. Но на этомъ пунктѣ настаивать я не буду, хотя изъ всего, что я говорилъ, нѣтъ ничего, что бы я чувствовалъ сильнѣе; мы такъ мало пользовались властью природы пока она у насъ была, что утрата ея едва ли будетъ намъ чувствительна. Какъ разъ по ту сторону Мерсея у васъ есть Сноудонъ и Менейскія ущелья, а за болотами въ Энгльси — тотъ могучій гранитный утесъ, увѣнчанный короною изъ вереска и омываемый морскою пучиной, что когда-то считался священнымъ;

Голигэдъ или Гедландъ, который и до сихъ поръ производитъ внушительное впечатлѣніе, когда его красный огонь вспыхнетъ впервые сквозь бурю. Такіе холмы, такія лазоревыя бухты и проливы были бы вѣчно любимы греками и имѣли бы рѣшающее вліяніе на духъ народа. Сноудонъ — это вашъ Парнасъ; но гдѣ же музы? Гора Голигэдъ—вашъ островъ Эгина; но гдѣ же храмъ Минервы?

85. Не хотите ли послушать, что, подъ сѣнью этого Парнаса, свершила наша христіанская Минерва до 1848 года? Вотъ краткій отчетъ объ одной Валлійской школѣ, помѣщенный на 261 стр. „Отчета о Валлисѣ", опубликованнаго комитетомъ Педагогическаго Совѣта. Дѣло идитъ о школѣ рядомъ съ городомъ, въ которомъ 5000 жителей.

„Затѣмъ я сталъ вызывать ученицъ другого класса, болѣе многочисленнаго, по большей части недавно поступившихъ въ школу. По словамъ трехъ дѣвочекъ, неоднократно повтореннымъ, онѣ никогда не слыхивали о Христѣ, двѣ изъ нихъ никогда не слыхивали о Богѣ. Двѣ изъ шести считали, что Христосъ на землѣ въ настоящее время (мысль, пожалуй, не дурная), три ничего не знали о распятіи. Четыре изъ семи не знали ни названіе мѣсяцевъ, ни числа дней въ году. По

части ариѳметики умѣли сложить два съ двумя, три съ тремя и только; головы ихъ представляли совершенную пустоту“.

О вы, женщины Англіи! Начиная отъ принцессы, которая носитъ имя этого самаго Валлиса, и кончая послѣдней простолюдинкой, не думайте, что вашихъ дѣтей можно привести въ ихъ истинное, мирное пристанище, пока тѣ другія дѣти бродятъ по холмамъ какъ овцы безъ пастыря. Не думайте, что дочерей вашихъ можно возрастить въ настоящей ихъ человѣческой красотѣ, пока прекрасный край, созданный Богомъ, чтобы служить имъ классной комнатой и мѣстомъ игръ,— въ грязи и запустѣніи. Вы не можете крестить ихъ, какъ должно, въ своихъ купеляхъ въ вершокъ глубиною, если не окрестите также въ тѣхъ свѣтлыхъ источникахъ, которые великій Законодатель высѣкаетъ непрестанно изъ скалъ вашей родины, — въ свѣтлыхъ водахъ, которымъ язычникъ поклонялся бы во всей ихъ чистотѣ, а вы чтите однимъ лишь оскверненіемъ. Вы не можете какъ слѣдуетъ привести дѣтей къ вашимъ убогимъ деревяннымъ алтарямъ, пока не видите надписи, начертанной на темно-лазоревыхъ алтаряхъ, возносящихся къ небу,— на горахъ, поддерживающихъ престолъ вашей родины, на горахъ, гдѣ языч-

нику въ каждомъ облакѣ виднѣлись бы силы небесныя; на этихъ алтаряхъ, воздвигнутыхъ не Богу невѣдомому, а Богомъ, который вамъ невѣдомъ.

86. Мы говорили до сихъ поръ о характерѣ женщины, о ея воспитаніи, о ея домашнихъ обязанностяхъ и о ея королевскомъ достоинствѣ. Теперь приступимъ къ послѣднему, самому обширному вопросу. Каковы ея королевскія обязанности по отношенію къ государству?

Принято обыкновенно считать, что обязанности мужчины—общественныя, а женщины—частныя. Но это не совсѣмъ вѣрно. У мужчины есть личныя дѣла и обязанности, относящіяся къ его дому, и обязанности и дѣла общественныя, какъ расширеніе первыхъ.

Точно такъ же и у женщины есть личныя дѣла и обязанности, относящіяся къ ея дому, и общественныя дѣла и обязанности, соотвѣтствующія первымъ.

Обязанности мужчины по отношенію къ дому, какъ уже было сказано ранѣе, заключаются въ обезпеченіи его существованія и преуспѣянія, и охранѣ его. Обязанности женщины — въ устроеніи въ немъ порядка, спокойствія и красоты.

Расширьте обѣ эти функціи. Обязанность

мужчины какъ члена общества — содержать государство, содѣйствовать его прогрессу и защищать его. Обязанность женщины какъ члена общества — поддерживать порядокъ въ государствѣ, устроять и украшать его.

Точно такъ же, какъ, стоя у дверей своего дома, мужчина въ случаѣ надобности защищаетъ его отъ обидъ и насилія, точно такъ же, но еще съ большей преданностью, долженъ онъ стоять на стражѣ отечества, и даже домъ свой, если понадобится, оставлять на жертву грабителямъ, чтобы исполнить свое болѣе важное дѣло внѣ его.

И женщина, подобнымъ же образомъ, являясь въ стѣнахъ своего дома центромъ порядка, бальзамомъ, врачующимъ страданія, зеркаломъ красоты, должна быть всѣмъ этимъ и внѣ его,—тамъ, гдѣ поддерживать порядокъ дѣло болѣе трудное, страданія болѣе настоятельно требуютъ облегченія, а красота встрѣчается рѣже.

Точно такъ же какъ въ сердце человѣка вложено инстинктивное стремленіе къ исполненію настоящихъ обязанностей человѣка и инстинктъ этотъ нельзя искоренить, а можно только исказить и изуродовать, отклонивъ отъ его истинной цѣли; точно такъ же какъ въ немъ есть инстинктъ любви, который, бу-

дучи дисциплинированъ надлежащимъ образомъ, поддерживаетъ всѣ святыни жизни, а будучи направленъ ложно, подрываетъ ихъ, но не долженъ дѣлать ни того, ни другого; точно такъ же вложенъ въ него и еще одинъ неискоренимый инстинктъ—любовь къ власти, которая, будучи направлена надлежащимъ образомъ, поддерживаетъ все величіе закона и жизни, а будучи направлена ложно — губитъ ихъ.

87. Инстинктъ этотъ пустилъ глубокіе корни въ самой сокровенной глубинѣ сердечной жизни какъ мужчины, такъ и женщины. Богъ насадилъ его тамъ и Богъ тамъ его сохраняетъ.

Тщетно и несправедливо осуждаете вы желаніе власти. Ради Бога и ради человѣка желайте ея изо всѣхъ силъ! Но какой власти? Вотъ въ чемъ весь вопросъ. Власти разрушать? Лапы льва и дыханія дракона? Нѣтъ. Власти исцѣлять, спасать, руководить и охранять. Власти скипетра и щита; власти царской руки, врачующей прикосновеніемъ, связывающей врага и освобождающей плѣнника; престола, стоящаго на скалѣ справедливости, откуда можно сойти только по ступенямъ милосердія. Неужели васъ не влечетъ къ себѣ такая власть, неужели вы не желаете такого трона,

неужели не хотите быть королевами, вмѣсто хозяекъ дома?

88. Давно уже англійскія женщины присвоили себѣ званіе, которое прежде составляло исключительную принадлежность знати; въ былые годы онѣ довольствовались простымъ наименованіемъ „gentlewoman", соотвѣтствующимъ наименованію „джентльменъ": но теперь онѣ настойчиво требуютъ права на титулъ „лэди", соотвѣтствующій въ сущности только титулу „лорда" *.

Я не осуждаю ихъ за это; осуждаю только узость мотива, который ими при этомъ руководитъ. Я бы желалъ, чтобы, требуя и настаивая на званіи „лэди", онѣ требовали не только этого званія, но и той роли и тѣхъ обязанностей, которыя съ нимъ сопряжены. Лэди значитъ „раздающая хлѣбъ", какъ лордъ значитъ „блюститель законовъ", и оба титула

* Очень было бы желательно, чтобы для англійской молодежи извѣстныхъ классовъ общества былъ учрежденъ настоящій рыцарскій орденъ, гдѣ мальчики и дѣвочки, достигнувъ опредѣленнаго возраста, законно посвящались бы въ достоинство рыцаря и лэди, — достоинство, которое получалось бы только по нѣкоторомъ испытаніи характера и дарованій и отнималось бы товарищами въ случаѣ обличенія въ какомъ-нибудь неблагородномъ поступкѣ. Такое учрежденіе было бы вполнѣ возможно для націи, любящей честь, и имѣло бы самыя высокія послѣдствія. А если оно невозможно среди насъ — то это еще вовсе не говоритъ противъ него самого.

имѣютъ отношенія не къ тому закону, который блюдется въ домѣ, и не къ тому хлѣбу, который раздается семьѣ; а къ закону, который охраняется ради толпы, и хлѣбу, который преломляется толпою. Такъ что лордъ имѣетъ право на свое званіе, только постольку, поскольку онъ охраняетъ справедливый законъ, постановленный его Господиномъ, а лэди имѣетъ право на свой титулъ лишь по мѣрѣ той помощи бѣднымъ представителямъ своего Господина, которую женщинамъ когда-то дозволено было распространить и на Него Самого, она имѣетъ право на этотъ титулъ только въ томъ случаѣ, если узнаютъ ее, какъ узнавали когда-то Его, въ преломленіи хлѣба.

89. Это благотворное и законное господство велико и почетно не количествомъ тѣхъ людей, черезъ которыхъ оно передалось по наслѣдству, а количествомъ тѣхъ, кого оно охватываетъ; оно всегда внушаетъ благоговѣйную преданность, когда династія основана на долгѣ, а честолюбіе соразмѣряется съ милосердіемъ. Вамъ хочется быть знатными лэди со свитою вассаловъ. Пусть будетъ такъ; вы не можете быть слишкомъ знатны, и свита ваша не можетъ быть слишкомъ велика, но смотрите, чтобы эта свита состояла изъ вассаловъ, которымъ вы служите и которыхъ кор-

мите, а не изъ рабовъ, которые служатъ вамъ и кормятъ васъ; смотрите, чтобы толпа, которая вамъ повинуется, состояла изъ тѣхъ, кого вы утѣшили, а не обидѣли, кого вы освободили изъ плѣна, а не поработили.

90. Я говорилъ до сихъ поръ о власти низшей или домашней, но все, что я сказалъ, не менѣе примѣнимо и къ власти королевской; вамъ открытъ доступъ къ высокому званію королевы, если вы примите на себя ея высокія обязанности. „Rex et Regina, Roi et Reine, Правитель и Правительница тѣ, что правятъ—творятъ правое“, они отличаются отъ лорда и лэди тѣмъ, что имѣютъ верховную власть не только надъ тѣломъ, но и надъ духомъ; не только одѣваютъ и кормятъ, но направляютъ и учатъ. А вѣдь, сознательно или безсознательно, вы непремѣнно должны царствовать во многихъ сердцахъ; отъ этой короны вы никуда не уйдете и всегда останетесь царицами; царицами для вашихъ возлюбленныхъ, царицами для вашихъ мужей и сыновей, царицами, облеченными еще высшей таинственностью, для внѣшняго міра, который всегда преклонялся и всегда будетъ преклоняться передъ миртовою короной и кристальнымъ скипетромъ женщины. Но, увы, слишкомъ часто вы бываете царицами нерадивыми и праздными,

хватаетесь за свое величіе въ вещахъ ничтожныхъ и пренебрегаете имъ въ самыхъ важныхъ; допускаете, чтобы въ человѣческомъ обществѣ произволъ и насиліе распоряжались по-своему, наперекоръ власти, непосредственно дарованной вамъ княземъ Мира, власти, которую злыя изъ васъ продаютъ, а добрыя забываютъ.

91. „Княземъ Мира“. Замѣтьте это имя. Когда короли правятъ этимъ именемъ, когда правятъ имъ земные судьи и великіе міра сего, и они, въ предѣлахъ своего убогаго положенія, въ своей человѣческой мѣрѣ, пріобщаются его великой власти. Кромѣ нихъ нѣтъ правителей. Всякое другое начало есть безначаліе. Всѣ, кто правятъ „Божіей милостью“— князья и княгини Мира. Нѣтъ во всей вселенной ни одной войны, ни одной несправедливости, за которую вы, женщины, не были бы въ отвѣтѣ; не потому, что причинили ее, а потому, что не помѣшали ей. Мужчины, по самой природѣ своей, склонны къ войнѣ: они готовы драться по всякому поводу и безъ всякаго. Ваше дѣло — указывать имъ этотъ поводъ и останавливать ихъ, если повода нѣтъ. Нѣтъ такого страданія, такого горя, такой несправедливости на землѣ, въ которой, въ концѣ концовъ, не были бы виноваты вы.

Мужчины могутъ выносить зрѣлище этихъ страданій, несправедливости и горя, но вы должны быть неспособны выносить его. Мужчины въ пылу битвы могутъ, не замѣчая, топтать подъ ногами эти страданія; но мужчины слабы въ участіи и ограничены въ упованіи; только вы способны чувствовать всѣ глубины муки и находить средства для ея исцѣленія. Но вмѣсто того, чтобы стараться объ этомъ исцѣленіи, вы уходите прочь и запираете за собою ворота парка и калитку сада и равнодушно сознаете, что за оградой—цѣлый міръ въ смятеніи; міръ тайнъ, въ которыя вы не смѣете проникнуть, и страданій, которыя не смѣете себѣ вообразить.

92. Я положительно не знаю ни одного явленія въ человѣческой жизни, которое казалось бы мнѣ столь удивительнымъ феноменомъ. Никакія глубины, до которыхъ можетъ пасть это человѣчество, разъ оно утратило чувство чести, не удивляютъ меня. Не удивляетъ смерть скупца, роняющаго золото изъ онѣмѣвшихъ рукъ. Не удивляетъ жизнь сластолюбца, ноги котораго окутаны саваномъ. Не удивляетъ убійство, совершенное однимъ человѣкомъ надъ одинокой жертвой, ударъ, нанесенный во мракѣ желѣзнодорожнаго вагона или въ тѣни болотныхъ тростниковъ. Не удивляетъ даже

убійство, совершаемое несмѣтнымъ количествомъ людей надъ несмѣтною толпою, убійство открыто и хвастливо свершаемое изступленными народами среди бѣлаго дня; не удивляютъ неизмѣримыя, невообразимыя, нагроможденныя отъ ада до рая преступленія ихъ священниковъ и королей. Но что для меня непостижимо, удивительно и непостижимо, такъ это ваша нѣжная и кроткая женщина съ ребенкомъ у груди и съ властью надъ этимъ ребенкомъ и его отцомъ, властью, которая, пожелай она только ею пользоваться, была бы чище небеснаго воздуха и сильнѣе земныхъ морей, была бы такимъ блаженнымъ даромъ, который мужъ ея не отдалъ бы за весь земной шаръ, хотя бы онъ весь состоялъ изъ цѣльнаго, чистаго хризолита,—и отъ этой то власти она отрекается, чтобы играть въ первенство съ сосѣдкой!

Странно, удивительно странно видѣть, какъ въ нетронутой свѣжести всѣхъ невинныхъ чувствъ она выходитъ утромъ въ свой садъ, играетъ бахромою нѣжно-взлелѣянныхъ цвѣтовъ, поднимаетъ поникшія головки, безмятежно и тихо улыбается своей счастливой улыбкой, улыбается такъ только потому, что ея мирный пріютъ обнесенъ маленькой оградой; а въ душѣ ея между тѣмъ,—если бы она

только заглянула въ свою душу,—таится сознаніе, что за этой стѣнкой, обвитой розами, сорная трава до самаго горизонта вырвана съ корнемъ агоніей человѣчества и затоплена потоками его крови.

93. Думали ли вы когда-нибудь о глубокомъ значеніи, которое имѣетъ, или долженъ бы имѣть, обычай осыпать цвѣтами путь людей, которыхъ мы считаемъ наиболѣе счастливыми? Вы думаете, что это дѣлается затѣмъ, чтобы обмануть ихъ надеждой, что и счастіе точно такимъ же образомъ будетъ всю жизнь сыпаться имъ подъ ноги, что куда бы они ни пошли, они всегда будутъ ступать на такія же благоуханныя травы и жесткая земля будетъ мягка для нихъ подъ толстымъ покровомъ усыпающихъ ее розъ? Если они разсчитываютъ на это, имъ уже навѣрное придется ходить по колючимъ и горькимъ травамъ, и единственный мягкій покровъ, какого коснется ихъ нога, — будетъ покровъ снѣговой.

Но имъ вовсе и не хотятъ подавать такихъ мыслей; старый обычай имѣетъ иное и лучшее значеніе. Путь хорошей женщины дѣйствительно усыпанъ цвѣтами; но они выростаютъ позади нея, а не впереди. „Стопы ея коснулись луга, и маргаритки заалѣли подъ ея стопами“.

94. Вы думаете, это фантазія влюбленнаго,— пустая и нелѣпая! А что, если это правда? Выдумкой поэта вы также сочтете, можетъ быть, и то, что

Самъ колокольчикъ вверхъ головку приподнялъ
И выпрямился онъ подъ легкою стопою.

Но мало сказать о женщинѣ, что она только ничего не губитъ на своемъ пути. Она должна давать всему жизнь; колокольчики должны расцвѣтать подъ ея стопами. Вы думаете, это дикая гипербола? Извините, нисколько; я ничуть не преувеличиваю и говорю одну голую правду. Вы слыхали, вѣроятно, что цвѣты хорошо цвѣтутъ только въ тѣхъ садахъ, гдѣ ихъ любятъ (думаю, что даже въ этомъ заключается нѣчто большее, чѣмъ фантастическій вымыселъ, но, положимъ, это только фантазія). Я знаю, вамъ хотѣлось бы, чтобы это была правда; вамъ нравилась бы волшебная сила, благодаря которой вашъ ласковый взглядъ сообщалъ бы цвѣтамъ болѣе яркую окраску; болѣе того,—имѣлъ бы способность не только радовать, но и охранять ихъ; если бы вы могли убѣждать злой морозъ, чтобы онъ миновалъ ихъ, а связанныхъ клубомъ червей, чтобы они ихъ щадили, приказывать росѣ падать на нихъ во время засухи, а въ холодъ говорить юж-

ному вѣтру: „Поди-ка сюда, южный, дохни на мой садъ, пусть заблагоухаетъ попрежнему“. Это вы сочли бы дѣломъ очень важнымъ! Но, какъ вы думаете, не важнѣе ли всего этого (и гораздо большаго) то, что вы можете дѣлать для цвѣтовъ болѣе прекрасныхъ; цвѣтовъ, которые благословляли бы васъ за то, что вы ихъ благословляете, и любили за то что вы ихъ любите; цвѣтовъ, у которыхъ такіе же глаза, какъ у васъ, такія же мысли и такая же жизнь,—которые, разъ вы спасете ихъ, будутъ спасены навѣки? Развѣ не велика такая власть? Среди далекихъ скалъ и болотъ,— въ темныхъ, страшныхъ улицахъ,—лежатъ эти слабые цвѣтики; свѣжіе листья ихъ оборваны, стебли поломаны. Неужели вы никогда не сойдете къ нимъ, не ухитите ихъ на маленькихъ душистыхъ грядкахъ, не загородите отъ сердитаго вѣтра, на которомъ они дрожатъ? Неужели утро за утромъ будетъ всходить для васъ, но не для нихъ; и заря будетъ обдавать далекимъ сіяніемъ изступленныя „Пляски смерти“*, но никакая заря не дохнетъ на эти живыя кущи розъ, фіалокъ и жимолости, никакая заря не позоватъ васъ въ окошко спальни, называя васъ не по имени возлюбленной англійскаго

* См. примѣчаніе къ § 36.

поэта, а по имени великой Матильды Данте, той, что стояла на берегу блаженной Леты и свивала цвѣтокъ за цвѣткомъ въ длинныя гирлянды, никакая заря не скажетъ вамъ:

Приди, приди, о Магда! Отлетѣла
Зловѣщей ночи тѣнь.
И розою и жимолостью вѣетъ
Въ твоемъ саду.

Неужели вы не сойдете къ нимъ, къ этимъ нѣжнымъ, живымъ существамъ, чья возрожденная сила, воспрянувшая изъ земли и окрашенная небесной лазурью, поднимается могучимъ стеблемъ; чья чистота, омытая отъ праха, развернется пышнымъ цвѣткомъ обѣтованья? Они обращаются къ вамъ, они ищутъ васъ. „Фіалка лепечетъ—я слышу, слышу! Лилія шепчетъ— скорѣй!“

95. Вы замѣтили, что я пропустилъ вамъ двѣ строчки въ первомъ куплетѣ? Вы думаете, я забылъ ихъ? Вотъ онѣ:

Приди, приди, о Магда! Отлетѣла
Зловѣщей ночи тѣнь.
О Магда, въ садъ приди. Тамъ у калитки
Одинъ я жду.

Кто это, думаете вы, стоитъ тамъ у калитки сада, еще болѣе прекраснаго, кто этотъ „одинъ“, который ждетъ васъ? Слыхали ли вы когда-нибудь не о Магдѣ, а о Магдалинѣ, сошедшей на зарѣ въ свой садъ и увидавщей,

что кто-то ждетъ ее у калитки, кто-то, кого она приняла за садовника? Не искали ли вы Его много разъ, искали напрасно цѣлыя долгія ночи? Вы искали Его, и искали напрасно, у воротъ стараго сада, гдѣ пылаетъ огненный мечъ. Тамъ вы не найдете Его никогда; но у калитки этого сада Онъ ждетъ васъ; ждетъ, чтобы взять васъ за руку и итти съ вами осматривать плоды въ долинѣ, смотрѣть, хорошо ли растетъ виноградникъ и распускаются ли бутоны граната. Вы увидите Его тамъ среди нѣжныхъ плетей винограда, направленныхъ Его рукою, увидите, какъ прорастаютъ изъ-подъ земли кровавыя сѣмена граната, посѣянныя Его рукою; болѣе того,—вы увидите сонмы небесныхъ стражей, которые отмахиваютъ своими крыльями голодныхъ птицъ съ засѣянныхъ Имъ краевъ дороги и перекликаются въ рядахъ виноградныхъ лозъ: „Отгоните лисицъ, маленькихъ лисичекъ, что портятъ виноградникъ, потому что у винограда нашего нѣжныя грозди!“

О вы, царицы, владычицы холмовъ и благословенныхъ дубравъ вашей родины, неужели у лисицъ будутъ норы, и у птицъ небесныхъ гнѣзда, а камни въ вашихъ городахъ будутъ кричать, обличая васъ:

„Некуда, кромѣ насъ, преклонить голову Сыну Человѣческому!“?

Лекція III.

ТАЙНА ЖИЗНИ И ИСКУССТВА.

Лекція, читанная въ театрѣ Дублинской Коллегіи Наукъ (1868 г.).

96. Когда я принялъ лестное предложеніе бесѣдовать съ вами сегодня, я не зналъ объ ограниченіи, которому подлежатъ предметы обсужденія въ настоящемъ собраніи *. Ограниченіе это, вполнѣ разумное и умѣстное по тѣмъ соображеніямъ, которыя оно имѣло въ виду, все же лишило бы меня всякой возможности, при моемъ образѣ мыслей, приготовить вамъ какую бы то ни было лекцію объ искусствѣ, изъ которой вы могли бы извлечь сколько-нибудь существенную пользу. А потому простите меня, если я нарушу этотъ

* Запрещеніе касаться религіозныхъ вопросовъ.

запретъ; въ сущности, нарушеніе будетъ касаться только буквы, а не духа вашихъ приказаній. Если я оскорблю кого-нибудь тѣмъ, что буду говорить о религіи, послужившей основой искусству, или о политикѣ, содѣйствовавшей его могуществу,—я оскорблю одновременно и всѣхъ остальныхъ, такъ какъ не буду считаться ни съ какими вѣроисповѣдными различіями и ни съ какой борьбою партій, а въ концѣ концовъ не боюсь оскорбить никого, если докажу или покажу возможность положительнаго доказательства, что все лучшее въ ремеслахъ и искусствахъ человѣка обусловлено простотою его вѣры и искренностью его патріотизма.

97. Но я связанъ еще и другимъ обстоятельствомъ, мѣшающимъ мнѣ высказываться вполнѣ откровенно не только здѣсь, но и гдѣ бы то ни было: мнѣ никогда въ точности неизвѣстно, насколько публика вѣритъ моей дѣйствительной компетентности въ вопросахъ, о которыхъ я говорю, и насколько слушаетъ меня потому только, что я писалъ по этимъ вопросамъ статейки, которыя многіе находили милыми и остроумными. Дѣйствительно, я имѣлъ несчастіе — во многихъ отношеніяхъ могу смѣло назвать это несчастіемъ—иногда нанизывать слова довольно красиво, и эта

жалкая сноровка даже льстила отчасти моему глупому тщеславію, пока гордость моя не была жестоко наказана: я увидѣлъ, что многіе придаютъ значеніе исключительно этимъ моимъ словамъ и совершенно равнодушны къ ихъ смыслу. Къ счастію, слѣдовательно, способность говорить пріятнымъ языкомъ,—если она и была у меня когда-нибудь, — теперь покидаетъ меня; если я и могу сказать что-либо, то принужденъ говорить это безъ всякихъ прикрасъ. Да и мысли мои измѣнились вмѣстѣ со словами. Какъ прежде, когда я былъ моложе, тѣмъ небольшимъ вліяніемъ, какимъ я пользовался, я былъ обязанъ главнымъ образомъ тому восторгу, съ какимъ могъ упиваться красотою облаковъ физическихъ и цвѣтомъ ихъ въ небѣ,—такъ теперь все вліяніе, какое желалъ бы удержать за собою, должно быть основано на искренности того усердія, съ которымъ стараюсь прослѣдить форму и красоту облаковъ иныхъ, того блистающаго облака, о которомъ написано; „Что ваша жизнь? Паръ, который покажется ненадолго и потомъ исчезнетъ.“

98. Я думаю немного найдется людей, которые бы дожили до средней или поздней поры жизни и никогда не почувствовали бы въ минуту кризиса или разочарованія всю истину

этихъ горькихъ словъ; которыхъ не охватывало бы внезапной мукой при видѣ солнечнаго свѣта, меркнущаго на облакѣ ихъ жизни, сознаніе того, что облако это легко, какъ сонъ, и преходяще, какъ роса. Но даже и въ такія минуты тяжелаго удивленія мы не всегда разумѣéмъ вполнѣ ясно, что этой нашей человѣческой жизни присуща не только эфемерность облака, но и его таинственность; что извилины ея окутаны мракомъ, формы и пути не только причудливы, но призрачны и смутны; что не только пустотою, которую мы не можемъ уловить, но и мракомъ, который не можетъ проникнуть, эта облачная наша жизня оправдываетъ слова: „Человѣкъ въ пустомъ мракѣ и мятется праздно".

99. И какова бы ни была сила нашихъ страстей и высота нашей гордости, менѣе всего способны мы понять во всемъ его значеніи третье и самое торжественное свойство, которымъ наша жизнь похожа на небесное облако,—то, что кромѣ его эфемерности и таинственности, она обладаетъ и его могуществомъ; то, что облако нашей души заключаетъ въ себѣ пламя сильнѣе молніи и благодать драгоцѣннѣе дождя, и что хотя и о злыхъ и о добрыхъ рáвно скажутъ когда нибудь, что „мѣсто, которое знало ихъ, уже не знаетъ ихъ болѣе",

все же существуетъ громадная разница между тѣми, чье краткое пребываніе въ этомъ мѣстѣ было такъ же благословенно, какъ туманы рая, поднявшіеся отъ земли, чтобы дать влагу саду, и тѣми, чье мѣсто знало ихъ только какъ измѣнчивыя, зыбкія тѣни и которыхъ божественная премудрость называетъ „колодцами безъ воды, тучами, гонимыми бурей и осужденными на мглу вѣчной ночи“.

100. Тѣмъ изъ насъ, однако, кто прожилъ достаточно долго, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о быстротѣ перемѣнъ, которыя со стремительностью катастрофы обнаруживаются и въ законахъ, и въ искусствѣ, и въ вѣрованіяхъ людей, — теперь, мнѣ кажется болѣе чѣмъ когда-либо, мысль объ истинной природѣ жизни, ея силъ и обязанностей должна являться во всей своей безъисходной печали и неумолимой суровости.

Я знаю, что это чувство, можетъ быть, обострилось въ моей собственной душѣ вслѣдствіе неудачъ, случайно постигшихъ большую часть самыхъ завѣтныхъ моихъ предначертаній, но къ самому чувству не отношусь поэтому недовѣрчиво, хоть и стараюсь не давать ему слишкомъ большой воли надъ собою. Нѣтъ, я даже думаю, что въ періоды рѣзкихъ перемѣнъ и новыхъ начинаній разочарованіе—лѣ-

карство полезное, что въ тайной боли его, какъ въ сумракѣ, столь любимомъ Тиціаномъ, цвѣта видятся яснѣе, чѣмъ при самомъ ослѣпительномъ солнечномъ свѣтѣ. И такъ какъ истины, на которыя я сегодня хочу указать вамъ, истины о трудѣ человѣчества,—по большей части истины печальныя, хоть и полезныя въ то же время, и такъ какъ я знаю, что ваши добрыя ирландскія сердца скорѣе отзовутся на искреннее выраженіе личнаго чувства, чѣмъ на изложеніе отвлеченнаго принципа, то и позволю себѣ откровенно высказать вамъ причины моей собственной печали; высказать ихъ настолько, чтобы вы сами могли рѣшить, какое мѣсто слѣдуетъ отвести тому, что вы, по мѣрѣ своего сочувствія, назовете или горечью, или прозорливостью души, утратившей свои лучшія надежды и потерпѣвшей полное пораженіе въ самыхъ завѣтныхъ своихъ стремленіяхъ.

101. Я положилъ десять самыхъ могучихъ лѣтъ своей жизни (отъ двадцати до тридцати) на стараніе доказать высокое достоинство произведеній человѣка, котораго считалъ, и справедливо считалъ, величайшимъ изъ всѣхъ художниковъ, появлявшихся въ англійскихъ школахъ со времени Рейнольдса. Я твердо вѣрилъ въ то время, что всякая великая истина и

красота непремѣнно восторжествуетъ въ концѣ концовъ, займетъ свое законное мѣсто, будетъ приносить пользу человѣчеству и почитаться имъ: я старался, чтобы творенія художника заняли это подобающее имъ мѣсто, пока художникъ былъ еще живъ. Но онъ понималъ гораздо лучше меня, какъ безполезно говорить о томъ, чего люди не видятъ сами, всегда относился къ моимъ попыткамъ съ презрительнымъ неодобреніемъ, даже когда благодарилъ меня, и умеръ прежде, чѣмъ труды мои увѣнчались даже самымъ поверхностнымъ успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе, я упорствовалъ, думая, что, доказавъ силу его таланта, все-таки принесу пользу, если не ему самому, то публикѣ. О книгахъ моихъ начали немножко говорить. Цѣны на всѣ вообще современныя картины поднялись, и я началъ уже наслаждаться сознаніемъ медленно одерживаемой побѣды, когда, къ счастію или къ несчастію, мнѣ представился случай точно провѣрить ея дѣйствительность, и случай этотъ вывелъ меня изъ заблужденія разъ и навсегда. Хранители Національной Галлереи поручили мнѣ размѣстить тамъ рисунки Тöрнера и разрѣшили приготовить для выставки въ Кенсингтонѣ триста его этюдовъ съ натуры. Они были доставлены въ Кенсингтонъ, пребываютъ тамъ

и понынѣ, готовые для обзора публики; они выставлены, но выставки изъ этого все-таки не вышло, потому что комната, гдѣ они висятъ, — всегда пуста.

102. Тутъ я понялъ сразу, что по отношенію къ задачѣ, которую я преслѣдовалъ въ эти десять лѣтъ, они пропали даромъ. Но это не очень меня смутило; по крайней мѣрѣ, я выучился своему ремеслу и льстилъ себя надеждой, что послѣ такого урока смогу приложить свои знанія съ большей пользой. Но что смутило меня, такъ это открытіе, страшное для меня открытіе, что самый лучезарный художественный геній могъ трудиться и погибнуть напрасно и Провидѣніе допустило это; что въ самой тонкости этого генія могло заключаться нѣчто такое, что дѣлало его неуловимымъ для обыкновеннаго глаза; что къ его странному совершенству могли примѣшиваться недостатки столь же пагубные, сколь были праздны его достоинства; что блескъ его могъ быть блескомъ не только невидимымъ, но и эфемернымъ; что даръ и милость его могли быть для насъ подобны снѣгу лѣтомъ и дождю во время жатвы.

103. Такова была для меня первая тайна жизни. Но, отдавая лучшую долю своей энергіи живописи, рядомъ съ нею, съ меньшимъ, правда,

увлеченіемъ, но большей разсудительностью, я работалъ также и надъ архитектурой, и тутъ уже не могъ пожаловаться на недостатокъ сочувствія. Между нѣсколькими причинами частнаго характера, по которымъ мнѣ хотѣлось прочесть эту лекцію — послѣднюю мою лекцію объ искусствѣ,—именно здѣсь, въ Ирландіи, одною изъ главныхъ была та, что читать эту лекцію мнѣ предстояло рядомъ съ прекраснымъ зданіемъ—инженернымъ училищемъ вашей коллегіи,—гдѣ впервые я имѣлъ радость увидѣть воплощеніе принциповъ, которые до тѣхъ поръ старался внушать; увы, теперь оно для меня не болѣе, какъ пышная гробница одного изъ самыхъ искренних людей, когда-либо посвящавшихъ себя искусству, одного изъ самыхъ дорогихъ и преданныхъ мнѣ друзей, Бенджамина Удуарда. И не въ одной только Ирландіи мнѣ приходилъ на помощь ирландскій геній и ирландское сочувствіе. Когда другому моему другу, сэру Томасу Дину, въ сотрудничествѣ съ мистеромъ Удуардомъ. была поручена постройка Оксфордскаго музея, лучшія детали этой работы были исполнены скульпторами, здѣсь родившимися и воспитавшимися; и первое окно зданія, въ которомъ началось въ Англіи изученіе естественныхъ наукъ въ братскомъ союзѣ съ литературой,

было исполнено рѣзцомъ ирландскаго скульптора по моему рисунку.

104. Вы подумаете, можетъ быть, что человѣкъ, которому выпалъ на долю такой успѣхъ, хотя бы въ одной отрасли его труда, не имѣетъ права говорить о неудачѣ. Если бы м-ръ Удуардъ былъ теперь здѣсь со мною,—я бы говорилъ не то; но его кроткой и страстной душѣ не дано было исполнить того, къ чему она стремилась, и работа, которую мы дѣлали вмѣстѣ, стала теперь безполезной. Впослѣдствіи это можетъ измѣниться; но архитектура, которую мы старались ввести, не соотвѣтствуетъ ни безумной роскоши, ни уродливой механичности, ни грязной нищетѣ современныхъ городовъ; она имѣла, правда, нѣкоторое распространеніе въ области современныхъ пластическихъ пріемовъ, особенно въ Англіи, гдѣ опиралась на церковное чувство; изъ-за печи локомотива или желѣзно-дорожной насыпи на васъ глянетъ иногда патетическимъ диссонансомъ ея эфемерная прелесть, вы разберете кое-какъ ея каменные цвѣты, забитые сажей. Я понялъ, что школамъ, столь любимымъ мною, не принесъ ничего, кромѣ вреда; понялъ, что и эта доля моей энергіи была потрачена даромъ; и, отвернувшись отъ желѣзныхъ улицъ и хрустальныхъ дворцовъ,

искалъ убѣжища въ пластикѣ горъ и окраскѣ цвѣтка.

105. Я могъ бы разсказать вамъ и о другихъ неудачахъ, длинной вереницѣ неудачъ, которую приносили мнѣ уходившіе другъ за другомъ годы; но я уже достаточно злоупотребилъ вашимъ терпѣніемъ, чтобы объяснить вамъ отчасти, каковы причины моего унынія. Теперь сообщу вамъ болѣе обстоятельно, каковы его результаты. Вы знаете, что людямъ, потерпѣвшимъ тяжелую неудачу въ главномъ, къ чему они стремились въ жизни, очень часто бываетъ свойственно чувствовать и говорить, въ предостереженіе ли, или въ насмѣшку, — что самая жизнь ничтожна. Такъ какъ она обманула ихъ, они считаютъ, что она, по самой природѣ своей, обманываетъ всегда, а въ лучшемъ случаѣ даетъ только радости воображаемыя; что облако ея не имѣетъ въ себѣ никакой силы и никакого огня, что это лишь намалеванное облако, которое можетъ нравиться, но которое должно презирать. Вы знаете, какъ прекрасно выражено Попомъ это особое душевное настроеніе:

Meanwhile opinion gilds, with varying rays,
Those painted clouds that beautify our days;
Each want of happiness by hope supplied,
And each vacuity of sense, by pride.

Hope builds as fast as Knowledge can destroy;
In folly's cup still laughs the bubble joy.
One pleasure past another still we gain,
And not a vanity is given in vain.

(Межъ тѣмъ, мысль золотитъ измѣнчивыми лучами тѣ расписные облака, что украшаютъ наши дни; каждый недочетъ въ счастiи восполняется надеждой, а пустота чувства—гордостью.

Надежда строитъ также быстро, какъ разрушаетъ знанiе; въ чашѣ безумiя все еще смѣется пузырекъ радости. Проходитъ одно удовольствiе — наступаетъ другое, и ни одна суета не дается напрасно).

Но на собственную мою душу впечатлѣнiе неудачи было обратное. Чѣмъ больше жизнь меня обманывала, тѣмъ болѣе торжественной и чудесной она мнѣ являлась. Вопреки тому, что говоритъ Попъ, суета ея казалась какъ будто безцѣльной; но подъ покровомъ этой суеты было нѣчто совсѣмъ иное. Жизнь стала для меня не намалеваннымъ облакомъ, а облакомъ страшнымъ и непроницаемымъ; не миражемъ, которому суждено разсѣяться при моемъ приближенiи, а столбомъ тьмы, къ которому мнѣ запрещено подходить. Я увидѣлъ, что и неудачи мои, и успѣхи, своимъ убогимъ торжествомъ казавшiеся хуже неудачъ, про-

исходили отъ недостатка усердія въ стараніи понять общій законъ и смыслъ существованія и привести его къ высокой и должной цѣли; а, съ другой стороны, видѣлъ яснѣе и яснѣе, что всякій прочный успѣхъ и въ искусствахъ, и во всѣхъ другихъ дѣлахъ, дается господствомъ надъ цѣлями низшими, не вслѣдствіе убѣжденія въ ихъ ничтожествѣ, а вслѣдствіе торжественной вѣры въ способность рода человѣческаго итти впередъ, вѣры въ обѣщаніе, хотя бы лишь смутно нами постигаемое, что смертная часть человѣка поглотится когда-нибудь безсмертіемъ; я видѣлъ, что и самыя искусства получали какую-нибудь жизненную силу или почетное положеніе только тогда, когда стремились провозгласить это безсмертіе,—только тогда, когда служили великой и праведной вѣрѣ, или безкорыстному патріотизму, или закону такой національной жизни, которая должна быть основой религіи.

106. Изъ всего, что я когда-либо говорилъ, не было ничего столь вѣрнаго и нужнаго,— столь невѣрно понятаго и дурно примѣненнаго,—какъ мое положительное утвержденіе, что искусства никогда не могутъ быть хороши сами по себѣ, если мотивъ ихъ дуренъ. Невѣрно понимаютъ меня такъ: бездарные художники, невѣжественные въ своемъ дѣлѣ, не

умѣющіе провести ни одной правильной черты, постоянно обращаются ко мнѣ и кричатъ мнѣ: „Посмотрите вотъ эту мою картину, она должна быть хороша, у меня была такая прекрасная задача. Я положилъ на нее всю душу и обдумывалъ ее цѣлые годы.“ Ну, и единственное, что можно отвѣчать такимъ людямъ, если хватитъ на то жестокости: „Сэръ, вы ничего не можете обдумать ни въ какое количество лѣтъ, потому что у васъ не такая голова, и какъ бы ни прекрасны были ваши мотивы, будь они такъ сильны, что вы бы охотно дали поджарить себя на маленькомъ огнѣ, лишь бы написать картину,—вы все-таки не можете ее написать, не напишете изъ нея ни вершка, потому что у васъ не такія руки.“

Но еще болѣе опредѣленно слѣдовало бы сказать тѣмъ людямъ, которые знаютъ свое дѣло, или могли бы знать его, если бы захотѣли: „Сэръ, вы обладаете этимъ даромъ, это даръ великій; смотрите, вѣрно служите имъ своему народу; на васъ возложена бо̀льшая отвѣтственность, чѣмъ отвѣтственность за суда и арміи; если бы вы командовали судами и арміями и предали ихъ, ваша вина передъ отечествомъ была бы не такъ тяжела, какъ если вы отречетесь отъ своей великой власти и будете служить ею діаволу, вмѣсто

людей. Потерянныя суда и арміи можно замѣнить другими, но великій геній, когда употребляютъ его во зло, становится вѣчнымъ проклятіемъ на землѣ.“

107. Такъ вотъ что я разумѣлъ, говоря, что искусство должно имѣть благородные мотивы. Говорилъ я и то, что искусства никогда не процвѣтали и не могли процвѣтать иначе, какъ имѣя такія истинныя цѣли и служа провозглашенію божественной правды и закона. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я видѣлъ, что это провозглашеніе не удавалось имъ никогда, что поэзія, скульптура и живопись хоть и были велики только тогда, когда старались сообщить намъ что-нибудь о богахъ, никогда не сообщали намъ о богахъ ничего достовѣрнаго, всегда обманывали наше довѣріе въ самую критическую минуту и, достигнувъ полнаго расцвѣта своихъ силъ, становились слугами гордости и сластолюбія. И чувствовалъ я также съ возрастающимъ недоумѣніемъ непобѣдимую апатію въ насъ самихъ, слушателяхъ, не менѣе, чѣмъ въ наставникахъ. Чувствовалъ, что хотя мудрость и правильность всякаго поступка въ жизни и всѣхъ ея искусствъ можетъ быть совмѣстима только съ вѣрнымъ пониманіемъ ея цѣлей,— всѣ мы погружены въ какой-то вялый сонъ,— сердца

наши ожирѣли, глаза смотрятъ тупо, уши заткнуты,— чтобы не достигъ до насъ какъ-нибудь призывъ вдохновеннаго голоса или руки, чтобы мы не прозрѣли своими глазами, не поняли своими сердцами—и не исцѣлились.

108. Эта интенсивная апатія во всѣхъ насъ— первая великая тайна жизни; она стоитъ на дорогѣ всякаго познаванія, всякой добродѣтели. Какъ бы мы ни удивлялись ей,—все будетъ мало. Что занятія и забавы жизни не имѣютъ цѣли, — это понять можно; но чтобы самая жизнь не имѣла цѣли, чтобы мы даже и не старались узнать, къ чему она насъ ведетъ, не старались принять мѣръ, чтобы это что-то не было у насъ отнято навѣки, — вотъ, дѣйствительно, тайна непостижимая. Представьте себѣ, напримѣръ, что я могъ бы вызвать кого-нибудь изъ присутствующихъ въ этой аудиторіи и сообщить ему за вѣрное, что ему оставлено въ наслѣдство большое имѣнье на нѣкоторыхъ исключительныхъ условіяхъ; но что хотя я и знаю, что имѣнье это велико, но не знаю, какъ велико, даже не знаю, гдѣ оно—въ Вестъ-Индіи или въ Остъ-Индіи, въ Англіи или по ту сторону земного шара. Знаю только, что помѣстье очень обширное и что онъ рискуетъ совершенно его лишиться, если не узнаетъ какъ можно скорѣе, на ка-

кихъ условіяхъ оно ему оставлено. Представьте себѣ, что я бы сказалъ это любому человѣку въ здѣшней аудиторіи, сказалъ навѣрное, и онъ зналъ бы, что я имѣю основаніе такъ говорить; неужели вы думаете, что онъ удовлетворился бы столь неопредѣленными свѣдѣніями, если бы была какая-нибудь возможность узнать еще что-нибудь? Развѣ не приложилъ бы онъ всей своей энергіи къ тому, чтобы найти какія-нибудь указанія на факты, не выбился бы изъ силъ, чтобы узнать, гдѣ это мѣсто и какое оно? И представьте себѣ, что это былъ бы человѣкъ молодой и что, приложивъ всѣ старанія, онъ узналъ бы одно, что имѣнье совсѣмъ никогда ему не достанется, если онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ искуса не будетъ работать и вести правильную жизнь; что доля предназначеннаго ему имѣнья уменьшится или увеличится соразмѣрно съ достоинствомъ его поведенія, такъ что будетъ ли онъ получать десять тысячъ годового дохода, или три тысячи, или ничего ровно — исключительно зависитъ отъ того, какъ онъ будетъ себя вести изо дня въ день. Не сочли ли бы вы страннымъ, если бы этотъ юноша никоимъ образомъ не постарался исполнить условій, ни даже узнать, что отъ него требуется, а продолжалъ бы жить какъ попало, и никогда бы

не освѣдомлялся—увеличиваются или уменьшаются его шансы на имѣнье? Ну, и вотъ какъ разъ то же самое, какъ вамъ извѣстно, происходитъ теперь съ большинствомъ цивилизованныхъ людей, населяющихъ наши христіанскія государства. Почти всякій мужчина и всякая женщина въ собраніи, подобномъ нашему, утверждаетъ на словахъ, что вѣритъ—многіе несомнѣнно и сами думаютъ, что вѣрятъ,—гораздо большему; вѣрятъ, что имъ не только достанется совсѣмъ безпредѣльное помѣстье, если они угодятъ его Хозяину, но что ихъ ожидаетъ совершенно обратное—жилище непрестанной муки,—въ случаѣ, если они не угодятъ этому Великому Землевладѣльцу,—Великому Небовладѣльцу. И, тѣмъ не менѣе, ни одна изъ тысячи этихъ человѣческихъ душъ не потрудится подумать хотя бы десять минутъ въ день, гдѣ это имѣнье, красиво ли оно, какой образъ жизни придется тамъ вести, какой образъ жизни нужно вести, чтобы получить его.

109. Вы воображаете, что интересуетесь этимъ; но вы интересуетесь этимъ такъ мало, что въ настоящую минуту, вѣроятно, многіе изъ васъ недовольны мною за то, что я объ этомъ заговорилъ! Вы пришли слушать объ искусствѣ этого міра, а не о жизни буду-

щаго и сердитесь, что я говорю вамъ о томъ, о чемъ вы каждое воскресенье можете слышать въ церкви. Но не бойтесь. Прежде чѣмъ вы уйдете отсюда, я еще скажу вамъ кое-что и о картинахъ, и о рѣзьбѣ, и о глиняной посудѣ, и о прочихъ вещахъ, интересующихъ васъ болѣе загробной жизни. Вы, можетъ быть, возразите мнѣ на это: „Мы хотимъ, чтобы вы говорили намъ о картинахъ и глиняной посудѣ, потому что увѣрены, что о картинахъ и посудѣ вы кое-что знаете, а о другомъ мірѣ не знаете ровно ничего."

...Ну, вѣдь и правда не знаю. Совершенно вѣрно. Но въ томъ-то вся и странность и таинственность, на которую я стараюсь обратить ваше вниманіе,—въ томъ, что я не знаю, да и вы тоже.

Можете ли вы, не колеблясь, отвѣтить хоть на одинъ прямой вопросъ объ этомъ другомъ мірѣ? Увѣрены ли вы, что есть рай? Увѣрены ли вы, что есть адъ? Увѣрены ли, что люди на вашихъ глазахъ проваливаются сквозь мостовую вотъ этого города прямо въ вѣчный огонь,—или увѣрены, что нѣтъ? Увѣрены ли вы, что послѣ собственной смерти избавитесь отъ всякаго горя, пріобрѣтете всѣ добродѣтели, будете надѣлены всякимъ счастіемъ, возвеличены до постояннаго пребыванія въ об-

ществѣ Царя, сравнительно съ Которымъ всѣ земные цари какъ кузнечики, а всѣ народы какъ пыль у ногъ его? Увѣрены ли вы въ этомъ? А если не увѣрены, считаетъ ли хоть кто-нибудь изъ насъ, что стоитъ хоть что-нибудь сдѣлать, чтобы въ этомъ увѣриться? А если нѣтъ, какъ можемъ мы хоть въ чемъ-нибудь поступать правильно или разсуждать разумно? Какая честь можетъ быть въ искусствахъ, которыя забавляютъ насъ, какая выгода въ обладаніи, которое насъ тѣшитъ?

Развѣ это не тайна жизни?

110. Но далѣе,—вы считаете, можетъ быть, благодѣтельнымъ опредѣленіемъ, что большинство людей не останавливается тревожно и внимательно на вопросахъ будущаго; работа нынѣшняго дня не могла бы быть сдѣлана, если бы всѣ были заняты мыслями о завтрашнемъ. Положимъ такъ; но можно, по крайней мѣрѣ, ожидать, что самые великіе и мудрѣйшіе изъ насъ, тѣ, чье очевидное назначеніе—учить другихъ, — отойдутъ къ сторонѣ и постараются доискаться, что достовѣрнаго можно узнать о будущихъ судьбахъ человѣчества, а потомъ сообщатъ намъ объ этомъ не въ реторической и замысловатой формѣ, а въ самыхъ простыхъ и сурово-искреннихъ словахъ.

Высшими представителями человѣчества, пытавшимися такимъ образомъ заглянуть въ эти глубины и разсказать намъ о нихъ, въ христіанскую эру были Данте и Мильтонъ. Ни по искренности мысли, ни по мастерству языка съ ними никто сравниться не можетъ. Помните, я говорю вовсе не о тѣхъ людяхъ, которые облечены въ какой-нибудь пасторскій или священническій санъ, дабы излагать намъ разныя вѣроученія и доктрины; я говорю о людяхъ, старавшихся—насколько возможно уму человѣческому—узнать и сообщить факты о другомъ мірѣ. Богословы могутъ, можетъ быть, научить насъ, какъ туда попасть; но только эти два поэта сколько-нибудь энергично старались узнать и въ сколько-нибудь опредѣленныхъ выраженіяхъ пытались сообщить намъ, что мы тамъ увидимъ и что тамъ съ нами будетъ, кѣмъ населены въ настоящее время и кѣмъ были населены прежде эти два міра—верхній и нижній.

111. И что же они намъ сообщили? Извѣстія Мильтона о событіи, которое онъ считаетъ самымъ важнымъ во всей системѣ мірозданія,—о паденіи ангеловъ,—даже ему самому очевидно кажутся не заслуживающими довѣрія, тѣмъ болѣе что разсказъ его цѣликомъ основанъ и по большей части заимствованъ

изъ искаженнаго и ослабленнаго для этой цѣли повѣствованія Гезіода о рѣшительной борьбѣ младшихъ боговъ съ титанами. Остальная часть его поэмы—живописная драма, которую Мильтонъ видимо и сознательно уснастилъ всѣми хитростями вымысла, и въ которой ни одинъ фактъ ни на минуту не можетъ показаться возможнымъ никакому вѣрующему человѣку. Концепція Данте гораздо интенсивнѣе; онъ самъ временно не въ силахъ никуда отъ нея уйти; это настоящее видѣніе, но только видѣніе, одно изъ самыхъ дикихъ видѣній, когда-либо обуревавшихъ душу восторгомъ; сонъ, гдѣ являются въ обновленномъ и украшенномъ видѣ самые смѣшные и грубые образы и фантазіи языческаго преданія; гдѣ судьбы христіанской церкви, въ самыхъ священныхъ своихъ символахъ, получаютъ значеніе совершенно второстепенное, рядомъ съ прославленіемъ одной милой флорентинской дѣвушки и могутъ быть поняты лишь при ея содѣйствіи.

112. Говорю вамъ по правдѣ,—чѣмъ больше я стараюсь побѣдить въ себѣ эту странную летаргію и столбнякъ, чѣмъ больше пробуждается во мнѣ сознаніе смысла и могущества жизни, тѣмъ удивительнѣе и удивительнѣе кажется мнѣ то, какъ такіе люди осмѣли-

вались играть драгоцѣннѣйшими истинами (или самой смертельной ложью), которыми все внимающее имъ человѣчество могло быть просвѣщено или обмануто. Весь міръ во вѣки вѣковъ чутко прислушивается къ нимъ жаднымъ ухомъ и страстнымъ сердцемъ; и что же? Всѣмъ этимъ сонмамъ покорныхъ душъ, постоянно смѣняющимъ другъ друга толпамъ, алчущимъ хлѣба жизни,—они только играютъ на своихъ сладкозвучныхъ свирѣляхъ; украшаютъ пышной номенклатурой адскіе совѣты; перебираютъ струны гитары трубадура подъ аккомпанементъ текущихъ солнцъ; наполняютъ отверстія въ вѣчность, передъ которыми закрывали лица пророки и куда хотѣлось бы заглянуть ангеламъ,—безсмысленными куклами, созданными ихъ схоластической фантазіей, да печальными лучами изступленной вѣры въ свою утраченную земную любовь.

Развѣ это не тайна жизни?

113. Но далѣе. Намъ надо помнить, что оба эти великіе наставника были люди ожесточенные судьбою и не могли вполнѣ свободно отыскивать истину. Это были люди духовной борьбы; въ ослѣпленіи распри, подъ тяжестью личнаго горя неспособные отличить, гдѣ ихъ личное честолюбіе вліяло на постановленіе ими нравственнаго закона; насколько къ ихъ гнѣву,

при нарушеніи, этого закона, примѣшивалось личной муки. Но существовали люди болѣе великіе, чѣмъ они, —люди съ невинными сердцами, люди слишкомъ великіе для спора. Люди, подобные Гомеру и Шекспиру, индивидуальность которыхъ такъ неопредѣленна, что она совсѣмъ теряется въ грядущіе вѣка и становится призрачной, какъ преданіе объ утраченномъ языческомъ богѣ. И вотъ ихъ-то неоскорбленному, неосуждающему взгляду вся человѣческая природа открывается въ трагическомъ безсиліи, противъ котораго они не хотятъ возставать; или въ печальной и преходящей силѣ, которую не смѣютъ хвалить. И имъ-то становится подвластной вся языческая и вся христіанская цивилизація. Все равно, много ли, мало ли тотъ или другой изъ насъ читалъ Гомера или Шекспира, — все насъ окружающее, или въ дѣйствительности, или въ идеѣ, получило отъ нихъ свою форму. Всѣ греческіе джентльмены воспитывались на Гомерѣ. Всѣ римскіе джентльмены — на греческой литературѣ. Всѣ итальянскіе, французскіе и англійскіе джентльмены — на римской литературѣ и ея принципахъ. О значеніи Шекспира скажу одно: въ области творческой мысли всѣ люди, родившіеся послѣ него, измѣряются духовно только той степенью, въ какой они учились у Шек-

спира. И вотъ эти-то два человѣка, эти два центра человѣческаго разумѣнія, какія же убѣжденія внушаютъ они намъ относительно того, что этому разумѣнію постичь всего важнѣе? Какова ихъ надежда, каковъ вѣнецъ радости? Къ чему они насъ зовутъ, въ чемъ упрекаютъ? Что ближе всего къ ихъ собственнымъ сердцамъ, чѣмъ внушены ихъ безсмертныя слова? Сулятъ ли они какой-нибудь миръ нашей тревогѣ и исцѣленіе нашей мукѣ?

114. Возьмите сначала Гомера и подумайте—есть ли гдѣ болѣе печальное изображеніе судебъ человѣчества, чѣмъ въ этой великой Гомерической исторіи? Главныя черты въ характерѣ Ахилла — страстная жажда справедливость и нѣжность въ привязанностяхъ. Но въ Иліадѣ, этой горькой пѣсни, — несмотря на постоянную помощь мудрѣйшихъ изъ боговъ, несмотря на сжигавшее его душу желаніе справедливости,—именно этотъ человѣкъ подъ вліяніемъ дурно-управляемыхъ страстей все же становится самымъ несправедливымъ изъ людей; сердце его исполнено глубокой нѣжности, но подъ вліяніемъ непокорныхъ страстей онъ все же становится человѣкомъ самымъ жестокимъ. Страстный и въ любви и въ дружбѣ, онъ теряетъ сначала возлюбленную, потомъ друга; ради возлюбленной жертвуетъ

роднымы войсками; ради друга — жертвуетъ всѣмъ. Отдастъ ли человѣкъ жизнь за друга своего? Да, даже за умершаго друга; этотъ Ахиллъ, хоть и рожденный богиней и воспитанный богиней, отдаетъ царство, родину, жизнь, ввергаетъ и невинныхъ, и виновныхъ, и себя самого въ одну кровавую пучину рѣзни и, наконецъ, умираетъ отъ руки самаго презрѣннаго изъ своихъ противниковъ.

Развѣ это не тайна жизни?

115. Но какую же вѣсть принесъ намъ родной нашъ поэтъ, нашъ испытатель сердецъ, послѣ того, какъ пятнадцать вѣковъ христіанской вѣры уже было отсчитано надъ людскими могилами? Радостнѣе ли его слова, чѣмъ слова язычника? — ближе ли его надежда, тверже ли упованіе, свѣтлѣе ли пониманіе судьбы? О, нѣтъ! Онъ отличается отъ языческаго поэта всего болѣе тѣмъ, что для него нѣтъ подъ рукою никакихъ боговъ, готовыхъ придти на помощь; да тѣмъ еще, что изъ - за глупой случайности, минутнаго безумія, невѣрно переданнаго порученія,— тираніи дурака или козней предателя, у него гибнутъ самые сильные и праведные, и гибнутъ безъ единаго слова надежды. Изображая характеры, онъ, правда, приписываетъ кроткимъ и справедливымъ силу и скромность привычнаго благочестія. Смерт-

ный одръ Катерины сіяетъ видѣніями ангеловъ; великій король-солдатъ, стоя у своихъ немногихъ убитыхъ, сознаетъ присутствіе руки, которая можетъ спасти и многими и немногими. Но замѣтьте, что у тѣхъ, чья мысль всего напряженнѣе и глубже, чья скорбь всего сильнѣе и страстнѣе, — такихъ словъ нѣтъ, и нѣтъ въ ихъ сердцѣ такого утѣшенія. Вмѣсто постояннаго сознанія благодѣтельнаго присутствія божества, которое проходитъ черезъ все языческое преданіе и является источникомъ героической силы въ сраженіи, въ изгнаніи, въ долинѣ смертной тѣни, у христіанскаго поэта мы находимъ только сознаніе нравственнаго закона, по которому „боги справедливы, и наши пріятные пороки обращаются въ орудія нашей казни", а также сознаніе неизмѣннаго предопредѣленія судьбы, завершающей точностью приговора то, что мы начали слабо и слѣпо, и заставляющей насъ признать, когда наши ошибки уже принесли свои плоды, а самые хитрые наши замыслы оказались безплодными, что „есть божество, которое по-своему устраиваетъ наше будущее, какъ бы мы ни старались придать ему иную форму".

Развѣ это не тайна жизни?

116. Пусть будетъ такъ. Положимъ, ни о жизни человѣка въ будущемъ, ни о жизни его

въ настоящемъ мудрые религiозные люди не могутъ сказать намъ ничего, чему мы могли бы вѣрить, а мудрые мыслящiе люди—ничего что могло бы дать намъ душевный миръ. Но есть третiй классъ людей, къ которымъ мы можемъ обратиться, — мудрые практическiе люди. Мы сидѣли у ногъ поэтовъ, которые пѣли о небесахъ, и они разсказали намъ свои сны. Мы прислушивались къ поэтамъ, пѣвшимъ о землѣ, и они спѣли намъ погребальныя пѣсни и слова отчаянiя. Но есть еще одинъ классъ людей,—людей, неспособныхъ къ видѣнiямъ, нечувствительныхъ къ страданью, но твердыхъ въ преслѣдованiи цѣли и опытныхъ въ дѣлахъ; людямъ этимъ извѣстно все, что можно узнать (наощупь). Всѣ надежды и чувства ихъ сосредоточиваются вотъ въ этомъ здѣшнемъ мiрѣ, и отъ нихъ-то мы, уже навѣрное, узнаемъ, какъ, по крайней мѣрѣ, хоть въ немъ-то устроиться получше. Что скажутъ намъ они, что покажутъ своимъ примѣромъ? Эти короли и совѣтники, эти государственные люди и основатели государствъ, — эти капиталисты и дѣльцы, взвѣшивающiе на вѣсахъ землю и ея прахъ. Они-то, ужъ конечно, знаютъ свѣтъ, и что для насъ тайна жизни, въ томъ нѣтъ для нихъ никакой тайны. Они, навѣрное, научатъ насъ какъ жить, пока мы

живы, и какъ взять со здѣшняго міра все лучшее, что онъ можетъ намъ дать.

117. Мнѣ кажется, я лучше всего передамъ вамъ ихъ отвѣтъ, если разскажу сонъ, который мнѣ однажды снился. Вѣдь мнѣ, хоть я и не поэтъ, все-таки снятся иногда разные сны. Итакъ, мнѣ снилось, что я на дѣтскомъ майскомъ праздникѣ, гдѣ добрый и умный хозяинъ дома припасъ дѣтямъ всевозможныя забавы. Праздникъ происходилъ въ великолѣпномъ домѣ, окруженномъ чудными садами; дѣтямъ предоставили въ полное распоряженіе и домъ и садъ; имъ было только и заботы, какъ бы повеселѣе провести день. Они, правда, не знали хорошенько, что будетъ завтра, нѣкоторые показались мнѣ немножко испуганными, такъ какъ имѣлась въ виду возможность, что ихъ отдадутъ въ новую школу, гдѣ будутъ экзамены, но они старались прогонять отъ себя подобныя мысли и рѣшили веселиться напропалую. Домъ, какъ я уже говорилъ, былъ окруженъ прекраснымъ садомъ, а въ саду были всякіе цвѣты, мягкія скамьи изъ газона для отдыха, гладкія лужайки для игры, прелестные ручьи и заросли; скалистыя мѣста для лазанья. Дѣтямъ было сначала хорошо, но очень скоро они раздѣлились на партіи, и каждая партія объявила, что беретъ кусокъ

сада себѣ и чтобы остальные не смѣли его трогать. Затѣмъ они страшно перессорились изъ-за того, кому какой достанется кусокъ, и, наконецъ, мальчики взяли дѣло въ свои руки, какъ и слѣдуетъ мальчикамъ занялись имъ „практически" и до тѣхъ поръ дрались на цвѣточныхъ клумбахъ, пока не уничтожили почти всѣхъ цвѣтовъ, послѣ чего на зло товарищамъ вытоптали также и чужія клумбы; дѣвочки плакали до того, что у нихъ, наконецъ, просто и слезъ не хватило; и въ концѣ концовъ всѣ они въ изнеможеніи полегли среди всеобщаго опустошенія и стали дожидаться, когда, наконецъ придетъ вечеръ и ихъ возьмутъ домой.

118. А между тѣмъ тѣ дѣти, что остались въ комнатахъ, также веселились по-своему. Для нихъ были припасены всевозможныя комнатныя развлеченія; играла музыка, подъ которую можно было танцовать; была отперта библіотека, а въ библіотекѣ были всякія занятныя книги: былъ музей, полный любопытнѣйшихъ раковинъ, звѣрей и птицъ; была мастерская съ токарными принадлежностями для смышленыхъ мальчиковъ; были хорошенькія фантастическія платьица, въ которыя могли рядиться дѣвочки; были микроскопы и калейдоскопы, всевозможныя игрушки, какихъ

только могъ пожелать ребенокъ; а въ столовой стоялъ столъ, уставленный всякими вкусными вещами.

Но среди всего этого, двоихъ или троихъ болѣе „практическихъ“ дѣтей вдругъ осѣнила мысль, что не дурно бы набрать немножко мѣдныхъ гвоздиковъ съ креселъ, и они принялись ихъ вытаскивать. Потомъ и другимъ, которые въ это время читали или разсматривали раковины, захотѣлось того же, и вскорѣ почти всѣ дѣти ломали себѣ пальцы, вытаскивая гвозди съ мѣдными шляпками. Но имъ было мало тѣхъ, которые удавалось вытащить, и каждому хотѣлось взять себѣ чьи-нибудь чужіе. И вотъ, наконецъ, дѣйствительно практическіе и разумные объявили, что единственное, что было въ самомъ дѣлѣ важно въ этотъ день, — это набрать какъ можно больше мѣдныхъ гвоздиковъ; что и книги, и сладкіе пирожки и микроскопы, все это само по себѣ — ни къ чему, а нужно только въ томъ случаѣ, если можетъ быть обмѣнено на шляпки гвоздей. И вотъ, наконецъ, всѣ они начали драться за шляпки гвоздей, какъ ихъ товарищи дрались за клочки сада. Тамъ и сямъ, правда, какой-нибудь презрѣнный отщепенецъ забивался въ уголокъ и старался среди общаго шума отдохнуть немножко надъ книгой, но

всѣ практическіе ни о чемъ иномъ и не помышляли цѣлый день, какъ о томъ, чтобы считать гвозди, хоть и знали напередъ, что ни одного гвоздика имъ не позволятъ унести съ собой. Нѣтъ, только и рѣчи было — что „у кого больше гвоздей“. „У меня сто, а у тебя пятьдесятъ; или — у меня тысяча, а у тебя двѣ. Мнѣ необходимо, прежде чѣмъ я отсюда выйду, добыть ихъ столько же, сколько у тебя, иначе не могу спокойно вернуться домой“. И они такъ расшумѣлись, наконецъ, что я проснулся и подумалъ про себя: „Что за нелѣпый сонъ — о дѣтяхъ!“ Ребенокъ — отецъ человѣка и мудрѣе его. Дѣти никогда не дѣлаютъ такихъ глупостей. Ихъ дѣлаютъ только взрослые.

119. Но остается еще одинъ классъ людей, которыхъ мы можемъ допросить. Напрасно обращались мы къ мудрымъ вѣрующимъ людямъ: напрасно къ мудрымъ созерцателямъ; напрасно къ мудрымъ практикамъ. Но есть еще одна группа людей. Среди всей этой суеты пустой религіи, трагическаго созерцанія, злобнаго и мучительнаго честолюбія и борьбы за прахъ — существуетъ еще одна великая группа людей, которыми живутъ всѣ эти борящіеся люди, людей которые рѣшили, или это рѣшило за нихъ благое Провидѣніе, что будутъ дѣлать что-нибудь полезное; что чтобы ни готови-

лось имъ въ будущемъ, чтобы ни случилось въ настоящемъ, они заслужатъ, по крайней мѣрѣ, тотъ хлѣбъ, который посылаетъ имъ Богъ, потому что заработаютъ его честно; что, какъ бы ни удалились они отъ мира и чистоты райской обители, они исполнятъ долгъ человѣческаго господства, хоть и утратили его блаженство, — будутъ воздѣлывать и хранить пустыню, если не могутъ больше воздѣлывать и хранить садъ.

Люди эти — тѣ, что колютъ дрова и таскаютъ воду; тѣ, что сгорблены тяжестью ноши и изранены плетью, тѣ, что роютъ и прядутъ, сажаютъ и строятъ, работаютъ надъ деревомъ, мраморомъ и желѣзомъ; тѣ, кѣмъ производится вся пища, одежда, жилища, мебель и средства для наслажденій — себѣ и всѣмъ другимъ; люди, которыхъ дѣла хороши, хотя слова и не многочисленны; люди, которыхъ жизнь полезна, какъ бы ни была она коротка, и достойна почета, какъ бы ни была смиренна; отъ нихъ-то, по крайней мѣрѣ, мы, уже навѣрное, услышимъ ясную вѣсть назиданія и хоть на минутку проникнемъ тайну жизни и ея искусствъ.

120. Да, отъ этихъ людей мы, наконецъ, кое-чему научимся. Но съ прискорбіемъ, — или, скорѣе, съ радостью, такъ оно будетъ вѣрнѣе въ болѣе глубокомъ смыслѣ, — долженъ

сказать вамъ, что принять ихъ наставленіе мы можемъ не иначе, какъ присоединившись къ нимъ, вмѣсто того, чтобы о нихъ разсуждать.

Вы послали за мной, чтобы я поговорилъ съ вами объ искусствѣ; я послушался васъ и пришелъ. Но главное, что я имѣю вамъ сказать, это то, что объ искусствѣ говорить не слѣдуетъ. Самый тотъ фактъ, что объ искусствѣ начинаются разговоры, уже показываетъ, что работа или плохо сдѣлана, или совсѣмъ не можетъ быть сдѣлана. Настоящіе художники говорятъ и всегда говорили о своемъ искусствѣ очень мало. Величайшіе изъ нихъ не говорятъ ничего. Даже Рейнольдсъ не составляетъ исключенія, такъ какъ онъ писалъ обо всемъ, чего не могъ сдѣлать самъ, и совершенно молчалъ обо всемъ, что самъ дѣлалъ.

Какъ только человѣкъ получаетъ возможность дѣлать свое дѣло какъ слѣдуетъ, онъ не говоритъ о немъ ни слова. Всѣ слова становятся для него праздными, и всѣ теоріи также.

121. Развѣ нужно птицѣ разводить теоріи о постройкѣ своего гнѣзда или хвастать имъ, когда оно построено? Всякая хорошая работа дѣлается именно такъ, а не иначе, — безъ колебаній, безъ затрудненій, безъ хвастовства; въ тѣхъ, кто дѣлаетъ самое лучшее, есть

внутренняя безсознательная сила, весьма близкая къ инстинкту животнаго; нѣтъ, я даже увѣренъ, что у самыхъ совершенныхъ художниковъ-людей разумъ не упраздняетъ инстинкта, но соединяется съ инстинктомъ, который настолько же божественнѣе инстинкта низшихъ животныхъ, насколько человѣческое тѣло красивѣе тѣла животнаго; я увѣренъ, что великій пѣвецъ поетъ не менѣе, а болѣе инстинктивно, чѣмъ соловей, только инстинктъ его разнообразнѣе и примѣнимѣе, — имъ легче управлять; что великій архитекторъ строитъ не менѣе, а болѣе инстинктивно, чѣмъ бобръ или пчела, съ прирожденнымъ хитрымъ пониманіемъ пропорцій, обусловливающимъ всякую красоту, и божественнымъ простодушіемъ изобрѣтательности, которой сразу дается всякая конструкція. Но такъ ли оно или не такъ, сильнѣе ли или слабѣе этотъ инстинктъ, чѣмъ инстинктъ низшихъ животныхъ, похожъ на него или нѣтъ, во всякомъ случаѣ человѣческое искусство обусловливается имъ вопервыхъ, а во-вторыхъ — такимъ запасомъ опыта, знанія и воображенія, дисциплинированнаго мыслью, который, какъ извѣстно всякому истинному его обладателю, передать невозможно и, какъ извѣстно всякому истинному критику, можно объяснить только дол-

гими годами упорнаго труда. Неужели вы думаете, что одними разговорами дадите комунибудь возможность безъ труда свершить этотъ путь къ побѣдѣ жизни, путь, гдѣ вздымаются скалы за скалами — Альпы за Альпами, — вырастаютъ и пропадаютъ? Да что вы это! Разговорами вы не можете поднять насъ даже на вершину одной какой-нибудь Альпы. Можете привести насъ туда шагъ за шагомъ, не иначе, и всего лучше молча. Вы, дѣвицы бывавшія въ горахъ, знаете, какъ болтаютъ и жестикулируютъ плохіе гиды, то „поставьте ножку туда-то", то „не оступитесь вонъ тамъ", но хорошій проводникъ идетъ впередъ спокойно, не говоря ни слова, только взглядываетъ на васъ, когда нужно, и когда нужно — рука его становится какъ желѣзная перекладина.

122. Столь же медленнымъ путемъ можно научиться и искусству, если вы вѣрите въ своего проводника и въ случаѣ нужды опираетесь на его руку, какъ на желѣзную перекладину. Но какому учителю искусства вѣрите вы въ такой степени? Конечно, не мнѣ; какъ я и говорилъ вамъ съ самаго начала, я вѣдь отлично знаю, что и говорить-то съ собой вы позволяете мнѣ только потому, что думаете, что я умѣю говорить, а вовсе не потому, чтобы считали что я знаю то, о чемъ

говорю. Если бы я сказалъ вамъ что-нибудь, что показалось бы вамъ страннымъ, вы бы не повѣрили мнѣ, а между тѣмъ только говоря вамъ странныя вещи я могу быть вамъ сколько-нибудь полезенъ. Я могъ бы оказать вамъ большую, даже огромную пользу немногими словами, если бы вы только повѣрили этимъ словамъ; но вы бы не повѣрили имъ какъ разъ потому, что самое-то полезное именно и не понравилось бы вамъ. Вы, напримѣръ, съ ума сходите отъ восторга передъ Густавомъ Дорэ. Ну, представьте же себѣ, что я сказалъ бы вамъ, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, какія только могу придумать, что искусство Дорэ—искусство дурное, дурное не слабостью, не неудачей, а страшной властью, властью вмѣстѣ и фурій и гарпій, властью приводить въ изступленіе и осквернять, что пока вы будете смотрѣть на него, всякое чистое и прекрасное искусство будетъ совершенно недоступно вашему пониманію. Вообразите, что я бы вамъ это сказалъ. Чтожъ бы изъ этого вышло? Развѣ вы меньше стали бы смотрѣть Густава Дорэ? еще больше, я думаю. Съ другой стороны, я могъ бы и угодить вамъ, если бы захотѣлъ. Я отлично знаю, что вы любите, и умѣю это хвалить именно такъ, какъ вы больше всего любите.

Я могъ бы говорить съ вами о лунномъ свѣтѣ, о сумракѣ, о весеннихъ цвѣтахъ и осеннихъ листьяхъ, о Мадоннахъ Рафаэля, — о, какъ много въ нихъ материнскаго чувства! О сивиллахъ Микель Анджело,—о, какъ онѣ величественны! О святыхъ Анджелико, — о, какъ благочестивы! О херувимахъ Корреджіо, — о, какъ прелестны! Какъ я ни старъ, а все еще могъ бы сыграть вамъ на арфѣ такую пѣсенку, подъ которую вы стали бы плясать. Но ни вы, ни я, не сдѣлались бы отъ этого ничуть не лучше и не умнѣе, а если бы и сдѣлались, — наша увеличившаяся мудрость не принесла бы никакихъ практическихъ результатовъ. Дѣло въ томъ, видите ли, что искусства, что касается возможности имъ научить, отличаются отъ наукъ еще и тѣмъ, что сила ихъ основывается не только на фактахъ, которые можно сообщить, но и на настроеніяхъ, которыя нужно создать. Искусство не создается усиліемъ мысли и не можетъ быть объяснено точными словами. Это инстинктивный и неизбѣжный результатъ силъ, которыя могутъ развиваться только послѣдовательнымъ переходомъ черезъ души многихъ поколѣній и въ концѣ концовъ пробуждаются къ жизни подъ соціальными условіями, вырастающими также медленно, какъ и тѣ спо-

собности, которыя они регулируютъ. Существованіе благороднаго искусства есть итогъ цѣлыхъ эръ мощной исторіи, концентрація страстей цѣлыхъ сонмовъ умершихъ; если бы оно у насъ было, мы бы это чувствовали и радовались этому; не имѣли бы ни малѣйшаго желанія слушать о немъ лекціи; а такъ какъ его у насъ нѣтъ, будьте увѣрены, что намъ нужно вернуться къ его корню, или, по крайней мѣрѣ. къ тому мѣсту, гдѣ живъ еще его стволъ и гдѣ начали вянуть его вѣтви.

123. А теперь вы простите меня, если я замѣчу вамъ, отчасти по поводу вопросовъ, которые въ настоящее время для насъ важнѣе искусства,—что если бы мы предприняли такое возвращеніе къ жизненнымъ зачаткамъ уже увядшихъ національныхъ искусствъ, ни въ какой европейской странѣ мы бы не встрѣтили столь странной остановки въ ихъ развитіи, какъ здѣсь, въ Ирландіи. Судя по дошедшимъ до насъ рукописямъ и скульптурѣ, Ирландія въ восьмомъ вѣкѣ обладала школою искусства, по многимъ своимъ качествамъ,—повидимому, по всѣмъ качествамъ требующимъ декоративной изобрѣтательности, — положительно не имѣвшей себѣ соперницъ; казалось бы, что ее должны ожидать самыя блестящія побѣды, какъ въ сферѣ жи-

вописи, такъ и въ сферѣ архитектуры. Но въ природѣ ея былъ одинъ роковой недостатокъ, который остановилъ ее, задержалъ съ очевидностью остановки, нигдѣ не имѣющей себѣ ничего подобнаго. Давно уже, читая въ Кенсингтонѣ, съ тѣхъ поръ уже напечатанную, лекцію о развитіи европейскихъ школъ съ ихъ младенчества до расцвѣта, я выбралъ студентамъ два типичные образца ранняго искусства. Образцы эти были равны по достоинству, но въ одномъ изъ нихъ искусство было прогрессирующее, а въ другомъ — остановившееся. Въ одномъ случаѣ работа была доступна исправленію, она жадно просила исправленія, въ другомъ, по самому существу своему — отвергала исправленіе. Я выбралъ для студентовъ исправимую Еву и неисправимаго ангела и съ прискорбіемъ долженъ сознаться, что неисправимый ангелъ былъ также и ангелъ ирландскій!

124. И все роковое различіе заключалось именно въ этомъ. Оба художественныя произведенія одинаково не соотвѣтствовали требованіямъ дѣйствительности, но ломбардская Ева сознавала свои заблужденія, а ирландскій ангелъ считалъ себя совершенно правымъ. Усердный ломбардскій скульпторъ хоть и твердо настаиваетъ на своей ребяческой идеѣ,

а все же въ неправильной, прерывистой работѣ его рѣзца на лицѣ, въ безуспѣшномъ стремленіи смягчить контуры тѣла, видно пониманіе красоты и закона, передать которые онъ не въ силахъ; въ каждой чертѣ выражается напряженное усиліе и сознаніе несовершенства работы. Но ирландскій расписыватель молитвенника нарисовалъ своего ангела безъ всякаго чувства неудачи, въ счастливомъ довольствѣ собою; поставилъ красныя пятнышки на ладони обѣихъ рукъ, правильно округлилъ оба глаза и доволенъ, какъ нельзя болѣе.

125. Могу ли я, не обидѣвъ васъ, попросить васъ подумать, не указываетъ ли такая остановка въ старомъ ирландскомъ искусствѣ на присутствіе чертъ характера, и до сихъ поръ задерживающихъ до нѣкоторой степени развитіе вашихъ національныхъ силъ? Характеръ ирландца знакомъ мнѣ очень близко; я наблюдалъ его пристально, потому что тоже и очень любилъ его. И, мнѣ кажется, форма ошибки, къ которой онъ наиболѣе склоненъ, заключается въ слѣдующемъ: обладая благороднымъ сердцемъ и имѣя твердое намѣреніе всегда поступать какъ должно, онъ не справляется съ внѣшними условіями должнаго, но думаетъ, что непремѣнно поступитъ правильно, потому что

твердо намѣренъ поступить правильно, и, поступая неправильно, не сознаетъ этого; а потомъ, когда обнаруживаются послѣдствія его ошибки, на немъ ли или на другихъ, близкихъ ему людяхъ, онъ совсѣмъ не въ силахъ себѣ представить, чтобы зло какимъ-нибудь образомъ могло быть сдѣлано или причинено имъ самимъ, а приходитъ въ бѣшенство, терзается мучительной жаждой справедливости чувствуя себя вполнѣ невиннымъ, и это еще больше сбиваетъ его съ пути, такъ что наконецъ не остается уже ничего, что онъ не былъ бы способенъ совершить съ чистой совѣстью.

126. Не подумайте, однако, чтобы я хотѣлъ сказать, будто въ отношеніяхъ Ирландіи съ Англіей, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, вы были неправы, а мы правы. Далеко нѣтъ; я нахожу, что во всѣхъ крупныхъ принципіальныхъ вопросахъ и во всѣхъ подробностяхъ примѣненія закона правы были вы, а неправы мы,—иногда тѣмъ, что не понимали васъ, иногда тѣмъ, что поступали съ вами рѣшительно несправедливо. Тѣмъ не менѣе, хотя въ ссорахъ между государствами вина почти всегда на сторонѣ сильнѣйшаго, и слабѣйшій также часто бываетъ виноватъ, хотя въ меньшей степени; мы, какъ мнѣ кажется, признаемъ иногда возможность ошибки съ

своей стороны, а вы не признаете ее никогда.

127. Вернемся теперь къ болѣе общему нашему вопросу. Что говорятъ намъ искусства и труды жизни о ея тайнѣ? Чему они насъ научаютъ? Первый урокъ ихъ тотъ, что чѣмъ прекраснѣе искусство, тѣмъ необходимѣе его принадлежность народу, который чувствуетъ себя неправымъ, стремится исполнить законъ и уловить красоту, пока еще ему недоступные, и чувствуетъ, что они какъ будто уходятъ отъ него все дальше и дальше, чѣмъ больше онъ старается ими овладѣть. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ смыслѣ болѣе глубокомъ, это искусство есть принадлежность народа, который также и сознаетъ свою правоту. Самое чувство неизбѣжности неудачи въ достиженіи цѣли знаменуетъ совершенство этой цѣли, а постоянная неудовлетворенность работой является результатомъ того, что глаза открываются все шире и шире на священнѣйшіе законы истины.

128. Таковъ первый урокъ. Второй урокъ— очень простой, но очень драгоцѣнный, а именно: всякое искусство и всякій трудъ, когда онъ производится въ такомъ духѣ борьбы съ беззаконіемъ, въ твердой рѣшимости сдѣлать то, что намъ нужно сдѣлать, — добросовѣстно и

совершенно, неизбѣжно приноситъ съ собою счастіе, насколько оно доступно человѣческой природѣ. Всѣ другіе пути къ достиженію счастія ведутъ къ разочарованію или погибели; для честолюбія и страсти нѣтъ покоя и нѣтъ удовлетворенія; лучшія радости молодости гибнутъ въ потемкахъ бо́льшихъ, чѣмъ ихъ прошлый свѣтъ; самая высокая и чистая любовь слишкомъ часто только воспламеняетъ облако жизни огнемъ безконечной муки. Но на всѣхъ ступеняхъ человѣческой дѣятельности, съ самой верхней до самой нижней, дѣятельность эта, если она добросовѣстна, даетъ миръ. Спросите рабочаго въ полѣ, на кузницѣ, въ рудникахъ; спросите терпѣливаго, тонкаго и кропотливаго артиста - ремесленника; спросите мощнаго, пылкаго сердцемъ работника, для котораго матеріаломъ служитъ бронза, мраморъ и цвѣта радуги; и ни одинъ изъ нихъ, этихъ настоящихъ тружениковъ, никогда не скажетъ вамъ, чтобы находилъ тяжелымъ тотъ божественный законъ, по которому долженъ въ потѣ лица ѣсть свой хлѣбъ, пока не вернется въ землю; не скажетъ и того, чтобы не получилъ награды за свое повиновеніе, если вѣрно исполнилъ приказъ: „Какое бы дѣло ни нашлось для руки твоей, дѣлай его со всею твоею силой".

129. Вотъ два великіе и постоянные урока относительно тайны жизни, которые преподаютъ намъ наши работники. Но есть еще одинъ урокъ, болѣе печальный, который они не могутъ дать намъ, но который написанъ на ихъ могильныхъ плитахъ.

„Дѣлай со всей твоей силой". Было несмѣтное множество человѣческихъ существъ, которыя повиновались этому закону, положили въ свой трудъ всю душу и всю энергію, посвятили ему каждый часъ своей жизни и потратили на него всѣ способности, завѣщали намъ, умирая, свои неосуществленныя мысли и послѣ смерти все еще взываютъ къ намъ величіемъ своей памяти и силою своего примѣра. И что же, въ концѣ концовъ, совершено всей этой человѣческой „Силой" въ шесть тысячъ лѣтъ труда и страданія? Что она сдѣлала? Возьмите три главныя занятія и искусства людей и перечислите ихъ подвиги. Начните съ перваго — главы всѣхъ остальныхъ—земледѣлія. Шесть тысячъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы поставлены пахать землю, изъ которой взяты. Сколько же ея вспахано? Много ли ея вспахано хорошо или разумно? Въ самомъ центрѣ и первомъ саду Европы, тамъ, гдѣ имѣли свои твердыни двѣ главныя сродныя формы христіанства, гдѣ

благородные католики лѣсныхъ кантоновъ и благородные протестанты Вальденскихъ долинъ цѣлыми вѣками отстаивали свою вѣру и свободу,—тамъ и до сихъ поръ безъ удержу рвутся изъ береговъ дикія альпійскія рѣки, распространяя на пути своемъ опустошеніе; тамъ болота, которыя нѣсколько сотъ человѣкъ могли бы уничтожить работою одного года,—губятъ безпомощныхъ жителей, повергая ихъ въ лихорадочный идіотизмъ. И это въ центрѣ Европы! На сосѣднемъ берегу Африки, между тѣмъ, въ бывшемъ „саду Гесперидъ", арабская женщина только нѣсколько зорь назадъ съѣла съ голоду своего ребенка! А мы, со всѣми сокровищами Востока у нашихъ ногъ, мы въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ не могли найти нѣсколькихъ зеренъ риса для народа, который только этого и просилъ у насъ, а стояли и смотрѣли, какъ умирали съ голоду пятьсотъ тысячъ человѣкъ.

130. Вслѣдъ за земледѣліемъ,—искусствомъ королей,—возьмемъ второе изъ высшихъ искусствъ человѣчества,—тканье, искусство королевъ, почитаемое всѣми благородными языческими женщинами въ лицѣ ихъ дѣвственной богини, почитаемое всѣми еврейскими женщинами по слову мудрѣйшаго изъ ихъ королей: „Она кладетъ руки на прялку, и руки ея

держатъ веретено; она протягиваетъ руку бѣдному. Она не боится снѣга для дома своего, потому что всѣ домашніе ея одѣты въ пурпуръ. Она дѣлаетъ для себя ковры; одежда ея— шелкъ и пурпуръ. Она дѣлаетъ тонкое полотно и продаетъ его, и отдаетъ купцу пояса.“ Что же сдѣлали мы, во всѣ эти тысячелѣтія, съ блестящимъ искусствомъ греческой дѣвы и христіанской матроны? Мы ткали шесть тысячъ лѣтъ, и научились ли мы ткать? Развѣ не могла бы за это время каждая голая стѣна заблистать пурпурной драпировкой, развѣ не могла бы каждая слабая грудь укрыться отъ холода подъ нѣжными узорами? Что же мы сдѣлали? Повидимому, у насъ слишкомъ мало пальцевъ, чтобы сплести себѣ хоть какую-нибудь дрянную покрышку на тѣло. Мы заставляемъ работать за себя рѣки, и пламя, отъ котораго спирается воздухъ, вертитъ наши прялки,—и что же, одѣты ли мы? Развѣ улицы европейскихъ столицъ не загрязнены продажей брошенныхъ лохмотьевъ и гнилыхъ тряпокъ? Развѣ красота вашихъ прелестныхъ дѣтей не остается въ гибельной опалѣ, между тѣмъ какъ природа съ почтеніемъ, гораздо большимъ, одѣваетъ птичій выводокъ въ его гнѣздѣ и сосунка волчицы въ ея берлогѣ? Развѣ снѣгъ каждой зимы не окутываетъ того,

что вы не одѣли, не одѣваетъ саваномъ того, что вы не покрыли? Развѣ усталыя души не возносятся зимнимъ вѣтромъ на небо, чтобы во вѣки вѣковъ свидѣтельствовать противъ васъ голосомъ своего Христа: „Я былъ нагъ, и вы не одѣли меня"?

131. Въ третьихъ и въ послѣднихъ, возьмите, наконецъ, искусство строительное, самое могучее, гордое, стройное, самое прочное изъ всѣхъ человѣческихъ искусствъ; произведенія этого искусства обладаютъ наивѣрнѣйшею накопляемостью, не подвержены гибели, не нуждаются въ возобновленіи; если они сработаны хорошо, они будутъ стоять крѣпче шаткихъ утесовъ, прочнѣе осыпающихся холмовъ. Искусство это связано со всякой гражданской гордостью, съ самыми священными принципами; оно служитъ лѣтописью человѣческаго могущества, исходомъ человѣческому энтузіазму; оно даетъ человѣку вѣрную защиту, опредѣляетъ жилище человѣка и дѣлаетъ это жилище дорогимъ. И вотъ, простроивъ шесть тысячъ лѣтъ, что же мы сдѣлали? Отъ всей этой силы и умѣнья по большей части не сохранилось и слѣда, ничего, кромѣ обрушившихся камней, которыми завалены поля и запружены потоки. Но изъ всего, что истребили время, безпорядокъ и злоба, что же дѣй-

ствительно осталось намъ? Неужели мы, созидающія и прогрессирующія существа, съ властными умами и искусными руками, способныя работать сообща и жаждущія славы, неужели мы не можемъ поспорить въ удобствахъ жизни съ лѣсными насѣкомыми, и въ подвигахъ — съ морскими червями? Напрасно бѣсится бѣлый прибой, кидаясь на укрѣпленія, воздвигнутыя убогими атомами едва зарождающейся жизни; но тѣ мѣста, гдѣ жили когда-то наши благороднѣйшіе народы—едва отмѣчены грядами безформенныхъ развалинъ. У муравьевъ и бабочекъ есть отдѣльныя ячейки для каждаго изъ дѣтенышей, но наши дѣти свалены въ грязныя кучи въ домахъ, которые душатъ ихъ, какъ могилы; и ночь за ночью съ перекрестковъ нашихъ улицъ раздается крикъ: „Я былъ странникъ, и вы не приняли меня."

132. Неужели же это будетъ такъ всегда? Неужели жизнь наша всегда будетъ безъ пользы и безъ обладанія? Неужели сила ея поколѣній будетъ безплодна какъ смерть, или она будетъ отбрасывать ихъ трудъ, какъ дикое фиговое дерево сбрасываетъ свои безвременные плоды? Неужели же все это сонъ,—похоть очей и гордость житейская,—а если такъ, не можемъ ли мы жить во снѣ болѣе высокомъ? Поэты и

пророки, мудрецы и книжники, хоть они и ничего не сказали о жизни будущей, но сказали намъ многое о жизни настоящей. У нихъ, тоже и у нихъ, были свои сны, и мы смѣялись надъ ихъ снами. Имъ снилось милосердіе и справедливость, миръ и благоволеніе; имъ снился трудъ безъ разочарованія и покой ненарушимый; имъ снилось изобиліе въ жатвѣ и избытокъ въ житницахъ; мудрость въ совѣтѣ, предусмотрительность въ законѣ; радость родителей, сила дѣтей, и почетъ сѣдинамъ. И мы издѣвались надъ этими ихъ видѣніями, считали ихъ пустыми и праздными, нереальными и неисполнимыми. И что же исполнили мы, со всею своею реальностью? Неужели это—все, что вышло изъ противопоставленія нашей житейской мудрости ихъ безумію? Это ли вся мощь нашего возможнаго, противъ безсилія ихъ идеальнаго? Или мы только блуждали среди призраковъ болѣе низкаго счастія, гнались за могильными тѣнями, вмѣсто видѣній всемогущаго Бога, и вели насъ измышленія нашего злого сердца, вмѣсто указаній вѣчности, пока жизнь наша, уже не въ образѣ небеснаго облака, а въ образѣ адскаго дыма, стала „какъ паръ, который появится ненадолго, и исчезнетъ“?

133. Такъ, значитъ, она исчезнетъ? Увѣрены ли вы въ этомъ? Увѣрены ли, что ничтожество

могилы будетъ отдыхомъ послѣ нашего смятеннаго ничтожества, — что тѣнь, мятущаяся втуне, не обратится въ дымъ мученія, вѣчно возносящійся къ небу? Скажетъ ли кто-нибудь, что увѣренъ въ этомъ, что нигдѣ, куда бы онъ ни обратился, нѣтъ ни страха, ни надежды, ни желанія, ни труда? Пусть будетъ такъ; но если такъ, не нужно ли вамъ увѣриться въ жизни, которая *есть*, не менѣе чѣмъ въ смерти, которая *будетъ?* Сердца ваши всецѣло принадлежатъ этому міру, — не постараетесь ли вы отдать ихъ ему не только совершенно, но и разумно? Посмотрите, прежде всего, есть ли у васъ что отдать-то, есть ли сердца и сердца здоровыя. Если у васъ и нѣтъ впереди никакого неба, это еще не причина, чтобы оставаться въ невѣдѣніи этой удивительной и безграничной земли, которая опредѣленно и непосредственно отдана въ ваше владѣніе. Хотя дни ваши сочтены, и слѣдующій за ними мракъ не подлежитъ сомнѣнію, развѣ нужно вамъ дѣлить униженіе животнаго потому только, что вы вмѣстѣ съ нимъ обречены на смерть, и жить жизнью моли и червяка потому, что вы будете ихъ спутниками въ прахѣ? Нѣтъ, это не такъ; можетъ быть, намъ остается прожить только немногія тысячи дней, можетъ быть сотни, можетъ быть — десятки; да и са-

мое долгое и лучшее наше время, когда мы оглянемся назадъ, можетъ быть покажется одной минутой, однимъ мгновеніемъ ока; все же мы люди, а не насѣкомыя; мы живыя души, а не преходящія облака. „Онъ дѣлаетъ вѣтра своими посланниками; молнію — своимъ слугою.“ Неужели мы свершимъ меньше, чѣмъ вѣтеръ и молнія? Пусть жизнь наша, какъ паръ, появится ненадолго и исчезнетъ, — будемъ все-таки исполнять работу человѣка, пока мы носимъ его образъ; вырывая изъ вѣчности нашъ маленькій клочокъ времени, вырвемъ изъ безсмертія наше убогое наслѣдіе страсти.

134. Но среди васъ есть нѣкоторые, которые не вѣрятъ этому и думаютъ, что облако жизни не имѣетъ такого конца, что оно всплыветъ просвѣтленное и проясненное къ подножію неба въ тотъ день, когда Онъ придетъ въ облакахъ и каждое око узритъ Его. Когда-нибудь, думаете вы, лѣтъ черезъ пять, или десять, или двадцать, для каждаго изъ насъ наступитъ день суда и книги раскроются. Но развѣ одинъ только день—день суда? Да каждый нашъ день — день суда, каждый день — Dies Irae, каждый день пишетъ свой безпощадный приговоръ въ пламени своего заката. Не думаете ли вы, что судъ ожидаетъ, пока не

отворятся двери могилы? Онъ ждетъ у дверей вашихъ домовъ, на перекресткахъ вашихъ улицъ; мы живемъ среди суда; судьи наши — насѣкомыя, которыхъ мы давимъ, минуты, которыя мы теряемъ; стихіи, которыя питаютъ насъ, — судятъ, служа намъ, и удовольствія, которыя насъ обманываютъ, судятъ, ублажая насъ. Во имя нашей жизни, будемъ же дѣлать работу человѣка, пока носимъ его образъ, если жизнь наша не какъ паръ и не исчезнетъ, какъ паръ.

135. „Работу человѣка“, — а что же это за работа? Ну, это намъ узнать не долго, если только мы совершенно готовы ее дѣлать. Но многіе изъ насъ думаютъ по большей части не о томъ, что̀ надо дѣлать, а о томъ, что̀ можно получить; лучшіе изъ насъ впадаютъ въ грѣхъ Ананіи — смертный грѣхъ, — мы хотимъ утаить часть цѣны; мы постоянно говоримъ о томъ, чтобы нести крестъ, какъ будто единственное, что дурно въ крестѣ, — это его тяжесть, какъ будто крестъ это такая вещь, которую слѣдуетъ только носить, а не такая, на которой слѣдуетъ быть распятымъ. „Но тѣ, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями“. Вы думаете, это значитъ, чтобы во время національнаго бѣдствія, религіознаго испытанія, во время самое критическое для

всѣхъ интересовъ и надеждъ человѣчества, никто изъ насъ не переставалъ шутить, бездѣльничать, никто не принимался ни за какую здоровую работу, никто не соглашался снять ни единаго клочка кружева съ камзоловъ своихъ лаковъ, даже если отъ этого зависитъ спасеніе міра? Или это значитъ скорѣе, что мы готовы отказаться отъ домовъ, земель, родныхъ, если придется отказаться и отъ самой жизни? Жизнь! Нѣкоторые изъ насъ откажутся отъ нея съ удовольствіемъ, такой нерадостной мы ее сдѣлали. Но „положеніе въ жизни"— многіе ли готовы отказаться отъ него? Не въ этомъ ли великое препятствіе, когда идетъ вопросъ о томъ, чтобы найти подѣлать что-нибудь полезное, — „мы не можемъ оставить своего положенія"?

У тѣхъ изъ насъ, которые дѣйствительно этого не могутъ, то-есть могутъ содержать себя не иначе, какъ продолжая какое-нибудь занятіе или службу на жалованьи, уже есть что дѣлать. Имъ нужно стараться только объ одномъ: дѣлать это добросовѣстно и изъ всѣхъ силъ. Но для большинства людей, прибѣгающихъ къ этой отговоркѣ, „оставаться въ томъ положеніи, къ которому они призваны Господомъ", значитъ продолжать имѣть всѣ кареты, всѣхъ лакеевъ, всѣ дома, на ка-

кіе только хватитъ денегъ. Говорю разъ навсегда: если Провидѣніе и въ самомъ дѣлѣ когда-нибудь призвало ихъ въ такое положеніе, — что еще далеко не достовѣрно — Оно въ настоящую минуту очень опредѣленно зоветъ ихъ вонъ изъ него. Удѣломъ Левія былъ сборъ податей; Петра — берега Галилейскаго озера, а Павла — переднія первосвященника; и всѣ они должны были бросить эти „положенія въ свѣтѣ" въ самый короткій срокъ.

И, каково бы ни было наше положеніе въ свѣтѣ, въ настоящемъ кризисѣ тѣ, кто намѣренъ исполнить свою обязанность, должны, во-первыхъ, жить на самое меньшее, что могутъ; во-вторыхъ, исполнять за это всю здоровую работу, какую могутъ, и тратить все, что могутъ удѣлить на то, чтобы дѣлать все вѣрное добро, какое могутъ. А вѣрное добро это, во-первыхъ—кормить людей, во-вторыхъ—одѣвать ихъ, въ-третьихъ — давать имъ жилище и, наконецъ,—доставлять имъ надлежащія радости, искусствомъ ли, наукой, или иными предметами мышленія.

136. Говорю: во-первыхъ,—кормить; разъ навсегда перестаньте обманывать себя обычными толками о „неразборчивомъ милосердіи". Намъ не приказано кормить ни „почтенныхъ голодныхъ", ни „прилежныхъ голодныхъ", ни

„благонравныхъ и благонамѣренныхъ голодныхъ“; намъ приказано просто кормить голодныхъ. Совершенно вѣрно, вѣрно внѣ всякаго сомнѣнія, что если человѣкъ не хочетъ работать, онъ не долженъ и ѣсть; помните это, и каждый разъ какъ садитесь обѣдать, милостивые государи и государыни, спрашивайте себя серьезно, прежде чѣмъ сказать предобѣденную молитву: „Сколько я сегодня наработалъ за свой обѣдъ?“— Чтобы законъ этотъ исполнялся не только вами, но и ниже васъ стоящими, надлежащій путь таковъ: никогда не допускайте, чтобы ваши бродяги и честные люди мерли съ голоду вмѣстѣ, а всегда различайте вашего бродягу вполнѣ опредѣленно, хватайте, запирайте куда-нибудь подальше отъ честныхъ людей и строго смотрите затѣмъ, чтобы онъ дѣйствительно ничего не ѣлъ, пока не будетъ работать. Но прежде всего вы должны быть увѣрены, что у васъ будетъ чѣмъ кормить; а потому слѣдуетъ настаивать на организаціи обширной агрикультурной и торговой дѣятельности, для производства наиболѣе здоровой пищи, надлежащаго ея сохраненія и распредѣленія, такъ чтобы среди цивилизованныхъ существъ никакой голодъ былъ бы уже невозможенъ. Одно это дѣло уже требуетъ большой работы, и работы безотлага-

тельной, для любого количества желающихъ имъ заняться.

137. Затѣмъ—одѣвать людей, то есть убѣждать всѣхъ тѣхъ, на кого можетъ распространяться ваше вліяніе, — быть всегда чистыми и опрятными, и давать имъ на это средства. Если же они уже положительно этого не хотятъ—откажитесь отъ вашихъ стараній по отношенію къ нимъ и заботьтесь только о томъ, чтобы дѣти, въ сферѣ вашего вліянія, уже болѣе не воспитывались въ такихъ привычкахъ; и чтобы всякій, кто хочетъ одѣваться прилично, былъ въ этомъ поощряемъ. Первый, абсолютно необходимый шагъ для достиженія этого результата—постепенное принятіе соотвѣтствующаго костюма различными классами общества, такъ чтобы званіе узнавалось по одеждѣ, и ограниченіемъ до нѣкоторыхъ предѣловъ перемѣнъ моды. Все это кажется пока совершенно невозможнымъ; но оно даже и трудно-то только постольку, поскольку намъ трудно побѣдить свое тщеславіе, легкомысліе и желаніе казаться не тѣмъ, что мы есть. А я никогда не вѣрилъ и никогда не повѣрю, чтобы такіе подлые и пустые пороки не могли быть побѣждены христіанскими женщинами.

138. И, наконецъ, въ-третьихъ—давать людямъ жилище; вамъ кажется, можетъ быть,

что это слѣдовало бы поставить на первомъ мѣстѣ, но я ставлю на третьемъ, потому что надо кормить и одѣвать людей тамъ, гдѣ мы ихъ находимъ, и потомъ уже поселять ихъ. А доставленіе имъ жилища — дѣло, требующее обширной и усиленной законодательной работы, урѣзыванья стоящихъ на дорогѣ владѣльческихъ интересовъ и послѣ этого—или прежде, если возможно,—полной санитарной и оздоровляющей реформы тѣхъ домовъ, которые уже у насъ есть; затѣмъ постройки новыхъ, крѣпкихъ и красивыхъ, небольшими группами, соотвѣтствующими по величинѣ своимъ рѣкамъ и окруженными стѣною, чтобы не было вокругъ никакихъ зловонныхъ и грязныхъ предмѣстій, а были бы внутри стѣнъ только чистыя и оживленныя улицы, а внѣ ихъ — открытое поле за широкою каймою садовъ и огородовъ, и въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ любой части города—трава, совершенно чистый воздухъ и видъ дальняго горизонта. Такова конечная цѣль; но въ сферѣ нашей непосредственной дѣятельности всякое ничтожное добро, какое попадается, должно быть сдѣлано безотлагательно, когда и какъ можетъ,—дырявыя крыши починены, сломанные заборы поправлены, покачнувшіяся стѣны и трясущіеся потолки подперты; порядокъ и

опрятность возстанавливаемы собственными нашими руками и подъ непосредственнымъ нашимъ надзоромъ, до полнаго нашего ежедневнаго изнеможенія. Вслѣдъ за этимъ придутъ въ добромъ здоровьи и всѣ изящныя искусства. Я самъ, вооружившись лоханкой и вѣникомъ, однажды вымылъ сверху до-низу каменную лѣстницу въ савойской гостиницѣ, гдѣ ни разу не мыли крыльца съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ вошли на-него, и послѣ этого рисовалъ такъ, какъ никогда въ жизни.

139. Вотъ три первыя потребности цивилизованной жизни. Обязанность всякаго христіанина и всякой христіанки — непосредственно служить одной изъ этихъ трехъ потребностей, насколько это совмѣстимо съ ихъ собственнымъ спеціальнымъ занятіемъ, а если же такого занятія нѣтъ—всецѣло отдаться служенію которой нибудь изъ нихъ. Изъ такого упражненія въ простыхъ обязанностяхъ возникнетъ всякое другое добро:—непосредственная борьба съ матеріальнымъ зломъ раскроетъ вамъ истинную природу всякаго зла; изъ различныхъ родовъ сопротивленія вы узнаете, въ чемъ вся бѣда и что болѣе всего враждебно добру; вы найдете также и помощь въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ и получите самыя глубокія наставленія; къ вамъ низой-

дутъ истины, до которыхъ не подняли бы васъ умозрѣнія цѣлой жизни. Какъ только вы дѣйствительно захотите что-нибудь дѣлать, — почти всѣ вопросы воспитанія разрѣшатся сами собой; каждый человѣкъ сдѣлается полезнымъ, наиболѣе свойственнымъ ему образомъ и научится тому, что ему для этого всего нужнѣе. Конкурсные экзамены тогда, и только тогда, сдѣлаются вещью хорошей, потому что будутъ производиться ежедневно, спокойно и на практикѣ. И на основѣ этихъ-то домашнихъ искусствъ и этого-то мелочнаго, но твердаго и полезнаго знанія, воздвигнутся и прочно установятся болѣе великія искусства и великолѣпныя отвлеченныя науки.

140. И еще гораздо болѣе того. На такихъ святыхъ и простыхъ дѣлахъ будетъ основана, наконецъ, непогрѣшимая религія. Величайшая изъ всѣхъ тайнъ жизни и самая ужасная изъ нихъ, — это растлѣніе даже самой искренней религіи, если она не основывается на ежедневной, разумной, плодотворной, смиренной и полезной дѣятельности. Дѣятельности полезной, замѣтьте! Потому что есть одинъ единственный законъ, соблюденіе котораго сохраняетъ въ чистотѣ всякую религію, а нарушеніе дѣлаетъ ихъ всѣ ложными. Во всякой религіозной вѣрѣ, темной ли или свѣтлой, какъ только

мы позволяемъ себѣ останавливаться мыслью на тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ мы разнимся отъ другихъ людей, мы неправы, мы во власти діавола. Это—сущность благодарственной молитвы фарисея: „Господи, благодарю Тебя за то, что я не такой, какъ другіе люди." Каждую минуту своей жизни мы должны стараться отыскать не то, въ чемъ мы разнимся съ другими людьми, а то, въ чемъ мы согласны съ ними; и какъ только найдемъ, что согласны съ ними въ томъ, чтобы сдѣлать что-нибудь хорошее или доброе (а кто же кромѣ дураковъ не сможетъ этого найти?) дѣлайте это тотчасъ; толкайте вмѣстѣ; вы не можете поссориться, толкая рядомъ; но какъ только даже лучшіе изъ насъ перестаютъ толкать и начинаютъ разговаривать, — значитъ, они приняли за любовь къ ближнему свою сварливость,—и всему дѣлу конецъ. Не буду говорить ни о тѣхъ преступленіяхъ, которыя совершались въ былыя времена во имя Христа, ни о тѣхъ безумствахъ, которыя въ настоящее время считаются совмѣстными съ повиновеніемъ Ему; но *буду* говорить о болѣзненной извращенности и безплодной тратѣ жизненной силы въ религіозныхъ умствованіяхъ, которыми отклоняется или отвергается чистая сила того, что должно быть руководящей душой всякой націи, лучезар-

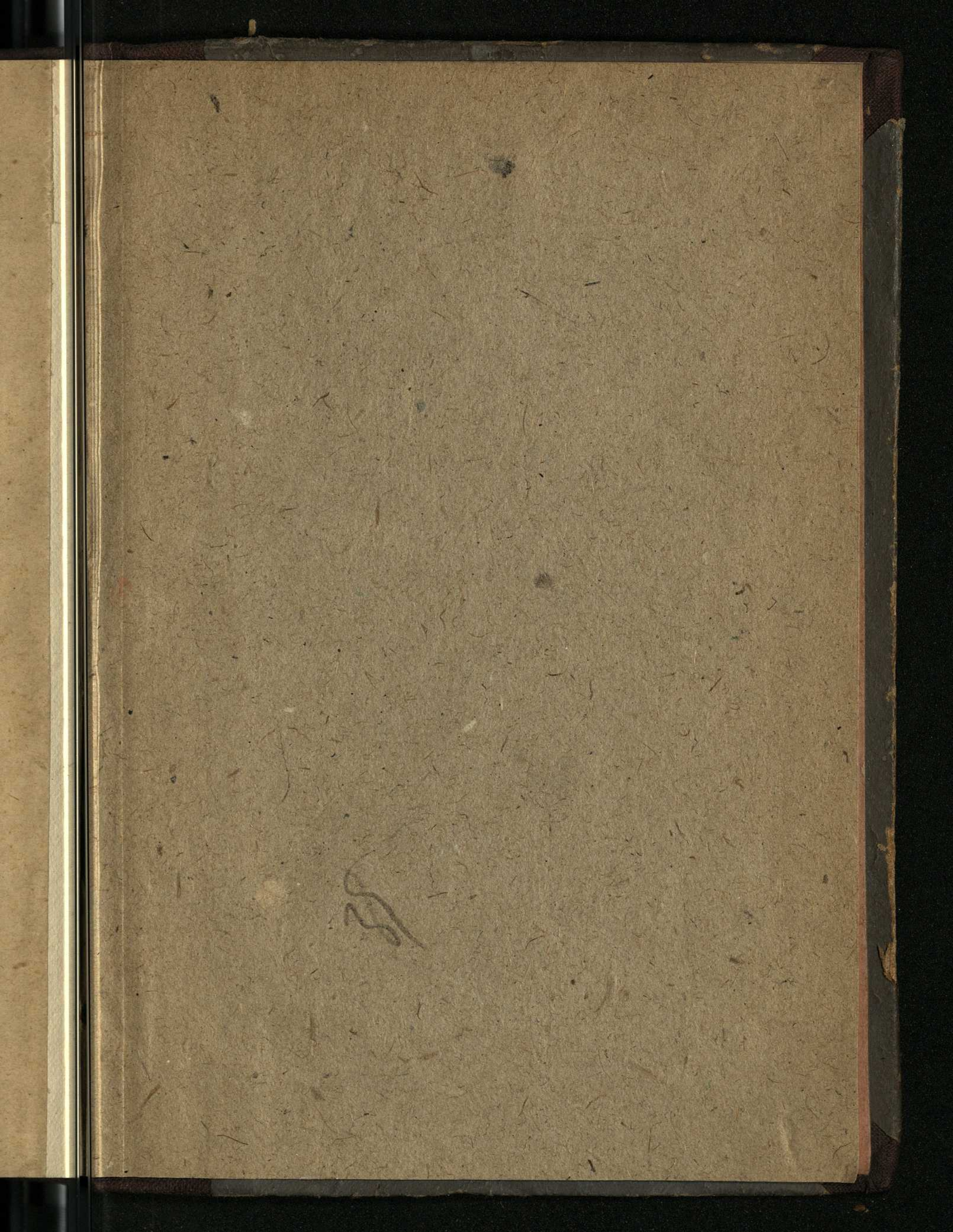
нымъ блескомъ ея юности и непорочнымъ свѣтомъ ея дѣвъ. Вы постоянно видите дѣвушекъ, которыхъ никогда не учили ничего дѣлать, какъ слѣдуетъ; онѣ не умѣютъ ни шить, ни стряпать, ни свести счета, ни приготовить лѣкарство: вся жизнь ихъ проходитъ или въ забавахъ, или въ гордости; и вы видите, что тѣ изъ нихъ, которыя обладаютъ горячимъ сердцемъ, тратятъ всю свою врожденную страстность религіознаго чувства, предназначенную Богомъ, чтобы поддерживать ихъ въ скучномъ будничномъ трудѣ, на безплодныя и мучительныя размышленія о смыслѣ великой книги, изъ которой ни одного слога никто никогда еще не понялъ иначе, какъ черезъ дѣло; вся инстинктивная мудрость и милосердіе ихъ женской природы пропадаютъ даромъ; сіяніе ихъ чистой совѣсти искажается, превращаясь въ безплодную муку надъ вопросами, которые законы будничной, полезной жизни или разрѣшили бы имъ въ одну минуту, или устранили бы отъ нихъ совершенно. Дайте такой дѣвушкѣ какую-нибудь полезную работу, чтобы заря заставала ее дѣятельной, а ночь—утомленной и сознающей, что день ея не пропалъ даромъ для ея ближнихъ,—и безсильное горе ея энтузіазма превратится въ величіе лучезарнаго и благотворнаго покоя.

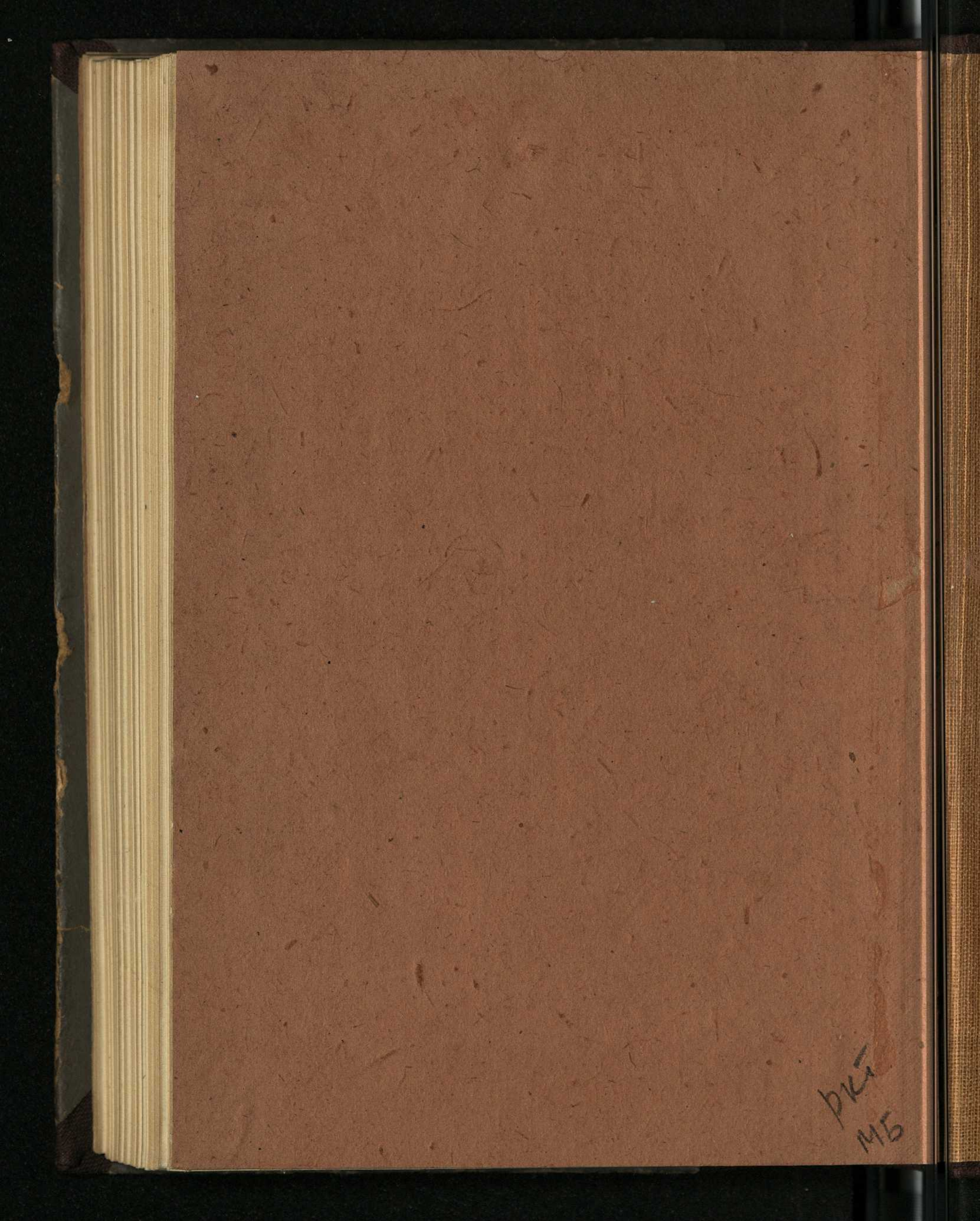
То же относится и къ нашимъ юношамъ. Мы когда-то учили ихъ писать латинскіе стихи и считали ихъ образованными; теперь учимъ ихъ прыгать, грести и попадать палкой въ мячикъ,— и считаемъ ихъ образованными. Умѣютъ ли они пахать, умѣютъ ли сѣять, умѣютъ ли сажать въ надлежащее время и строить твердою рукою? Въ томъ ли все усиліе ихъ жизни, чтобы быть цѣломудренными, благородными, вѣрными, чистыми въ помыслахъ и прекрасными въ словѣ и дѣлѣ? У нѣкоторыхъ— да, и у многихъ; въ нихъ сила Англіи и ея надежда; но намъ нужно обратить ихъ мужество отъ трудовъ войны къ трудамъ милосердія, и умъ ихъ отъ споровъ о словахъ къ различенію вещей, и ихъ рыцарство отъ случайныхъ подвиговъ странствующей жизни къ державной и вѣрной королевской власти. И тогда дѣйствительно пребудетъ съ нами и съ ними нетлѣнное счастіе и непогрѣшимая религія; тогда пребудетъ съ нами Вѣра, не боящаяся искушеній и не нуждающаяся въ защитѣ гнѣва и страха; тогда пребудетъ съ нами Надежда, не сокрушимая угнетающими годами, не устыженная обманчивыми призраками; тогда пребудетъ въ насъ и для насъ то, что больше всего этого: пребывающая воля, пребывающее имя нашего Отца. Потому что больше всего этого—Любовь.

СОДЕРЖАНІЕ

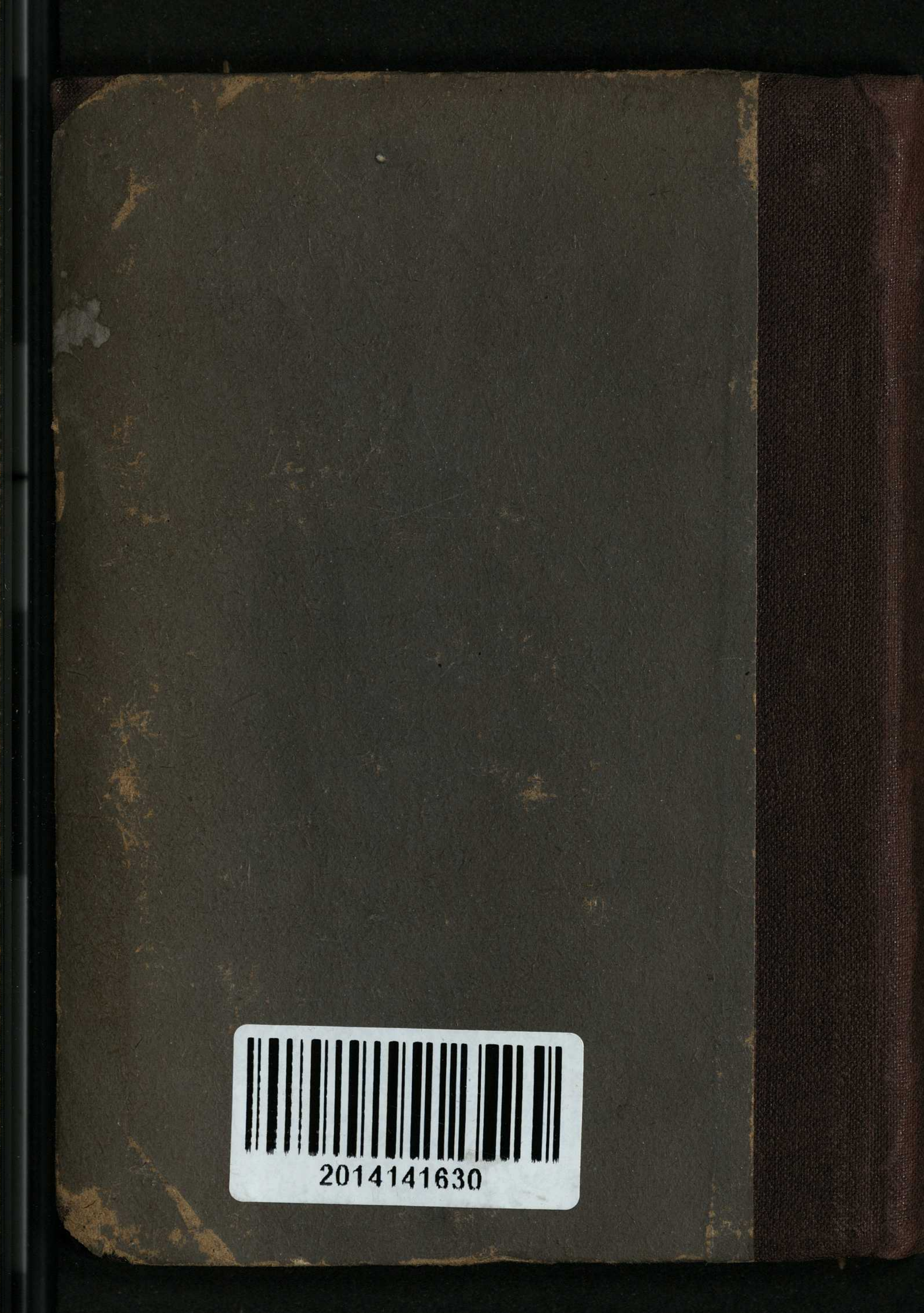
РЕСКИНЪ. Искусство и дѣйствительность (избранныя страницы). Переводъ О. М. Соловьевой. Второе изданіе. Ц. 1 р. 50 к.

Ц. 60 к.

2014141630